

Нодар Думбадзе Я вижу солнце

ТЕТЯ

Кедровка на сухой ветке шпанской вишни пела так самозабвенно, с таким упоением, что тетя прервала работу, вынесла во двор треногий стульчик, уселась под деревом и обратилась в слух. Я прилег тут же на траве и закрыл глаза. Кедровка пела не переводя дыхания. Я стал было молча, про себя повторять нехитрый мотив птичьего напева, но мне не хватило воздуха. А кедровка продолжала свистеть, временами поглядывая искоса на катившееся к закату солнце. Огромное, красное, похожее на медное блюдо, светило медленно опускалось к горизонту, и разбросанные в долине Супсы деревни под его лучами алели, словно охваченные пламенем.

– Кето! – раздался крик у ворот. Кедровка умолкла.

– Сосойя!.. Сосойя! – повторил тот же голос.

– Кто там? Входите! – ответил я недовольно и встал. Во двор вошел бригадир нашего колхоза Датико.

– Здравствуйте! – приветствовал он нас.

– Здравствуй! – ответила тетя. – Заходи!

Тетя направилась к кухне, Датико последовал за ней, и я снова прилег и взглянул на дерево, где только что сидела кедровка. Но ее и след простыл.

Я встал и пошел на кухню. Бригадир, горячо о чем-то толковавший с тетей, при моем появлении умолк. А тетя так и осталась сидеть – обхватив руками колени и уставившись в затухающий в камине огонь.

Бригадир достал из кармана кисет, свернул сигарку, прикурил от тлеющей головешки. В кухне запахло горьким, вонючим табаком.

– Сосойя, будь другом, дай напиться! – попросил меня бригадир.

Я взял кувшинчик с водой.

– Да нет, принеси-ка свеженькой!

Я вышел во двор.

Когда я вернулся, Датико опять о чем-то говорил тете и опять вдруг замолчал.

Я налил воду в стакан, подал бригадиру. Он нехотя выпил.

– Налить еще?

– Нет, спасибо.

– Чего там! Налю еще... Тетя улыбнулась.

– Нет, нет, достаточно! – Датико помолчал, потом вдруг обратился ко мне: – Сосойя, посмотри, на кого это там собака лает?

– А пусть себе лает... Если гость, позовет.

Датико помялся. Потом решился:

– Слушай, Сосойя, будь человеком, выйди на минутку, дай поговорить с Кето!

– А я мешаю? Говори при мне! – ответил я и уселся так прочно, что сдвинуть меня с места смогли бы разве только вместе со стулом.

– И это ты называешь уважением младшего к старшему, хозяина – к гостю?! – Бригадир взглянул на меня так, что я понял: не будь здесь тети, он с удовольствием оборвал бы мне уши.

– Какой ты гость? Торчишь здесь каждый божий день!

– Замолчи, Сосойя! – прикрикнула на меня тетя.

– На то я и бригадир, чтобы навещать всех членов своей бригады, – объяснил Датико.

– Вот и прекрасно! Навестил нас, теперь ступай к другим.

– Чего это он грызет меня, Кето! – обратился Датико к тете.

– Говори, Датико, что у тебя за дело?

– А вот что: завтра после полудня наша бригада едет в Мерия... Будем кукурузу мотыжить... Может, отпустишь парня? Как-никак помощник... Понял теперь, почему я пришел? – обернулся бригадир ко мне.

– Понял! – огрызнулся я.

Тетя опять улыбнулась. Потом она встала, подошла к камину, сбросила с кеци жестяной лист, покрытый слоем горячих углей, проверила, испеклось ли мчади, завернула его в полотенце и положила на стол. Затем достала из бочонка головку сыра покрупнее, отжала ее и положила на мчади.

Поняв, что тетя готовит мне завтрак в дорогу, Датико улыбнулся.

– Договорились, значит?

– Договорились, – ответила тетя, – а теперь... извини, Датико, дела у меня...

Датико направился к двери. Переступив порог, он обернулся и сказал:

– В полдень соберемся у почты. Придешь туда, Сосойя, ладно? И перестань, ради бога, дуться на меня! Что нам с тобой делить, а? Ну как, помирились?

Я кивнул.

– А трудодень ему я выпишу полный, как всем, – сказал Датико тете.

– Как знаешь.

Бригадир ушел.

Я вышел во двор, взял прислоненную к мушмуле мотыгу, отнес ее к ручейку и опустил обухом в воду. Тетя вынесла из кухни лампу, прикрыла дверь, продела в петлю запора палочку, и мы поднялись ночевать в оду.

Моя тетя – учительница грузинского языка. Она самая образованная и красивая женщина в нашем селе. Зовут ее Кетеван, Кето, и она, как две капли воды, похожа на мать божью Марию, изображенную на нашей иконе (икона эта давно уже хранится в нашем старом сундуке). И поэтому, наверно, никто до сих пор не осмелился признаться тете в любви. Так и ходит она в незамужних девках. Я очень люблю свою тетю и боюсь, чтобы она не вышла замуж. Тетя, видимо, догадывается об этом и потому не спешит с замужеством. Иначе за чем же дело стало?

Я лежу навзничь в своей кровати, и сна ни в одном глазу.

– Тетя, – зову я шепотом.

– Ну?

– Спишь?

– Чего тебе?

– Отчего это Датико-бригадир заладил каждый день ходить к нам?

– А я почем знаю!

– Пусть не ходит!

– Гнать человека из дому, что ли?

– Не знаю... Пусть не ходит... Сидит командует: воду ему принеси, узнай, почему собака лает, пойдти туда, пойдти сюда... Знаю я, что ему нужно!

– Тетя молчит.

– Тетя, сколько тебе лет?

– Да спи ты, чертенок!

– Скажи!

– Ну тридцать пять.

– А почему ты не выходишь замуж?

Тетя не отвечает. Я слышу ее ровное дыхание и жду. Но проходит минута, другая, а она все молчит.

– А, тетя?

– Спи, Сосойя, завтра тебе на работу!

– Почему ты не выходишь замуж?

– Вот пристал! Да не берет меня никто! Не нравится твоя тетя никому!

– Врешь! Ты всем нравишься, и Датику любит тебя!

– А он не нравится тебе. Так?

– Так!

– Ну и отлично. А теперь засни!

Я засыпаю. Я вижу сон: перед нашей сельской церковкой в белом подвенечном платье стоит тетя – стройная, красивая, как божья мать. У ее ног – на коленях – все мужчины нашего села. Я тоже подхожу к ней, опускаюсь на колени и прошу, умоляю ее не выходить замуж. И тетя соглашается. Она снимает подвенечное платье, обнимает меня, и мы идем домой.

Утром до полудня я занимался дома по хозяйству. Потом уложил завтрак в школьную сумку, сбежал к ручейку, взял мотыгу, продел ее черенок сквозь ручку сумки и помчался к почте.

Вся наша бригада уже была в сборе. Здрава головы, люди слушали радио. Висевший на столбе старый, изодранный репродуктор дрожал и хрипел. Как только я подошел к столбу, репродуктор умолк.

– Здравствуйте, земляки! – приветствовал я собравшихся. Никто мне не ответил.

– Здравствуйте, люди! – повторил я. Снова молчание.

– Дядя Герасим! – встряхнул я соседа. – В чем дело?

Герасим посмотрел на меня отсутствующим взглядом, присел на ступеньки лестницы, скрутил сигарку и, не произнеся ни слова, закурил.

– Дядя Асало, что случилось? – бросился я к другому соседу. – Что здесь происходит?

Асало оглядел меня с ног до головы, потом отвернулся и тихо сказал:

– Война, Сосойя, война!

– Какая война, дядя Асало?

– Обыкновенная: драка, убийство, кровопролитие... Понял?

– С кем?

Асало махнул рукой.

– С кем? – повторил я и огляделся. Люди вокруг меня стояли притихшие, испуганные, бледные.

– С Германией! – ответил наконец кто-то.

– С какой Германией?

– О господи! – вздохнул Асало. – С зеленой!

Я понял, что случилось нечто страшное, пришла великая, небывалая, необычная беда. Столько испуганных, онемевших людей я никогда еще не видел. И я испугался. Меня обаял страх, какой находит на мальчишку, которого в полночь заманили на кладбище и оставили там одного. Я подсел к дяде Герасиму и положил руку ему на колено. Герасим удивленно взглянул на меня, потом погладил по голове и сказал:

– Иди, сынок, домой и не бойся! Я встал и поплелся.

Сумку и мотыгу забыл!

Я вернулся, забрал свои манатки и пошел домой. Солнце уже стояло высоко над Толебскими горами, когда я миновал мост через Супсу и свернул на тропинку.

– Сосойе Мамаладзе – мой привет!

Я поднял голову. Передо мной стоял Лука Поцхишвили с огромной корзиной за спиной. Пот лил с него ручьями.

– Будь другом, Сосойя, помоги-ка снять корзину!

Я помог. Лука, кряхтя, сел, уперся спиной в корзину, рукой показал мне место рядом с собой и начал:

– Яблоки вот несусь на базар. Знаешь ведь мою яблоню? Ну да, у свинарника... А свинью мою видел? Супоросая... И корова стельная... Ты погляди-ка на яблоки... Вынь, посмотри. Только не ешь! Этих – не ешь, они для базара, а завтра приходи ко мне и нарви сколько

душе угодно... Табачок у тебя найдется? Вот спасибо!.. Хороший сегодня день. Мне бы с утра да в поле! Но что поделаешь! Деньги-то тоже нужны. Дай-ка бумажку... Вот спасибо!.. Спросить нашего бригадира, так... Спички есть? Вот спасибо!.. Ему-то что? Ни жены, ни детей! Мальчика, говорит, пришли с утра. Вот еще! Мальчик в этом году в институт поступает, а я его пошлю поле мотыжить? Как же! Только и думаю! Прав я? Что ты молчишь, дурень? Скажи хоть слово!

- Война, дядя Лука!
- Что? Какая война?
- Германия напала!
- На кого?
- На нас.
- На кого – на нас?
- На нас, на Советский Союз.
- Когда?
- Сегодня!

Лука вдруг побледнел, поперхнулся дымом и зашелся от кашля. Он схватил меня за руку и сжал ее так, что пальцы у меня посинели. Отдышавшись, он с трудом выговорил:

- Кто это сказал?
- Радио...
- Не может быть!
- Радио сказало...
- Ты шутишь! Шутишь ведь, а? – В голосе Луки прозвучала мольба.
- Да нет, дядя Лука... Передали по радио...

Лука не ответил. Он долго сидел, уставившись в землю, потом поднялся, словно побитый, взвалил на спину корзину и пошел. Отойдя несколько шагов, он остановился, обернулся и собрался было что-то сказать, но передумал. Так он стоял и смотрел на меня.

– Что, дядя Лука?

Лука махнул рукой и, так и не вымолвив ни слова, побрел домой.

... Тетя одной рукой месила в корыте кукурузное тесто, другой подливала горячую воду из кувшинчика. Дверь в кухню была открыта, и я вошел, не замеченный тетей.

– Тетя, сегодня утром Германия напала на нас! Тетя в недоумении взглянула на меня.

– По радио объявили, что Германия начала войну с нами! У тети задрожали руки. Она не сводила глаз с меня, вода из кувшинчика лилась в корыто, потом густая белая жижа стала переливаться через край корыта и стекать к ногам тети. Я остолбенело глядел на ее дрожащие руки.

– Ты понимаешь, что говоришь? – до меня голос тети откуда-то издали.

Я отрицательно покачал головой. Я не понимал, что говорил, но чувствовал, что случилось нечто страшное, что в наш дом пришла великая, небывалая, необычная беда.

ОТЛИВ

Во дворе районного клуба полно народу. Люди смеются, поют, плачут, о чем-то просят, что-то обещают друг другу, обнимаются, целуются, вновь возвращаются к уже сказанному, договариваются, еще раз обнимаются, и так без конца.

На траве под ветвистой шелковицей сидит дядя Герасим. Он курит и не сводит глаз со своего сына, который с громкими возгласами «Гоп-па! Гоп-па!» подбрасывает в воздух и ловит маленькую дочь. Девчурка смешно дрыгает ножками, визжит и хохочет. Здесь же стоит невестка Герасима, чернобровая Машико. Она кусает губы и украдкой смахивает слезы.

Асало Гудавадзе пристроился на лестнице клуба. Рядом с ним сын, у ног парня – молодая женщина. Она уткнулась лицом в колени мужа и не переставая плачет.

– Ты ее к родителям не отпускай, батя! – наставляет парень Асало и нежно гладит жену по голове.

– Никуда я ее не отпущу, сынок! – обещает Асало.

– Слышь, Маргарита, не оставляй папу! Жалко старика! Женщина плачет.
– Я скоро вернусь, отец!
– Конечно, сынок!
– Ну, хватит, перестань! Не я один иду в армию! Маргарита плачет громче. Парень обнимает, ласкает жену.
– А ты, сынок, не очень-то... того... Не погуби себя по глупости, будь осторожен! – просит сына Асало.
– Не бойся, батя! Вот те крест: привезу тебе голову Гитлера! – улыбается парень.
– Брось ее свиньям! Сохрани-ка лучше собственную! Женщина плачет.
– Так ты присмотри за ней, батя, ладно? – просит сын.
– Да ты что! Одурел? – отец. – Батя! – мнетя сын.
– Говори, сынок!
– Месяц-другой еще ничего... А потом... Не посылай ее за водой и дровами... И на мельницу...
Асало кивает головой.
– Сама не скажет, знаешь ведь ее характер. Не позволяй ей таскать тяжести...
Асало понимающе улыбается:
– Да ладно... Что я, маленький?
Лука свертывает и никак не может свернуть сигарку. Руки у него дрожат, бумага рвется, табак рассыпается. Я беру из его рук кисет, кручу самокрутку, протягиваю. Лука глазами благодарит меня и жадно затягивается. Теперь у него дрожат губы.
– Сосойя, как мне быть с моим Кукури, а? – спрашивает меня Лука.
Что ему ответить? Кукури стоит, окруженный подвыпившими сверстниками, и рассказывает им что-то смешное. Ребята ржут.
– Обреют их всех! – сокрушается Лука.
– Подумаешь! Нам в классе тоже велют стричь головы наголо! – успокаиваю я его.
– Герасиму что? У него вон какая крепенькая внучка на руках. А у меня кто? Кто остается у меня?
– Кукури скоро вернется, дядя Лука!
– Эх, Сосойя, дорогой мой, все не вернуться...
– Все вернуться! – говорю я, потому что уверен: так оно и будет. Я еще не знаю случая, чтобы не вернулся человек, призванный в армию.
Я направляюсь к группе молодых. Они обступают меня, улыбаются, обнимают, целуют. И я тоже улыбаюсь и целую их.
– Уходишь, Анзор?
– Ухожу, Сосойя!
– Вернешься?
На груди у Анзора плачет его невеста Маквала. Она повторяет мой вопрос:
– Скажи, Анзор, ведь вернешься?
– А как же!
– А ты, Никуша?
– И я вернусь, Сосойя! А ты не поедешь с нами?
– Кому он нужен! – смеется Абибо.
– Не моя же вина! – оправдываюсь я.
– Гляди, Сосойя, сколько здесь девок! Оставляем этих коз на твое попечение! Побереги их, как бы шакалы не съели! – смеется Джумбер.
– Все шакалы, сколько вас тут, едут в армию, кто же их съест? – отвечаю я.
Девушки смеются. Я иду дальше.
– Кого ты провожаешь, Сосойя? – спрашивает Тамаз.
– А ты разве не едешь?

– Еду, конечно!

– Вот тебя и провожаю!

Тамаз обнимает меня, целует и спрашивает шепотом:

– А кого провожает твоя тетушка Кето?

Тетя и Датико-бригадир стоят у ограды. Датико что-то говорит тете, которая внимательно слушает его. Я смотрю на них. Датико бледен. Он берет тетю за руку, и тетя не пытается отстранить его. Так стоят они, почти касаясь друг друга, и тетя, как никогда, напоминает мне изображенную на старой иконе богоматерь. Но теперь я не боюсь, что она выйдет замуж, что кто-то посторонний отнимет ее у меня. И потому я не подхожу к ней. Тетя чувствует мой взгляд, оглядывается. Оглядывается и Датико.

– Сосойя, иди сюда! – зовет он.

Я подхожу и становлюсь рядом с тетей.

– Ты что, обижен на меня? – спрашивает Датико и треплет меня за волосы.

– Очень мне нужно обижаться... на тебя! – отвечаю я и собираюсь уходить.

– Погоди, побудь с нами!

Я остаюсь.

– Ну вот, я иду на войну!

– Все идут!

– Так ты присмотри за тетей! Ты уже мужчина!

– Обойдусь без твоих советов!

– Знаешь ведь, как я люблю твою тетю!

– Я сам ее люблю больше тебя!

– Я скоро вернусь, Сосойя, и потом мы будем всегда вместе!

– Все вернутся, и все будем вместе!

– Нет, Сосойя, вернутся далеко не нес!

– А вот увидим!

Во двор входит новая группа молодежи. Окружив тесным кольцом красивую, с огненно-рыжими волосами девушку, ребята громко поют:

На войну мой милый едет,

Я за ним последую,

Вместе мы домой вернемся,—

Ждите нас с победою!

После полудня на балкон клуба вышел военком района и произнес двухчасовую речь. Запутавшись в причинах и последствиях первой мировой войны, он с ходу переключился на анализ фактов, обусловивших начало второй. Он сровнял с землей фашистскую Германию. Крепко досталось также Италии и Японии. Военком так убедительно рассказывал об успехах наших войск, о сокрушительных ударах нашей авиации, артиллерии и особенно кавалерии, которая, по его словам, вот-вот должна была вступить в Берлин, что готовые к отправке на фронт парни чуть было не разошлись по домам.

Как только военком закончил свою речь, духовой оркестр грянул туш. А потом оркестр вдруг умолк. Музыканты бережно сложили инструменты на траву, по очереди расцеловали старика маэстро и вскочили на грузовики.

Народ хлынул к автомашинам. Раздались возгласы:

– Значит, едешь, Анзор?

– Не ленись писать письма!

– Смотри, сынок, будь осторожен!

– Побереги себя, не губи старика, дорогой!

– Лезь скорей в машину, Амиран, а то кончится без тебя война!

– Заводи же, черт тебя возьми, нет больше моих сил!

И вдруг словно померкло солнце, словно наступила ночь, словно в мире что-то изменилось... Десять грузовых автомашин увозили в неведомое часть нашей крови и плоти – цену той огромной любви, которой мы, люди, любили родную землю.

И теперь мы, матери, жены, отцы, сестры, дети, принесшие эту жертву, толпились у грузовиков, и лишь старик маэстро стоял одиноко, закрыв лицо руками, среди лежавших на зеленой траве инструментов, и плечи у него дрожали.

Машины двинулись.

В тот день впервые увидел я столько испуганных людей со слезами на глазах, впервые увидел плачущую тетю.

День этот был похож на морской отлив, после которого на берегу остаются рыбы, раковины и щепки...

Я лежу с раскрытыми глазами в темной комнате и шепчу;

– Тетя!

– Да?

– Спишь?

– Нет.

– Уехал Датико...

– Все уехали!

– Поедут еще?

– Многие поедут.

– А если Датико не вернется?..

– Спи!

– Что, если он не вернется?

– Многие не вернуться...

– А занятия в школе будут?

– Будут...

– А свадьба Жорика завтра будет?

– Будет, все будет!

– Тётя!

– Отстань, Сосойя!

Я засыпаю. На этот раз я не вижу снов...

ХАТИЯ

Начало войны прежде всего сказалось на делах нашего магазина. С прилавка исчезли сперва сахар, спички, затем – одно за другим – масло, мыло, соль, керосин, хлеб. Наконец исчез сам продавец Ласа.

Потом стали зарастать травой кукурузные поля... Перестал вертеться один из трех мельничных жерновов... Кончились дрова, и тетя Матрена попросила меня срубить у нее во дворе Дерево с вьющейся на нем «Одессой». Люди забыли про традиционные гулянья и праздники... Опустели лари с мукой, и настал день, когда тетя испекла мчади из непросеянной муки... А спустя месяц нас взбудоражили душераздирающие причитания женщины, и на селе появилась первая вдова в трауре. По утрам не будил сельчан повелительный крик бригадира Датико:

– Выходи, Андройя!

– Не ленись, Эдемика!

– Сосойя, протри глаза!

– Минадора, окати-ка водой своего бездельника! Теперь каждый день с рассветом на пригорке появлялась бригадир Ксения и, приставив ко рту руки трубой, начинала вопить на все село:

– Матрена-а-а, хватит спать!

- Машико-о-о, выходи на чай!
- Маргарита-а-а, ступай на ферму!
- Сосойя-а-а, чтоб ты оглох, паршивец!
- Гера-а-а-сим, у-у-у-у!

На работу звали всех, и на работу выходили все, кто мог работать... Не звали лишь Хатию – дочь Виссариона Шаликашвили. Но в этом не было нужды: Хатия вставала раньше всех. Уложив венцом на голове золотистые косы, она шла на чайную плантацию, громко здоровалась со всеми, становилась в ряд и начинала осторожно срывать нежные побеги, ощупывая каждый из них своими красивыми тонкими пальцами.

Если мы работали на прополке кукурузы, Хатия, став на колени, руками вырывала траву. Или же садилась на краю делянки и молча всматривалась куда-то вдаль, в беспокойную синеву неба. И улыбалась огромными голубыми глазами.

Хатия улыбалась всем и всему. Она без слов понимала всех. Она радовалась чужим радостям и переживала чужое горе. Она была удивительно умна и на редкость сообразительна, знала все, что происходило на селе, и умела давать людям советы, всегда добрые, правильные и удачные. И потому все любили Хатию.

Хатия была моей ровесницей. Мы вместе ходили в школу, сидели рядом на задней парте, повторяли хитроумные уравнения, выводимые учителем мелом на доске. Хатия никогда ничего не записывала. Она все запоминала наизусть и считалась лучшей ученицей в нашем шестом классе, лучшей и самой красивой. Хатия никогда не смотрела людям в лицо – взор ее был устремлён в пространство.

Она была от рождения слепой.

Было раннее утро. Я еще нежился в постели, тетя пришивала пуговицу к моей блузке.

На балконе послышались шаги. И тут же раздался робкий голос:

– Тетя Кето!

Мы, конечно, сразу же узнали Хатию.

– Входи! – крикнула тетя.

– Доброе утро! – сказала Хатия и стала в дверях.

– Здравствуй, моя девочка! – ответила тетя. – Ты что так рано? Проснулась с первыми петухами, что ли?

– А я и не спала вовсе, тетя Кето...

– Почему же?

– Сосойя здесь?

– Здесь я, чего тебе? Я спать хочу!

– Пусть он встанет и выйдет, тетя Кето!

Тетя удивленно взглянула на меня, потом сказала:

– Вставай, Сосо!

– О-о-о-о, – протянул я недовольно, – самой не спится, так и другим не дает спать...

Отвернись!

Хатия улыбнулась и отвернулась.

Я встал, надел штаны, вышел, громко хлопнув дверью, на балкон, так же громко стуча ногами, сделал несколько шагов, потом на цыпочках вернулся к двери и приник к ней ухом.

– Отойди от дверей, Сосойя, я слышу твое дыхание! – крикнула Хатия.

Мне ничего не оставалось, как спуститься во двор.

Спустя несколько минут я вернулся в комнату.

Бледная, как полотно, тетя сидела у стола, приложив к вискам ладони и тупо глядя на лежавшую у нее на коленях мою блузку. За тетей, обняв ее за плечи, стояла Хатия.

– Да ты понимаешь, что говоришь? – прошептала тетя, не поднимая головы.

Хатия не ответила.

– Может, ты ошиблась, девочка?

– Нет, тетя Кето, что-что, а голоса наших людей я узнаю точно...

– Нельзя поверить в такое, Хатия! – воскликнула тетя.

Выйдя с мельницы и поднявшись на горку, я остановилась передохнуть... Послышались шаги, и он спросил: «Кто здесь?» – «Это я, Хатия!» – ответила я. «Что ты шатаешься по ночам!» – проворчал он.

Хатия умолкла.

– А потом? – спросила с нетерпением тетя.

Я ответила, что для меня ночь и день – все одно, и назвала его по имени. «Что за чепуху ты порешь, – прикрикнул он, – я Тараси, Тараси Антидзе!»

– А может, это и вправду был Тараси? – в голосе тети прозвучала мольба.

– Прежде чем прийти к вам, я была у него... – тихо ответила Хатия.

– И что же?

– Болен Тараси... Третий день лежит в постели...

– Может, тебе все померещилось, Хатия?

– Нет, тетя Кето, не померещилось. Он придет к вам, и вы убедитесь сами...

Хатия направилась к двери. Я опередил ее и открыл дверь. Она осторожно вышла на балкон, спустилась во двор и ушла...

С тех пор тетя, казалось, потеряла дар речи. С утра до ночи ходила она понуриив голову, словно разыскивая что-то дорогое, и молчала. Она не слышала меня, пока я не дотрагивался до нее. Собирая чай, вдруг застывала с протянутой к кусту рукой. Работая в поле, вместо травы начинала начисто срезать кукурузные стебли, пока я не выводил ее из оцепенения. По ночам она лежала с раскрытыми глазами, прислушиваясь к каждому шороху, вскакивая при каждом собачьем лае. Она ждала кого-то, а он все не шел. Тетя похудела, осунулась, таяла на глазах. Наконец я не выдержал и пошел к Хатии.

Виссарион Шаликашвили, взобравшись на огромное бревно, топором вытесывал давиленью *. Хатия сидела на балконе и с улыбкой смотрела на солнце.

– Здравствуйте, дядя Виссарион!

– Здравствуй, сынок! – ответил Виссарион, не прерывая работы.

– Сосо, это ты? – спросила Хатия.

– Я.

– Где сейчас солнце, Сосо?

– Где ему быть? На небе.

– А в каком месте?

– Гм... над черешней!

– Если над черешней, то я вижу солнце!

– Точно, над черешней!

– Папа, – обратилась Хатия к отцу, – что тебе сказал врач в Батуми?

– Сколько раз тебе повторять?

– Повтори еще раз. Пусть услышит Сосо!

– Врач сказал, что, если незрячий человек видит солнце, ему можно вернуть зрение.

– Слышишь, Сосойя?

– Слышу, Хатия... Спустись-ка на минуту, есть дело. Хатия спустилась во двор, подошла ко мне и остановилась.

– Я знаю, зачем ты пришел, Сосойя!

– Что ты сказала тете такое, что женщина потеряла покой?

Хатия не ответила. Она отстранила меня, направилась к калитке, открыла ее, вышла на дорогу и медленно зашагала к нашему дому. Я последовал за ней.

Хатия остановилась во дворе и спросила:

– Где тетя Кето?

– Тетя! – позвал я. Тетя вышла на балкон.

– К тебе пришла Хатия.

Тетя вздрогнула. Она быстро сбежала по ступенькам лестницы и подошла к нам.
– Что случилось, Хатия? – спросила она, и голос ее задрожал.
– Здравствуйте, тетя Кето... Ничего не случилось... Просто я соскучилась по вас... Вот и пришла...

Тетя улыбнулась, обняла Хатию за плечи и повела ее к дому.

– Может, помочь вам по хозяйству, тетя Кето?

– Нет, девочка, спасибо тебе!

– Кукурузу молотить...

– Эх, детка, была бы кукуруза, найдется кому ее молотить... – вздохнула тетя. – Есть же у меня Сосо...

– Сосо – лентяй, – улыбнулась Хатия. Я слушал их и ничего не понимал.

– У нас есть кукуруза, тетя Кето, много кукурузы. Папа велел передать вам: если нужно, мол, одолжу...

Хатия присела на травку, мы – рядом с ней.

– Спасибо тебе, Хатия, и отцу твоему большое спасибо! Не нужно нам кукурузы, она вам больше пригодится...

– Вечером папа принесет вам пуд кукурузы... – Хатия помолчала, потом тихо, почти шепотом, сказала: – А знаете, тетя Кето, то, что я тогда сказала вам, оказалось неправдой!

– Что?! – вскрикнула тетя.

– Да. Неправдой. Ошиблась я, показалось...

Тетя подозрительно посмотрела на меня, потом на Хатию.

– А теперь ты говоришь правду?

Тетя встала. Я смотрел на Хатию разинув рот.

– Теперь я говорю правду, а тогда ошиблась. Я долго потом думала и поняла, что ошиблась! – ответила Хатия с улыбкой.

– Поклянись, Хатия! – сказала тетя, и я почувствовал, что у нее от волнения сперло дыхание.

Улыбка исчезла с лица Хатии. Она медленно встала и выпрямилась перед тетей.

– Кем мне поклясться, тетя Кето?

– Поклянись матерью, Хатия!

Хатия долго молчала. Потом она отчетливо произнесла: – Клянусь могилой матери, тетя Кето!

– Девочка моя дорогая! – Тетя обняла Хатию, осыпала поцелуями ее лицо. – Значит, ошиблась ты? А я-то... – Она вдруг разрыдалась, закрыла лицо руками и бросилась в дом.

Хатия стояла не двигаясь и улыбалась своей милой, чарующей улыбкой.

Хатия улыбалась, но никогда раньше я не видел на ее лице столько печали и страданий.

НЕ ТАК УЖ СТРАШЕН ЧЕРТ

После обеда мы работали на склоне, в кукурузном поле. Внизу на дороге показался наш почтальон Коция.

– Здорово, бабы! – крикнул он, словно не замечая нас – меня, дядю Герасима, Лукайю Поцхишвили и Виссариона Шаликашвили.

– С чем пожаловал, Коция? – отозвалась за всех бригадир Ксения.

– Да вот, привез вам сахар, масло, крупчатку, икру, балык, мед... Для керосина и мыла сегодня не хватило места, привезу завтра... А пока нате вам газету, кладу ее вот здесь, под камнем, забирайте!

– Писем нет?

– Письма в пути!

– Чтоб тебе!..

Коция ушел, покачивая головой. Я сбежал вниз, принес газету. Все окружили меня.

– Ну-ка прочти, Сосойя, что нового на свете! – попросил дядя Герасим, удобно усаживаясь под деревом.

Я начал:

– «После ожесточенных боев наши войска оставили города...»

Закончив чтение, я отложил газету. Никто не проронил ни слова. Наконец после долгого молчания заговорил Виссарион Шаликашвили:

– Прет, значит, сукин сын?!

Он в сердцах стал выколачивать трубку об черенок мотыги.

– Прет, да еще как!.. – вступил в разговор Лукайя. Он оторвал кусок газеты, насыпал туда табак, свернул самокрутку, закурил, выплюнул приставшую к губам табачную пыль и продолжал: – Вся Европа работает на них... Здесь тебе и Франция, здесь и Австрия, и эта... как она называется, Сосойя, страна рядом с ними? *

– Чехословакия.

– Вот. И Чехословакия... А кто работает на нас?

– На нас работаем мы! – сказал дядя Герасим.

– Кто «мы»? – переспросил Лукайя.

– Я, ты, он, вот эта золотая девочка – Хатия, вот этот прохвост – Сосойя, бабы наши...

– Вот-вот, бабы, оно и видно по нашим делам! Работяги!.. А Гитлер – у порога! – махнул рукой Лукайя.

– В воскресенье ходила я на базар... – начала Като.

– Было, конечно, полно всего, выбирай что душе угодно! – хмыкнула Агати.

– Да погоди ты! – прикрикнул на нее дядя Герасим. – Ну и что дальше?

– Был там один... – продолжала Като. – Так он рассказывал...

– Что же он рассказывал?

– Оказывается, Гитлер выдумал новое оружие: за десять верст кругом сжигает все...

– Кто сказал это? – спросила Маргарита.

– Этот самый... Министр Гитлера... Как его?..

– Геббельс?

– Да, Геббельс, чтоб ему околеть!..

– А что еще?

– А еще говорил, оказывается, этот... фамилия у него вроде нашего Рубена Трапаидзе...

– Риббентроп?

– Он самый, пропади он пропадом! Мы, мол, будем кормить вас белым хлебом и маслом... И никого, мол, трогать не собираемся, кроме коммунистов.

– И что ты ему сказала? – спросила Ксения.

– Кому, Риббентропу?

– Дура! Не Риббентропу, а тому мерзавцу, который плел эту околесицу и которого ты слушала развесив уши!

– А что я должна была говорить! Весь народ затаив дыхание слушал его, а когда он закончил речь и обещал, что людоеда Гитлера скоро повесят вниз головой, хлопали так, думала, обрушится небо!

– Слушай, где же ты была? – спросила удивленная Ксения.

– Как где? На базаре. А потом там состоялся митинг, этот самый мужчина выступил на митинге!

– Тьфу ты, рассказать и то толком не можешь! – махнула рукой Ксения.

– Кето, ты женщина образованная. Растолкуй нам, что же такое происходит? – попросил тетю Виссарион.

– Что вам сказать, Виссарион... Происходят неприятные вещи... Но ничего! Скоро наступит зима, и тогда Гитлеру придется туго, как Наполеону...

– А как по-твоему: зимой нам будет теплее? – спросил Лукайя.

– Нет, теплее нам не будет, но Гитлер не готов к зиме!

– А ты почему знаешь?

– Он надеялся закончить войну до наступления зимы, потому и не подготовился к ней.
– А что ему мешает подготовиться сейчас?
– Уже поздно, Лукайя!
– А если он пожалует сюда до наступления зимы? Куда ты тогда денешься? – не отставал Лукайя.
– Мы не должны допустить этого!
– Кто это «мы»? Ты да я? – И я и ты!
– Да кто его остановит? Видишь, он берет город за городом!
– Должны остановить!
– Ну давай, давай! Остановливай! – осклабился Лукайя.
– Да что это ты, проклятый старик, раскаркался?! – вскочила Ксения. – Ежели стать так да сложить руки, конечно же, быть беде!
– Чего ты орешь, баба? А я о чем толкую? Как бы не быть беде, вот что меня пугает!
– Смотри у меня, Лукайя! Вырву я твой язык! – пригрозила Ксения.
– Да что говорить с тобой! Баба есть баба... Лукайя опять свернул сигарку.
– Ладно, я баба... А ты? Ведь ты мужчина?.. Ах да ох! Заладил одно и то же... Ты как думаешь, Коция-почтальон приносит похоронные? Маргарита! Получила письмо от своего?
– Получила, Ксения, позавчера получила.
– И еще получишь!
– Что он пишет? – спросил Лука.
– Сидим, говорит, в окопах... Стреляем... Если, говорит, запоздает письмо, не волнуйтесь...
– А что еще?
Маргарита покраснела.
– Да говори, чего там!
– Если, мол, родится мальчик, назови его моим именем...
– Вот и назови! Если даже родится девочка, и ее назови по батьке! – посоветовал Виссарион.
– А от моего мальчика нет и нет ничего! – вздохнул Лука.
– Получишь, Лукайя, не волнуйся! – сказал дядя Герасим.
– Когда же?
– Получишь, говорю тебе! Пришло ведь письмо от моего мальчика! Придет и от твоего!
Так, Сосойя?
– Конечно! – улыбнулся я.

– Мда-а-а... Не так уж страшен черт... – начал Виссарион Шаликашвили. – Сидим мы здесь, как в норе, не видим ничего дальше своего носа и пищим... А вы подумали о том, сколько Виссарионов и Ксений мотыжат поля в нашей стране? Сыновья скольких Герасимов и Лукайев держат в руках винтовки? Сколько бегают Хатий и Сосойев? Вы думали о том, как велика наша земля? Кто такой Гитлер, чтобы одолеть нас? Да у него не хватит крови, не хватит сил для этого! – Виссарион уперся в колени огромными жилистыми, мозолистыми руками, встал, выпрямился во весь рост, окинул взглядом раскинувшиеся внизу поля. – Вон, взгляните на нее! Земля родная! Наша земля!.. Коротки руки у Гитлера, скажу я вам, коротки!..

Необозримая долина под нами дышала паром земли и белоснежными дымками, поднимавшимися над крестьянскими домами. По долине полнокровной артерией текла Супса. Вобрав в себя всю пролитую людьми кровь и пот, она щедро поливала ими землю, поила почву, катила свои волны все дальше и дальше и наконец вливалась в море неиссякаемым, неисчерпаемым жизненным потоком.

Отсюда, с крохотного клочка земли на склоне горы, напоминавшего узкую бойницу в огромной крепостной стене, я взирал на бескрайние просторы и чувствовал, что за доступным моему глазу горизонтом лежат другие, такие же безбрежные земли, за ними – новые, другие, за ними – еще и еще, и так без конца, и что все это – моя родная земля, и что

золотой диск солнца, льющий на землю животворящие лучи, – это моя жизнь, мое счастье, и что нет и не может быть на свете силы, способной отнять у меня эту землю, это солнце, это счастье, эту жизнь...

Люди, окружавшие меня, смотрели туда же, на лежавшие под нами поля, и молчали. И я знал: каждый из них – Герасим и Виссарион, Ксения и Лука, тетя Кето и Маргарита, каждый из них думал так, как думал я. И стоящая рядом со мной улыбающаяся Хатия думала и видела то, что думал и видел я...

...Солнце медленно садилось за долиной Супсы. Утомленные за день, люди вместе с блевавшим стадом возвращались по домам.

В ту ночь село еще раз всколыхнуло раздавшиеся вдруг крик и вопли. Мы с тетей выскочили на дорогу. Со всех сторон бежали перепуганные соседи.

– У кого это, Герасим? – спросила тетя шагнувшего рядом с нами Герасима.

– Кажись, у Лукайи Поцхишвили... Вот несчастье... – проговорил Герасим.

УРОК ВОЕННОГО ДЕЛА

Время берет свое...

За июнем наступил июль, затем – август, за августом – сентябрь. Начались занятия в школе. В наших дневниках стали появляться двойки, тройки, четверки и – реже – пятерки. Ничего как будто не изменилось. Тетя по-прежнему преподавала грузинский язык. Хатия по-прежнему сидела на парте рядом со мной. Учитель географии все так же упрашивал нас сидеть на уроке спокойно и обещал за это играть после уроков с нами в камушки. Учительница русского языка по старой привычке называла меня «бичо». Заметная перемена заключалась в том, что все наши учителя сильно похудели. И еще одна новость: в школе появился участник хасанских боев Леван Гуриелидзе. Он был назначен преподавателем военного дела и физкультуры.

На первый свой урок он явился в зеленых брюках галифе, кожаных крагах, военной фуражке, с противогазом, мелкокалиберной винтовкой через плечо и свернутым плакатом под мышкой. Он подошел к столу, взял под козырек и застыл. Мы встали, потом сели и, когда учитель не изменил своей позы, снова встали.

– Вольно! – скомандовал он, снял фуражку, положил ее на стол, повесил на доске противогаз и винтовку. Потом развернул плакат, извлек из кармана четыре здоровенных гвоздя, взял валявшийся у камина кусок кирпича и стал приколачивать плакат к стене. Покончив с этой операцией, он повернулся к нам с лицом победителя.

– Что он сделал? – спросила меня Хатия.

– Прибил к стене плакат! – прошептал я.

– А что на нем нарисовано?

– Не нарисовано, а написано красными буквами: «Смерть немецким захватчикам!»

– А он не мог сказать это наизусть? Я пожал плечами.

– Теперь познакомимся! – объявил учитель. – Меня зовут Леван Гуриелидзе.

– Хорошая у вас фамилия! – сказал Отия Каландадзе.

– Разговоры! Военный предмет любит дисциплину!

– Ботаника тоже любит дисциплину! – сообщил Тамаз Керкадзе.

– Кто это сказал? Встать!

– Это сказал учитель ботаники.

– Садись! – Тамаз сел. – Что я люблю? Я люблю дисциплину, порядок, тишину, чтобы слышно было, как летит муха! Что я еще люблю?

– Вареные каштаны, учитель? – подсказала Хатия.

– Кто это сказал? Встать! Никто не ответил.

– Вы должны помнить: я не родился учителем. Кем я был в вашем возрасте? Оболтусом, бездельником, дураком... Вроде вас!

– А вы и сейчас выглядите молодым, учитель! – сказал Нодар Каландадзе по прозвищу «Головастик».

Учитель самодовольно улыбнулся.

– Потом я сел за книгу. Что такое книга? Книга – друг человека! Читал, читал и стал человеком. А по происхождению я танкист!

– Ты смотри! – удивился Тамаз. Учитель нахмурился.

– Я вам не обыкновенный учитель! Я шкуру с вас спущу! – хлопнул он рукой об стол.

– Так говорят все учителя, – сказал Отя.

– Перехожу к функциям взвода в обороне!

– Ну-ну, давайте! – подбодрил кто-то учителя. Учитель вспыхнул, но сдержался и продолжал:

– Что такое взвод?

– Вот именно, что такое взвод? – повторил Коте Гогиберидзе.

– Кто это сказал? Встать!

Класс замер. Учитель подошел к доске, взял мел.

– Вот это – взвод фашистов! – сказал он и начертил на доске двадцать небольших кружочков.

– Спасайся, ребята! – воскликнул Тамаз Керкадзе, хватаясь за голову.

– А это – наш взвод! – учитель начертил еще двадцать кружочков. – Между взводами находится водный рубеж, то есть река.

Ты на том берегу...

Я – на этом.

Нас разделяет река *...—

подхватил Отя.

Учитель побледнел.

– Кто это сказал? – прошептал он.

– Важа Пшавела, учитель! – встал Отя.

– Садись!.. – Учитель стал мелом выбивать дробь по доске. – Что я делаю?

– Стучите мелом! – ответил Яго Антидзе.

– Садись!

– Ставьте точки! – встал Головастик.

– Садись!

– Стреляете! – выпалил я.

– Молодец! Я стреляю! Наш взвод держит под огнем взвод противника, не дает ему возможности подняться из окопов. Противник просит у командования помощи. И вот... – Учитель вдруг согнул руку в локте, поднял ее вверх, повел над головой и загудел: – У-у-у-у... Что я теперь делаю? – обратился он ко мне как отличившемуся.

– Крутите рукой и рычите! – ответил я.

– Садись! Болван! – взорвался учитель.

В классе поднялся хохот. Учитель побагровел. Энергичным движением руки он стер все кружочки на доске, сел за стол и обиженно замолчал.

Класс жужжал, словно улей. Учитель долго молчал. Наконец он поднял голову, и... мы поняли, что происходило в душе этого человека. Мы поняли, что, с тех пор как он когда-то давно последний раз покинул свою школу, сегодня ему впервые пришлось перешагнуть порог классной комнаты. Он вошел к нам как дрессировщик, забывший прихватить с собой куски сахара, и теперь он сидит растерянный и ждет, когда же его растерзают эти сорванцы, напоминающие голодных зверенышей.

– А ты почему стоишь? И чему ты улыбаешься? – набросился вдруг учитель на Хатию. – И куда ты, собственно, смотришь? Смотреть надо на учителя, а не... Садись!

Хатия села, все так же улыбаясь своими огромными голубыми глазами... В классе наступило неловкое молчание. Учитель почувствовал, что сказал что-то не к месту, невпопад, но что именно, этого понять он не мог.

– Что случилось, дети? – спросил он надтреснутым голосом.

Мы молчали.

– Я не вижу, учитель! – сказала Хатия.

– Что?.. Вы издеваетесь надо мной?!

– Да нет, учитель, я и вправду не вижу!

Учитель встал, подошел к Хатии и долго изучающе всматривался в ее лицо. Хатия спокойно моргала ресницами и улыбалась. Учитель вернулся на свое место, сел и задумался.

В классе воцарилась тишина.

– Как тебя звать, дочка? – спросил вдруг учитель. – Хатия! – ответила Хатия, вставая.

– Ты сиди, сиди, пожалуйста! Хатия продолжала стоять.

– Кто тебя водит в школу?

– Сосо, учитель... Но я могу и сама...

– Я освобождаю тебя от моих уроков. Можешь уйти.

– Мне интересно послушать... Я останусь.

– Оставайся, дочка...

У меня запершило в горле.

– Родители у тебя есть? – спросил снова учитель.

– Отец.

– Ты совсем ничего не видишь?

– Вижу солнце... Врач сказал папе, что раз я вижу солнце, то мне можно возвратить зрение.

– Конечно, можно! Я сам ослеп на Хасане... Ничего не видел!

– А солнце видели?

– Солнце видел. И меня вылечили...

– Ну и я вижу солнце...

Долго еще учитель всматривался в красивые улыбающиеся голубые глаза Хатии. Трудно, очень трудно было поверить, что эти глаза не видят света, товарищей, не видят его – учителя военного дела, низенького, невзрачного человека, по щекам которого сейчас стекали слезы и который не старался скрыть, что он плачет.

Раздался звонок. Учитель вышел из класса, не проронив ни слова. Мы молчали и не двигались с места. Заговорили лишь тогда, когда в класс вошла учительница грузинского языка и стала читать список.

– Что с вами? – спросила тетя Кето, удивленная непривычной тишиной.

– У нас был новый учитель военного дела, – ответила Хатия.

– Понравился?

– Кабы все вы были такими! – ответил я.

В тот день урок грузинского языка проходил необычно: говорили ученики, а учительница молчала и слушала их.

БРИГАДИР ДАТИКО

В полночь на балконе что-то загромыhalo. Я проснулся. Тетя, присев в кровати, с испугом смотрела на дверь, скрипевшую под сильным напором. Потом осторожно постучали в окно.

– Сосойя, иди ко мне! – позвала шепотом тетя.

Я подошел к тете, обнял ее. Она была холодна и дрожала всем телом.

Стук в окно повторился.

– Кто там? – с трудом выговорила тетя.

– Кето, открой дверь!

– Кто это?

– Это я, Датико!

Тетя закрыла лицо руками.

– Открой, Кето!

Тетя не отвечала.

– Кето!

Дверь заходила ходуном. Тетя не шевелилась.

– Кето, открой, это я, Датико!

– Какой Датико?

– Да я, Датико! Не узнала?

– Датико в армии!

– Открой, иначе взломаю дверь!

– Сосойя, зажги лампу! – попросила меня тетя.

Я зажег лампу. Тетя встала, накинула халат, подошла к камину и замерла в углу.

– Открой, Сосойя!

Я вынул из ручки дверей засов, попятился назад и стал рядом с тетей. Дверь медленно, со скрипом открылась.

Перед нами стоял бригадир Датико: в распахнутой на груди гимнастерке, гладковыбритый, с взъерошенными волосами, с пистолетом за поясом и коротким карабином в руке.

– Здравствуйте! – улыбнулся он. – Испугались? Мы промолчали. Датико двинулся к нам.

– Стой на месте! – сказала тетя. Датико остановился.

– Кето, что с тобой? Я сто лет тебя не видел... – Датико сделал еще шаг.

– Стой, говорю!

– Да чего вы боитесь? Я обещал вернуться, вот и вернулся! Датико двинулся к нам.

– Говорю тебе – стой на месте, – повторила тетя, – иначе позову соседей!

– Зови кого угодно! Никого я не боюсь! Я вернулся из-за тебя и не стыжусь этого! Слышишь ты?!

– Не из-за меня, а из-за страха ты вернулся!

– Ты, ты меня вернула!

– Тебя вернул страх!

– Я никого и ничего не боюсь!

– Зачем же тогда тебе оружие? Почему ты скрываешься? !– Скоро перестану скрываться!

– Чего ты ждешь?

– Кето, ты ведь умная женщина... Видишь, что творится?

– Чего ты ждешь?

– Пойми ты, плевать я хотел на всех! Ради чего мне умирать? Меня никто не трогает! Мое дело – пахать и сеять! Зачем, во имя чего я должен погибать? Я хочу умереть своей смертью, рядом с тобой! И никто у меня не отнимет тебя! Ты понимаешь это?

Тетя слушала Датико, не сводя с него глаз. Датико сел, поставил карабин между ног, достал табак, закурил и продолжал:

– Я не трус, это известно всем. Но умирать ни за что ни про что не хочется... Хорошо, вернусь я туда... Убьют меня... Поможет делу моя смерть?.. Кто вспомнит про меня: кем я был, чем я был...

– А кто ты есть сейчас? Датико не ожидал такого вопроса.

– Я?.. Сейчас я политический противник власти...

– Бродяга и дезертир, вот кто ты такой! – сказал я и прижался к тете.

Датико побледнел. Он встал, снова сел.

– За такие слова другой поплатился бы жизнью... А ты забыл, как они поступили с твоими родителями? Забыл?

- Не твое это дело!
- Сопляк! Что ты понимаешь!.. Неспроста ведь твой отец стал троцкистом!
- Сам ты троцкист и сукин сын! Все, кто помнит моего отца, говорят, что он был замечательным человеком!

Датико пренебрежительно махнул рукой – дескать, стоит ли спорить с молокососом – и обратился к тете:

– Кето! Я мечтал о встрече с тобой, как умирающий от жажды о глотке воды! Улыбнись хоть раз! Я знаю, ты любишь меня, но боишься... Боишься, что они уже узнали все и теперь выслеживают меня... – На лице тети не дрогнул ни один мускул. – Вы должны помочь мне... Нет у меня никого, кроме вас... Пока буду скрываться в лесу, а потом мы еще посмотрим, кто кого.

Я стоял у камина и с омерзением слушал разглагольствования превратившегося в животное человека, который когда-то назывался бригадиром Датико... Вдруг оставшаяся открытой дверь скрипнула. Датико вскочил, схватил карабин и расширенными от ужаса глазами уставился в черное пространство. Убедившись, что за дверью никого нет, он успокоился.

- Накормите меня, – сказал вдруг он, – голоден я!
- Мы тоже голодны! – ответил я.
- Что, кусок мчади для меня пожалели?
- Еще бы! У нас собака с голодудохнет...
- Благодарите тетю, подонок, а то расшиб бы я твою глупую башку!
- Нашелся герой! Небось, у самого поджилки трясутся от страха...
- Змееныш ты этакий! Вырастешь – погляжу, как ты себя будешь чувствовать в армии!
- По крайней мере, не стану шататься по ночам и просить кусок мчади!
- Сосойя, не выводите меня из терпения!
- А ты уходи! Зачем к нам пожаловал?
- Я не к тебе пришел!
- А к кому же? Тетя тебя не любит!
- Любит! Это ты меня не любишь и никогда не любил!
- Знал, что ты за птица!

У Датико побагровело лицо и запрыгала бровь. Он положил карабин на стол, встал и решительно направился к нам. Мы прижались к стене.

- Не подходи, закричу! – предупредила его тетя.
- Не закричишь! – Датико подошел к нам вплотную. – Не закричишь! – повторил он и вдруг схватил тетю за плечо. – Почему ты не кричишь? Боишься? Кричи! Созови все село! Погубила меня, а теперь я тебе не нужен, да? Теперь ты меня гонишь, да? Говори!.. Говори, иначе я убью себя и кровь моя ляжет на тебя!.. Говори!

Датико изо всех сил тряс тетю. А она молчала и не сводила глаз с этого обезумевшего, забывшего про опасность, оравшего, как раненый зверь, человека. Вдруг Датико схватил тетю за голову и стал осыпать поцелуями ее щеки, лоб, глаза. Я набросился на Датико сзади и впился зубами ему в плечо. Датико, взыв от боли, оттолкнул тетю, повернулся и закатил мне такую оплеуху, что я отлетел в угол комнаты, ударился головой об стену и упал, на миг потеряв сознание.

Очнувшись, я увидел испуганное лицо склонившейся ко мне тети, которая холодными, как лед, пальцами растирала мне виски. Датико стоял поодаль и исподлобья глядел на нас.

- Что ты сделал? – тихо сказала тетя.
- Ничего, не умрет! – ухмыльнулся Датико.
- Что ты сделал с моим мальчиком? – повторила тетя и выпрямилась. Она подошла к камину, протянула руку к прислоненному к стене топору. Датико нахмурился.
- Положи топор! – сказал Датико и двинулся к тете. Тетя подняла топор над головой. – Ты что, с ума сошла?! – Датико попятился. Тетя двинулась вперед. – Кето!

– Вон отсюда! – Тетя приближалась к Датико. Тот шаг за шагом отступал, не сводя глаз с топора. Так он добрался до стола, взял карабин, не поворачиваясь, ощупью нашел дверь и вышел, оставив ее открытой.

Тетя опустила топор, закрыла дверь, продела в ручку вместо засова топор, потом, не раздеваясь, бросилась на кровать и зарыдала.

Я прикрутил фитиль лампы и лег.

Тетя затихла. Я молчал.

Спустя долгое время я услышал тихий голос тети:

– Сосойя!

– Что, тетя?

– Спишь?

– Нет, тетя!

– Иди ко мне...

Я вскочил, подбежал к тетиной кровати и прильнул к ее лицу. Лицо было холодное, и губы у тети дрожали...

БЕЖАНА

Виски Бежаны Эсадзе уже заметно серебрятся, но во всем селе нет веселее и беззаботнее его человека.

...Много лет тому назад залез, оказывается, маленький Бежана на соседскую грушу полакомиться янтарными плодами да и полетел вниз головой с двухсаженной высоты. Бросились добрые люди к незадачливому воришке, стали растирать ему виски и поливать водой, кое-как привели в чувство. Раскрыл, оказывается, Бежана глаза, икнул, улыбнулся, и... с тех пор никто его не видел расстроенным или огорченным. Ходит теперь по селу босоногий Бежана, весело улыбается встречному-поперечному и напевает свою любимую песенку:

Бежана готов прийти на помощь каждому, кто позовет его, готов за миску лобии и стакан вина выполнить любую работу по хозяйству. Бежана силен, как буйвол. Поспорьте с ним – и он, впрягшись в плуг, перепашет полгектара земли. Он головой разбивает грецкие орехи и шутя таскает пятипудовые мешки с кукурузой от конторы до самой церкви... Не дай бог испытать на себе удар Бежаниного кулака! Но трудно представить себе Бежану, поднявшего руку на человека! Единственное больное место Бежаны – Минадора... Стоит намекнуть, что Минадора вышла замуж, и тогда Бежана теряет голову. Он рвет на себе одежду, бьется головой об стену, выворачивает камни, ломает на деревьях сучья толщиной в руку... Как-то Афрасион Чантурия попросил Бежану расчистить заброшенный кусок каменистой целины, где он собирался посадить виноградник. В тот день Бежане нездоровилось, и работа у него не спорилась. Смотрел, смотрел на него Афрасион и вдруг выпалил: «А ты знаешь, Минадора-то вышла замуж!» Что тогда стало с Бежаной! Он взвыл, завертелся, запрыгал, потом схватил заступ и перекопал участок так, словно по нему прошла танковая армия... И лишь вечером, когда обессиленный, задыхавшийся Бежана упал навзничь, он понял, какую с ним сыграл шутку Афрасион. И с тех пор Бежана избегает встречи с Афрасионом.

Бежана обожает детей. Придет к соседке, присядет у порога и попросит:

– Мака, одолжишь мне своего пацана?

– Зачем он тебе, Бежана?

– Да так, поиграюсь с ним... Хочешь играть в лошадки, Таризэл?

– Хочу!

– Ну давай! Садись сюда, мне на шею... Вот тебе хворостинка, только не бей меня больно... Ну? Готов? Поехали!..

Став на четвереньки, Бежана с мальчуганом на шее носится по двору. Ребенок визжит от восторга... Бежана ржет...

Забавы Бежаны ни у кого не вызывают опасений. Все знают, что ребенку с Бежаной не грозит никакая опасность – он ласков и осторожен с ним, как родная мать. Но Бежана сам

чувствует неловкость за свое пристрастие к детским шалостям, и потому просьба его звучит робко и застенчиво:

– Машико, одолжишь мне своего пацана?

Ко мне Бежана питает особую любовь и уважение. Я – единственный поверенный всех его тайн, а сам Бежана – единственный на селе человек, который считает меня самым умным и достойным среди наших соседей. Я очень люблю Бежану. В прошлое воскресенье Бежана вошел к нам во двор и позвал:

– Сосойя!

Я и тетя вышли на балкон.

– Иди сюда, Бежана! – пригласила тетя Бежану.

– Неси сюда, если есть чем угостить! – ответил он и прилег под шпанской вишней.

Тетя собрала на подносе ломоть сыра, половину мчади, стакан вина и спустилась во двор. Я последовал за ней.

– Доброе утро! – приветствовал нас Бежана, взял из рук тети поднос и стал с аппетитом уплетать мчади с сыром. – Дрова не нужно наколоть, Кето? – спросил Бежана.

– Нет, Бежана!

– Отлично! Может, сходить на мельницу?

– Нет, Бежана, не нужно ходить на мельницу! – улыбнулась тетя.

– Еще лучше! А может, корову погнать на выпас?

– Нет, Бежана, не надо!

– Совсем хорошо!.. – Бежана отпил глоток вина. – А почему, Кето, дорогая, сыр у тебя несоленый?

– Нет соли, Бежана...

– Вот-вот! Нет соли!.. И что же? Меня называют дураком, а нашего дурака – председателя Кишварди – умным человеком!

– Не поняла тебя, Бежана! При чем тут председатель?

– Как при чем?! Что он сеет? Кукурузу да просо! А почему бы ему не посеять соль или сахар? А? Ведь вздохнет народ! Что, не прав я, Сосойя?

– Прав, конечно, Бежана! Но почему ты сам не сеешь соль?

– Все хорошие земли – у колхоза. Что мне делать? В прошлом году я все же посеял соль на моем истощенном участке, да ничего не возшло! А хотя бы и возшло, разве напасешься соли на стольких голодных людей?

Тетя вздохнула и ушла.

Бежана проводил ее взглядом и обратился ко мне:

– Ну как, выходит она за Датико или нет?

– За какого Датико?!

– За бригадира Датико, какого же еще! Недавно встретил я его в лесу. Ого! Обвешан оружием, как николаевский стражник! Он по секрету сказал мне, что его прислали сюда по сверхсекретному заданию правительства и что об этом нельзя никому говорить!..

– А ты что?

– Что «что»? Я сообщил двум доверенным лицам – нашему председателю и Бадрии, который в милиции работает. Они ведь партийные, им можно. Они не выдадут... А впрочем, мне-то что!.. У меня другое к тебе дело, Сосойя!

– Что за дело, Бежана?

– Понимаешь, человек один там, в плантации... Не знаю, что с ним делать...

– Какой человек? О чем ты, Бежана?

– Ты что, Сосойя, перестал понимать грузинскую речь? Говорю тебе – там, в чайной плантации, у меня человек!

– Кто он такой?

– А я почем знаю?

– Спросил бы его!

- Спрашивал! А он молчит! Лежит с закрытыми глазами, улыбается и молчит.
- Дышит?
- Не знаю.
- Может, он мертвый?
- Дурак! Где ты видел улыбающегося покойника?
- Так что же с ним?
- А я почему знаю!
- Что же ты знаешь, болван! – взорвался я.
- Сегодня воскресенье, завтра будет понедельник! Это я знаю!
- Ох, Бежана, беда мне с тобой... Идем, покажи, где этот твой живой мертвец!

Бежана встал и пошел, напевая свою любимую:

Минадора черноокая,
Ты звезда моя далекая...

Мы миновали несколько домов, свернули на тропинку и подошли к раскинувшейся на склоне плантации чая, вдоль которой тянулся ряд тунговых деревьев.

- Во-он там, под последним тунгом! – показал Бежана рукой.

Я сбежал по склону и остановился как вкопанный у дерева.

В высоких зарослях папоротника лежал исхудалый, мертвенно-бледный, заросший бородой русский мужчина в военной гимнастерке. Я нагнулся, приложил ухо к груди незнакомца и уловил слабое биение сердца. Я дотронулся рукой до его щеки – она пылала жаром.

- Когда ты нашел его, Бежана?

– Утром.

- И молчал до сих пор?!

– Я сразу же побежал к тебе, дорогой мой, но по дороге забыл... Плохо без сахара, Сосойя! Люди стали забывчивыми... Вчера утром встретил я Аквиринэ... Посмотрела она на меня, улыбнулась, а поздороваться забыла... Говорят, что...

- Ладно, ладно!.. Помоги-ка поднять его! Видишь, умирает человек!

Бежана в два счета сгреб мужчину.

- Куда его?

– Домой!

- Ты что, ошалел? Покойников выносят из дома, а я его понесу домой?

– Да не к тебе! К нам домой!

- К вам – пожалуйста!

Бежана несколько раз подбросил мужчину на руках, обнял его поудобнее и стал вприпрыжку подниматься по склону, приговаривая:

- Нно-о-о, лошадка, нно-о-о... А как его зовут? – спросил вдруг он меня.

– Откуда мне знать?

– Сосоин русский он! Сосоин русский! – нашелся Бежана. Мы пришли домой, поднялись на балкон. Незнакомца уложили на мою кровать. Тетя в недоумении глядела на нас.

- Кто это? – спросила наконец она.

– Сосоин русский! – ответил обрадованно Бежана.

- Мы нашли его в плантации... Помоги ему, тетя! – попросил я.

– Да кто он, этот несчастный?

Тетя положила руку на лоб незнакомца, покачала головой и отошла от кровати.

- Сосойя, принеси уксус!

Я сбежал на кухню. Когда вернулся в комнату, тетя сидела у изголовья больного. Она распахнула ему на груди гимнастерку и отшатнулась: под правым соском незнакомца краснела свежезарубцевавшаяся рана с человеческий кулак. Тетя осторожно поставила

больному термометр, потом налила уксус в глубокую тарелку, разбавила водой, смочила полотенце, отжала и наложила ему на лоб.

– Нужен ему твой уксус! – вмешался Бежана. – Напои-ка ты его вином и накорми чем-нибудь, видишь – человек умирает от голода.

– Ох, Сосойя, Сосойя, впутал же ты меня в историю! – вздохнула тетя. – А если, не дай бог, умрет он, что мне тогда делать? Ты подумал об этом?!

Она вынула термометр и ахнула:

– Сорок и шесть!.. Беги, Сосойя, за врачом!

– Ему не врач, ему вкусная пища нужна! – продолжал свое Бежана.

– Да иди ты!.. – прикрикнула на него тетя. – Ступай, Сосойя!

Я побежал. В медпункте врача не оказалось... «Вызвали в район, сегодня он не вернется», – сообщила уборщица. Тогда я направился к Хатии и рассказал ей все. Хатия посоветовала сходить к бабке Аквиринэ. Пошли к бабке. Я рассказал ей все сначала. Аквиринэ прихватила с собой какие-то настои в маленьких аптечных пузырьках, и втроем мы вернулись домой.

– Русский! – удивилась Аквиринэ, взглянув на больного.

– Русский! – подтвердила тетя.

Больной был по-прежнему без сознания, но теперь он дышал спокойнее и чему-то улыбался.

– Вот дурак! Нашел время улыбаться!.. А ты почему вчера утром не поздоровалась со мной? – упрекнул Бежана Аквиринэ.

– Да ну тебя! – отмахнулась старушка. – Битый час ты болтал со мной, забыл?

– А-а-а, ну хорошо...

– Принеси-ка стакан «одессы», Сосойя! – попросила Аквиринэ.

Я принес. Аквиринэ намочила кусок ваты в вине и провела им по губам больного. Спустя минуту он чуть раскрыл губы. Аквиринэ снова намочила вату и накапала в рот больному несколько капель. Тот сделал глотательное движение и застонал.

– Дай-ка мне это вино, если ему не хочется! – Бежана протянул руку.

– Пропади ты пропадом, Бежана! Не такой уж ты дурень, чтобы не отличить больного от здорового! Пошел вон!

После нескольких попыток Аквиринэ удалось заставить больного проглотить один, затем другой, третий глоток вина. Наконец он опорожнил стакан, но тут же зашелся от судорожного кашля. Он кашлял долго и надрывно. Наконец отошел, успокоился и задышал ровно, но вдруг заерзал, застонал, стал размахивать руками.

– Ну-ка, женщины, выйдите из комнаты! – приказала Аквиринэ.

– Что с ним? – вскрикнула тетя. – Ему плохо?

– Нет, хочу растереть его.

Тетя вышла, Хатия осталась. Она стояла в углу комнаты и молчала.

Аквиринэ раздела больного догола. Потом она налила себе на ладонь жидкость из пузырька, растерла другой ладонью, нагнулась к больному и стала не спеша натирать ему грудь.

– И не щекотно ему? – расхохотался Бежана.

– Переверните! – сказала Аквиринэ.

Мы перевернули больного. Аквиринэ так же не спеша основательно натерла ему спину и поясницу. Когда мы снова переворачивали больного, я посмотрел на Хатию. Она по-прежнему стояла не двигаясь в углу.

– Пошла отсюда! – прикрикнул я на нее. – Не видишь, что ли, голый же он!

– Ничего, Сосойя, я постою, – улыбнулась Хатия.

У меня больно сжалось сердце, стало стыдно, и я заорал во весь голос:

– Убирайся отсюда!

Аквиринэ и Бежана удивленно посмотрели на меня.

– Ты что, ненормальный? – спросил Бежана. – Или забыл, что она слепая?.. Стой здесь, детка, – обернулся он к Хатии, – не слушай этого дурака!

Хатия, не ответив, вышла из комнаты.

Аквиринэ поправила под больным подушку, погладила его по голове, дала отпить еще несколько глотков вина.

– Позови Кето!

Я вышел на балкон и вернулся вместе с тетей и Хатией.

– Надо переодеть его, – обратилась Аквиринэ к тете, – а его одежду выварить как следует!

Тетя принесла и положила на кровать белье, оставшееся от деда.

– Ну и пустота, что в нашем магазине! – раздался вдруг недовольный голос Бежаны.

Мы оглянулись и увидели, как Бежана с разочарованным видом рассматривал вывороченные карманы брюк и гимнастерки больного.

– А документы есть, Бежана? – спросила тетя. – Ничего нет? Вот тебе и на! Как же узнать кто он такой, как его фамилия? – забеспокоилась тетя.

– Как кто? Сосоин русский он! – объяснил Бежана.

– А может, он вовсе не русский, а украинец? – сказал я.

– Какая разница? Фамилию его я все равно бы не запомнил! Сосоин русский – и все тут! – настаивал на своем Бежана.

– Аквиринэ, – обратилась тетя к старушке, – как по-твоему, удастся спасти его?

– А он уже спасен, дорогая! – ответила Аквиринэ. – И спасен благодаря этому вот непутевому! Слышь, Бежана, это ты спас его!

Польщенный Бежана самодовольно улыбнулся, подошел к кровати больного, присел, взял его за плечи, встряхнул и громко позвал:

– Ничего не ошиблась! Он же фронтовик! Видишь, какая у него рана? Если он от такой раны не умер, от болезни и подавно не умрет!

– А где у него рана?

Я откинул одеяло на груди больного, взял руку Хатии и дал ей пощупать рану.

– Ух ты!.. А если б попало влево, убило бы его, правда?

– Конечно!

Хатия нежно провела обеими руками по лицу, по плечам больного.

– Он красивый?

– Не знаю. Наверно, красивый. Зарос он, как поп, разве поймешь?

– А худой какой!

– Димка! – выкрикнул вдруг больной. – Слышишь меня, Димка?!

Я и Хатия обратились в слух.

– Тебе говорю, Димка! Слышишь?

– Слышу! – ответил я тихо.

– Смотри, Димка, сейчас все спят... Утром сюда придут немцы... Вывезти всех не успеют... Мы с тобой – ходячие... Или ты хочешь сгнить в постели?.. Надо бежать!

– Ты о чем?

– Да, да, бежать!!! Эвакуация мне не по душе... Пусть сам врач эвакуируется, если он боится. Ты чего молчишь? Сейчас все спят и никто не дежурит... Гляди!..

Больной привстал.

– Погоди, – обнял я его, – дождемся утра!

– Нет, я уйду! – он оттолкнул меня и встал.

– Куда ты? Постой!

Я постарался удержать больного, но поняв, что это мне не под силу, крикнул:

– Хатия, помоги!

Хатия ощупью подошла к нам и сзади схватила больного за плечи.

– Пустите! – взревел он и рванулся так, что мы все втроем оказались на полу. Перепуганная тетя бросилась к нам.

– Пустите меня! У-у-у... – Вопя и ругаясь, больной катался на полу, мы наседали на него и никак не могли справиться с этим обескровленным, ослабшим от голода и жара человеком, которому страх придал удивительную силу. После получасовой возни он обмяк и заплакал:

– Отпусти меня, сестра, сделай доброе дело, отпусти... Наконец он, видно, примирился с судьбой, опустил руки, всхлипнул и уже спокойно дал нам уложить себя в постель. Спустя минуту он заснул...

Я улегся на полу у камина, тетя и Хатия – вместе, на кровати. После долгого молчания я тихо позвал:

– Тетя...

– Да?

– Спишь?

– Сплю!

– Ты не обижайся, тетя, завтра я схожу в сельсовет и попрошу, чтобы его отправили в больницу...

– Не мели чепухи! Хатию разбудишь!

– А я не сплю.

– Сходим, Хатия, в сельсовет? – спросил я Хатию.

– И куда он хотел бежать? – спросила, в свою очередь, она.

– Засните, черти! Вставать скоро! – зашикала на нас тетя.

– Нет, серьезно, тетя, что нам делать?

– А что, собственно, надо делать? Привели его – значит, должны выходить. И все! При чем тут сельсовет?

– Чем его кормить?

– Тем же, чем кормимся мы сами.

– Ему бы молока побольше... – сказала Хатия.

– Да, мчади с сыром тоже неплохо! – сказал я.

– Откуда и как он попал сюда? – спросила Хатия.

– Война, Хатия, война... Сейчас всякое бывает, – ответила тетя.

– Тетя!

– Что еще?

– Значит, оставляем его?

– Сперва вылечим, а там видно будет... Да засни ты наконец!

...Я сплю и вижу сон: перед нашей сельской церковкой в белом подвенечном платье стоит тетя – стройная, красивая, как божья мать. У ее ног на коленях все мужчины нашего села и среди них наш русский. Все молчат. Молчит тетя. И лишь русский, воздев руки, молит тетю:

«Отпусти меня, сестра, сделай доброе дело, отпусти...»

Я прошу тетю не отпускать нашего русского. Тетя подходит к нему, берет его за руку, потом берет за руку меня, и мы втроем идем домой...

...Целую неделю больной боролся со смертью. Все эти дни он не приходил в сознание. Днем лежал спокойно, устремив в потолок блестящие глаза, ночью начинал метаться и бредить. Каждый день Бежана приходил проведать больного. Он садился у изголовья и заводил с ним беседу, словно со старым знакомым.

– Когда же ты встанешь, Сосоин русский, а? Видишь, ноги уже не держат Кето!.. Что? Не понимаешь по-грузински? Так я тоже по-русски не понимаю, но это ничего не значит! Хочешь, поспорим? На что? На что желаешь! Кто больше съест. Кто больше поднимет. Кто лучше споет. Что? Спеть по-русски? По-русски я не умею, дорогой! Спою тебе по-нашему, а ты поддержи басом! Не можешь? Ладно, пой вторым голосом! Тоже не можешь? Хорошо, тогда я один спою! – И Бежана пел:

Девушка-красавица
В загляденье-платице
Днем покоя не дает
И во сне является...

– Недавно наш Лукайя Поцхишвили получил похоронную на сына... Стыдно, конечно, петь, когда у соседа такое горе... Но я чокнутый, мне можно... Почему мне поется, говоришь? Поется, и все тут! А почему поет наше радио? Дела у нас, сам знаешь, не так уж веселы... А все же поем и будем петь! Песня, брат, помогает в беде! Так-то!..

Каждый день с утра до вечера к нам приходили соседи – проведать больного. Приходил врач – поил его какими-то лекарствами, делал уколы. И в конце недели наш больной наконец-то пришел в себя.

Он открыл глаза, присел в постели и долго удивленно оглядывал меня, тетю, Хатию и Бежану.

– Где я? – спросил он. Мы объяснили.

Больной попытался встать, но силы изменили ему. Он снова лег и закрыл глаза. Лицо его нахмурилось, и на скулах заходили желваки. Мы поняли, что больной впал в тяжелые воспоминания, и молча покинули комнату.

Я и Хатия вышли со двора и, взявшись за руки, бесцельно зашагали по проселочной дороге.

– Знаешь, Сосойя, ему теперь ох как нужно козье молоко! Сразу встанет на ноги! – сказала Хатия.

– Привет! А где ты его возьмешь – козье молоко?

– Сходим к Мине. У нее есть коза.

Соседка Мина подметала двор. Двое полуголых детишек неотступно следовали за ней и хныкали:

– Ма-а-ам, дай варе-е-енья!

– Чтоб вам повылазило, обормоты!.. Ишь чего захотели!.. А палкой по одному месту не хотите?

– Не-е-е, варенья хотим!

Мы зашли во двор. Я присел у калитки, а Хатия направилась к Мине. Женщина, продолжая подметать двор, не заметила Хатию, а дети тотчас же окружили ее.

– Мам, мам, Хатия пришла!

Мина бросила веник, выпрямилась и заулыбалась.

– Здравствуй, моя девочка!

– Здравствуй, Мина!

– Как поживаешь, Хатия?

– Спасибо, Мина... У меня есть дело к тебе.

– Говори, детка!

– Нам с Сосойей нужно молоко!

– Молоко?

– Да. Козье молоко. Для больного.

– Хатия, девочка моя дорогая, откуда у меня молоко? Разве напасешься на этих извергов? У, черти ненасытные! – прикрикнула она на детишек. – Как мне быть?

– Ничего, Мина, ты не беспокойся, мы попросим у других, – ответила Хатия, – извини, пожалуйста! До свидания!

– Погоди, погоди, Хатия! – Мина бросилась под навес, выволокла оттуда за рога упирившуюся и отчаянно блеявшую козу. – Вот, Хатия, посмотри сама, есть ли у нее в вымени хоть капля молока!.. Нет, ты потрогай, пожалуйста! – Она схватила руку Хатии и насилу заставила ее пощупать тощее вымя козы.

– Верно, верно, Мина... Разве я не понимаю? Я не подумала о детях... Извини меня...

– Хатия, детка моя, не обижайся! Знаешь ведь, я души не пожалею для тебя, но тут я бессильна!

– Знаю, Мина, извини!.. Ну мы пошли! До свидания!.. Идем, Сосойя!

Мы обошли все село, но достать молока так и не сумели. Козу держали почти в каждом доме, но лишнего молока не нашлось ни у кого. Эдемика Горделадзе даже объяснил нам, что в военное время кровь и козье молоко ценятся одинаково... А Васаси Соселия на наших глазах накрошила мчади в горшочек с козьим молоком и, когда ее внучек во мгновение ока вылакал горшочек до дна, вздохнула и сказала:

– Видели? Вот так каждый день. Коза – все для мальчишки: мать, завтрак, обед и ужин... Другой пищи нет у меня для него... Скоро он, наверно, начнет бляеть по-козлиному...

Так мы возвратились домой без молока. ...Назавтра к полудню Хатия пришла к нам, вызвала меня во двор и тихо сказала:

– Сосойя, я знаю, где достать козье молоко!

– Где?

– Бери посуду и пошли!

Я вынес из кухни глиняный горшочек и последовал за Хатией. Мы пересекли чайную плантацию, миновали заросли орешника и вышли к огромному грушевому дереву, росшему над обрывом.

– Слышишь? – спросила Хатия.

Я прислушался. Снизу доносился глухой рокот.

– Ну и что? Шумит водопад...

– Прислушайся хорошо!

Я напряг слух и среди однообразного шума воды различил дребезжащее позвякивание колокольчика.

– Да, слышу...

– Козы со всего села к полудню собираются у водопада...

– Ты с ума сошла, Хатия!

– Немножко, всего полгоршка!

– Увидят нас!

– Твоему русскому нужно молоко, Сосойя!

...Целую неделю я и Хатия ровно в полдень появлялись у водопада. Начиналась погоня за козами. Козы с громким бляением разбегались во все стороны, продирались сквозь колючки, скатывались по скалистому склону. Мы возвращались домой в разодранной одежде, с окровавленными руками и ногами и полным горшочком молока. Растроганная тетя благословляла добрых соседей. За эту неделю я наловчился так, что мог на ходу выдоить самую быструю из коз. Не знаю, до каких бы пор продолжалась наша молочная эпопея, если бы в один прекрасный вечер село не взбудоражил истошный крик Эдемики Горделадзе:

– Люди, выходите!

– В чем дело, Эдемика? – сбежались перепуганные соседи.

– Вот! Смотрите все! Кто-то выдоил мою козу!

– Чтоб ему провалиться сквозь землю! Вчера выдоили мою! – крикнула Мина.

– Машико жаловалась мне: третий день, говорит, коза возвращается с пустым выменем! – добавил кто-то.

– Мою выдаивают через день!

– И мою!

– Что же это такое, люди?

– Такого не бывало даже во время русско-японской войны, а ведь тогда тоже нуждались в молоке!

– Знаю я, чьи это штучки, да только пока молчу! – помахал пальцем Эдемика.

– Говори, если знаешь! – набросились на него соседи.

– Знаю! Молоко ворует тот, кому оно нужно!

- Ну, ты скажешь! А кому оно не нужно?
- Дайте срок, и я раскрою это дело!
- Давай, Эдемика, выручай нас!

Между тем владельцы коз приняли меры предосторожности. Коз перестали выпускать со двора, а если выпускали, то обязательно в сопровождении кого-либо из членов семьи. Я и Хатия ходили убитые горем – нашему промыслу пришел конец.

Однажды вечером, когда нам чудом удалось выдоить чью-то зазевавшуюся козу и принести домой глоток молока, тетя подозвала нас.

- Хатия, подойди ко мне!
- В чем дело, учительница?
- Покажи свои руки!

Тетя приложила к лицу обе ладони Хатии. То же самое проделала она со мной.

- Что ты делаешь, тетя? – спросил я удивленно. Хатия молчала.
- Ваши руки пахнут козьим молоком, дети!

За весь вечер тетя больше не проронила ни слова.

В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ ЗАДАЧА?

Колхозные собрания у нас, как правило, созывались по вечерам, но колокол начинал звонить уже с полудня. Уставшие за день люди всячески старались увильнуть от собрания. Приходилось чуть ли не за руки вытаскивать их из домов.

- Просили же тебя, Архип? Забыл про собрание?
- Эдемика, именно сегодня у тебя разыгрался ревматизм?!
- Не идешь, Диомид? Ладно, поговорим с тобой в другом месте! Не будь я Зосимом!
- Зосим зобастый! Не ори ослом и дай мне отдохнуть, а то возьму вот двустволку и отправлю тебя в такое место, откуда нет возврата!
- Маргарита, выходи, я знаю, ты дома!
- Иди на собрание, Ксения, да прихвати своего инвалида!

Нас, детей, на собрание не приглашали, но мы и не нуждались в приглашении. Собрание было для нас единственным местом развлечения. Оно обычно проводилось в школе, и нам доставляло огромное удовольствие видеть, с каким трудом рассаживаются за партами седовласые загорелые дяди и тети. Мы устраивались на полу, с наслаждением наблюдая за ходом этого странного урока, во время которого не читали списка, отвечали с места, не вставая, свободно курили, перебивали друг друга, к учителю обращались на «ты», и никого за это не выставляли за дверь. Я мечтал о том времени, когда и меня будут звать на собрание, когда и я смогу послать зовущего к черту, когда при голосовании председатель объявит: «Сосойя воздержался!..»

...Я и Хатия сидим на полу, перед тетей, за нами, также на полу, – Бежана. Мы ждем начала собрания. Класс гудит. Все окна распахнуты настежь, но в комнате все же жарко. От запахов табака, пота и земли першит в горле. Надрывно кашляют старики. Судачат бабы. А народ все валит.

- Ну что ж, пора начинать! – объявил колхозный счетовод Зосим, постучав карандашом по надтреснутому колокольчику. – Кого изберем председателем?
- Будь сам, какая еще с тебя польза? – съязвил Диомид.
- Пожалуйста, становись председателем ты! Убедишься, какое это удовольствие!
- Что ты! Отбивать кусок хлеба у любимого соседа!..
- Пропади ты пропадом с твоим соседством!
- Да начинайте же, черти проклятые, утро скоро! – прервал дискуссию Зосима и Диомида дядя Герасим.

Зосим кашлянул, надел очки, раскрыл бумажную папку, извлек оттуда лист бумаги, поднес его к носу и вдруг вспомнил:

- А секретаря? Надо же избрать секретаря собрания!
- Будь заодно и секретарем! – предложил Диомид.

– Не справится с двумя обязанностями! – сказал Бежана. Зосим нахмурился, снял очки и посмотрел на Бежану, однако, увидев его серьезное лицо, промолчал.

– Голосовать?

– Хоть голосуй, хоть пой в три голоса, только начинай! – крикнул выведенный из терпения отец Хатии.

Зосим еще раз кашлянул и объявил:

– На повестке дня у нас один вопрос: о лодырничании и отвиливании от работы отдельных, так сказать, изменников общего дела и родины. Слово предоставляется председателю нашего колхоза товарищу Кишварди Спиридоновичу Вашакмадзе!

При упоминании фамилии председателя раздалось несколько жидких аплодисментов. Кишварди встал, выпил полграфина воды, затянул пояс потуже и начал:

– Товарищи! Нынешний год сложился для нас очень неблагоприятно. Что происходит сейчас? Происходит смертельная борьба. Две стороны – красная и черная – ведут между собой – что? Они ведут между собой войну. Беспощадную войну. Кто мы? Мы – серп и молот, то есть звезда. Кто они? Они – ад и бездна, тьма-тьмущая и беда нескончаемая! Что делает Гитлер? Гитлер продвигается вперед. Он достиг уже кислых минеральных вод, Кисловодск! – перевел он на русский язык. – Каково приходится народу? Трудно приходится, товарищи, народу! И правительству нашему нелегко, и армии нашей нелегко. А нам? Нам тоже трудно, товарищи! Не хватает пищи, одежды, обуви... Вот ты, Христофор Василия! Думал ли ты о том, что твоему мальчику, который с винтовкой в руках бьет Гитлера, нужна жратва, нужна одежда?

– О чем же я думал, если не об этом, дорогой Кишварди!

– А ты, Герасим? Попал твой сын в госпиталь, и ладно? А о том, что таких, как он, тысячи и каждого из них надо накормить и напоить, ты знаешь об этом?

– Знаю, Кишварди, знаю...

– Ражден! Как по-твоему? Танк, в котором сидит твой парень, растет в саду на дереве?!

– Да что ты нам байки рассказываешь! Говори о деле! – раздались недовольные голоса.

– Скажу о деле! Стране нужен хлеб, нужно мясо! Лобио и мчади нужны народу! Вы как думаете, зачем нас оставили здесь? Или мы стрелять не умеем? Да я за пояс заткну любого... как его... снайпера! Ан нет! Велели сидеть здесь, дома! Почему? Потому что мы сегодня нужны здесь! У войны ненасытный желудок, ох и ненасытный! И заполнить этот желудок должны мы с вами! Понятно это?

– Кишварди! Вот тебе нож – режь нам горло! Что мы, не работаем что ли? – подал голос дядя Герасим.

– Я не про всех... Мужиками я доволен. И на баб я не в обиде... Однако есть отдельные лица...

– Назови, назови конкретно! – зашумело собрание.

Кишварди извлек из нагрудного кармана сложенный вчетверо лист бумаги, развернул его. В классе люди затаили дыхание. Кишварди долго всматривался в листок, потом решил:

– Где Амбако, где Кирилл, где Кикития, где Федосия Барамидзе и невестка ее Маквала?

– Ну-ка, Шакро, отвечай, где твоя мамаша и жена твоего брательника? – толкнул кто-то Шакро Барамидзе.

Тот встал, провел ладонью сперва по парте, потом по собственному лицу и нехотя ответил:

– В Батуми они... За сахаром...

– Ага, за сахаром? Архип, как давно ты видел сахар? – спросил Кескинэ.

– Видеть-то видел, да вот есть не приходилось! – улыбнулся Архип.

Шакро закашлял, закрыл лицо руками.

– Что ты раскашлялся, точно Бегларов пес! – прикрикнул на него Зосим. – Скажи-ка лучше, зачем их в Батуми потянуло?

– Да они... У них там... В общем, они там достают сахар, а потом...

– А потом здесь продают втридорога, так, что ли? – спросил кто-то.

– Так...

– И это говорит сын про собственную мать! Язык надо вырвать у такого сына! – запримечала Машико.

– А что, мне за них садиться в тюрьму, да? – огрызнулся Шахро и сел.

– Никого я не собираюсь сажать в тюрьму! – продолжал Кишварди. – Кому работа не по душе, пусть идет в лес, к Датику, и ночует там с волками... Просить и упрашивать мы не намерены... Война только начинается, и никто за нас не постоит, кроме нас самих... Лукайя Поцхишвили, скажи что-нибудь!

С того дня, когда Лукайя узнал о гибели единственного сына, он словно онемел. Он выходил в поле до восхода солнца, работал за троих, возвращался домой после захода солнца, ложился под навесом и лежал, не двигаясь, до утра. Обрушья небо и разверзлись земля – Лукайя не моргнул бы даже глазом.

Сейчас, услышав свое имя, Лукайя вздрогнул от неожиданности, встал, подошел к столу, выпил воды и прохрипел:

– Табаку...

Человек десять, сидевших за передними партами, полезли в карманы, и на столе выросла горка табака. Человек десять зашуршали газетами, и стол покрылся кусками бумаги. Человек десять зачиркали самодельными зажигалками, и комната наполнилась сладковатым запахом жженого трута. Лукайя дрожащими руками свернул толстую, с палец, сигарку, раскурил ее, глубоко затянулся. Лоб его покрылся испариной. Класс молчал.

– Я... Что я... – начал Лукайя. – Для меня война давно уже кончилась... Будь у бога справедливость, я сейчас должен гнить в могиле... Но не берет бог мою душу... Что ж, подожду... Накладывать на себя рук не стану... Всю свою кровь обращаю в пот, все свои слезы обращаю в кровь, – найдут они путь к костям моего мальчика... Так и буду жить, пока не свернем шею Гитлеру... Или я, или он... Вместе нам нет места на земле... Вот и весь мой сказ.

Собрание молчало. Лукайя сел и закрыл лицо руками.

– Пиши, Зосим! – встала вдруг бригадир Ксения. Зосим вопросительно взглянул на председателя.

– Пиши, говорю! – повторила Ксения. Председатель кивнул головой.

– Пиши! – продолжала Ксения. – Пусть померкнет свет в глазах того, кто без причины уйдет с работы! Пусть отсохнет у него рука и поразит его пуля в сердце!

– Ну и ну... – протянул Алпес Соселия.

– Вот тебе и ну! Кстати, говорю я это к твоему сведению! – огрызнулась Ксения.

– А что я! Работаю как вол, видят все! Мычать мне, что ли?

– Да, должен мычать!

– Записать это? – спросил Зосим.

– Послушайте, люди, чем сыпать здесь проклятиями, вы бы лучше поинтересовались, кто выдаивает наших коз! – вскочил Эдемика Горделадзе.

Я и Хатия похолодели.

– Я в Ксениных понуканиях не нуждаюсь, – продолжал Эдемика, – работаю на совесть! А тех, кто не работает, нет и на собрании!

– Об этом-то и речь! Это нас и интересует: где они? – встал Кишварди.

– Меня интересует, кто ворует наше молоко! – крикнул Эдемика.

– Правильно! – поддержали его Мака, Мина, Машико, Васаси и другие.

Народ заволновался, зашумел. Зосим всюду стучал карандашом по колокольчику, но его никто не слушал.

– Да тише вы! – крикнул Кишварди. – Эдемика Горделадзе, о каких козах идет речь? Говори ясно!

– Я скажу про свою!

– И про мою скажи! – попросила Мина.

– Пусть каждый заботится о своей козе! – бросил кто-то реплику.

– Правильно! Слово предоставляется козе... то есть Эдемике! Выходи, Эдемика!

- Я скажу с места!
- Ну, начинай!
- Не знаю даже, с чего начать...
- С хвоста, Эдемика!

Эдемика почесал в затылке, потом посмотрел на меня. Я не выдержал его взгляда, потупился, Эдемика покачал головой – дескать, попляшешь ты у меня, – и глубокомысленно изрек:

- Соседи! Коза – это вам не корова!
- А ты почему знаешь? – спросил недоверчиво Бежана. В комнате захохотали.
- Кишварди, скажи этому дуралею, пусть заткнет глотку, иначе я отказываюсь говорить! – обратился Эдемика к президиуму.

– Бежана! Еще одно слово, и я выведу тебя, – предупредил председатель Бежану.

Тот прикрыл рот рукой и обратился в слух. Эдемика продолжал:

– Моя коза – вы знаете ее, она хромает на заднюю ногу – в день дает две бутылки молока...

– И тебе не стыдно эксплуатировать козу-инвалида? – спросил кто-то.

– Ногу ей сломал не я, а молоко одинаковое у всех коз. Я продолжаю. Дает, значит, она две бутылки молока: одну – утром, вторую – вечером... Что же теперь получается? Утром я надаиваю одну бутылку, а вечером коза возвращается без молока! То есть бутылка молока пропадает! А что такое бутылка молока? Это все равно что бутылка крови! Так говорит наш врач.

– Ну, послушать нашего врача, так один королек * равен двум яйцам, а два королька – одной курице... – сказал Виссарион.

– А что, разве не так? – набросился на него Эдемика.

– Так, конечно. Вот я посадил у себя одно корольковое дерево, и теперь не нужны мне ни куры, ни курятник... Придет гость – подам ему вместо курицы королек!

– Я не знаю, кому что ты подашь, но бутылка молока – это, по крайней мере, полбутылки крови! – сбавил Эдемика.

– Уступи еще немного! – крикнул кто-то.

– Не могу! Это установлено наукой! – заупрямился Эдемика.

– Скажи в конце концов, кто отнимает у твоей козы эти полбутылки крови? – не вытерпел Зосим.

– Не у козы, а у меня! У меня этот негодяй высасывает кровь! – взорвался Эдемика, ударив себя в грудь. Он подошел к столу, схватил графин с водой, отпил несколько глотков, хотел еще раз ударить себя, но Зосим перехватил его руку, опустил ее и обратился к собранию:

– Кто еще среди вас пострадавший?

– Я! Я! Я!.. – повскакали с мест Мина, Мака, Машико и Васаси.

– Пострадавшие пусть крикнут «мэ-е-е!», – предложил Бежана.

В комнате опять поднялся хохот.

– Слышишь, Кишварди? Он еще и издевается над нами! – побагровел Эдемика.

– Бежана! Выгоню тебя вон! – пригрозил председатель. Бежана затаил дыхание. Председатель жестом велел Зосиму продолжать.

– Сколько литров крови дает твоя коза, Мина?

– Четыре!

– Твоя, Машико?

– Моя – три.

– Твоя, Мака?

– Моя – всего литр, она беременна...

– Твоя, Васаси?

– Два!

– Сколько же это получается? Четыре, да три, да один, да два, да еще Эдемиковых два...
– Двенадцать! – крикнул колхозный бухгалтер.
– Раздели теперь двенадцать на два!
– Это еще почему? – насторожился Эдемика.
– Потому! Половину-то молока берете сами?
– Берем...
– Ну вот... Следовательно, в чем заключается задача?
– Узнать, чем доятся козы – кровью или молоком! – ответил за всех Бежана.
– Заткнись, олух! Задача заключается в том, чтобы определить, кто выдаивает чужих коз!

Грянули аплодисменты.

– Нечего тут определять и устанавливать! Мне все известно! – заявил Эдемика.
– Ну так говори, черт!
– Я бы сказал, да неудобно... – и Эдемика искоса взглянул на тетю.
– Говори, Эдемика! – проговорила побледневшая тетя.
– Кето, ты знаешь, ради тебя я готов идти в огонь и в воду... – сказал, запинаясь, Эдемика, – но если я промолчу, будет хуже для твоего мальчика...

В классе наступила напряженная тишина. Все повернулись ко мне и вдруг зашумели:

– Врешь, бессовестный!

– Кто тебе поверит!

– Сам лопает молоко, а сваливает на других!

– Садись, Эдемика, и молчи!

– Докажи, что это так!

– Погодите, люди! Дайте ему досказать!.. Говори, Эдемика, что тебе известно? – сказала спокойно тетя.

– Мне, дорогая Кето, известно одно: пришел как-то ко мне утром Сосойя, с ним была и Хатия... – Эдемика взглянул на Хатию. Она сидела не двигаясь и улыбалась. – Попросили они у меня козье молоко, сказали – для больного... Я отказал им. А вечером моя коза вернулась с пустым выменем... Дети в тот день побывали и у Маки, и у Машико, и их козы также пришли домой выдоенными... Так продолжается вот уже неделя... Правду я говорю, женщины? Отвечайте!

Но женщины молчали. Молчали все – то ли от неожиданности, то ли из-за уважения к тете.

– Да врет он! – встал вдруг Бежана. – Сочиняет все! При чем тут Сосойя и Хатия? Коз выдаиваю я!

– Записать? – спросил растерявшийся Зосим. Председатель кивнул.

– А что мне остается делать? В совхозе я не состою, трудодней не вырабатываю... А насчет того, что, мол, кто не работает, тот не ест, – неправда это! Козы ведь тоже не работают в колхозе, однако жрут дай бог! – Надо мне кушать или нет? Вот я и стал выдаивать коз! Вот так! – Бежана засунул в рот два больших пальца. – Сказал ведь сегодня наш председатель, что у войны ненасытное брюхо! А у меня тоже есть брюхо, и тоже ненасытное. И я стараюсь наполнить его... Правда, козье молоко без соли – не очень вкусное, но что поделаешь... А ты, Эдемика, повесил бы своей козе вместо дурацкого колокольчика кусок мчади и щепотку соли, было бы лучше... И не приставайте, ради бога, ко мне – как, да почему, да по какому праву я выдаиваю ваших коз! Ничего вы со мной не сделаете, – я сумасшедший! Я даже в выборах не участвую! Понятно? Если вы не отстанете от меня, я начну бушевать, вам же будет хуже! А ты, Эдемика, встань и держи ответ за клеветничество, за оскорбление неповинных детей! Вот так!

Огорошенный Эдемика не нашелся что ответить. Молчали и соседи.

– Ты закончил, Бежана? – нарушила тишину тетя.

– Да, дорогая Кето! – улыбнулся ей Бежана.

– Ну так садись...

Бежана, подмигнув мне, сел. Тетя встала и глухо заговорила:

– Простите меня, соседи! Это я во всем виновата. Сосо и Хатия каждый день приносили молоко и говорили, что это от соседней. Я верила им... А молоко действительно нужно было для раненого... Бежана нашел его в плантации и приволок к нам – голодного, полумертвого... Благодаря вашему молоку и заботам Аквиринэ нам удалось выходить человека... Простите меня, соседи... Я постараюсь отплатить добром...

Тут вскочил Эдемика и, задыхаясь от волнения, набросился на меня:

– Что же это ты опозорил меня, Сосойя, перед честным народом? Сделал меня посмешищем? Сказал бы, сукин ты сын, в чем дело, да я бы подарил тебе эту проклятую козу! Что мне теперь делать! Бежана и тот смеется надо мной! Эх ты, Сосойя!..

– Сосойя Мамаладзе! Встань и доложи собранию, как было дело! Мы-то уверены, что на дурной поступок ты не способен! – сказал мне с улыбкой Кишварди.

Я встал, подошел к столу.

– Дядя Кишварди, дядя Эдемика... Я и Хатия... Дядя Эдемика... Клянусь памятью матери... Мы не выпили ни одной капли того молока...

У меня потемнело в глазах, люди стали двигаться, к горлу подступил горький комок... Потом комната исчезла... Кто-то подошел ко мне, обнял. Я прислонился головой к его плечу и тихо заплакал...

Вдруг дверь с шумом распахнулась и в комнату ворвался наш сельский почтальон Коция с огромной сумкой за плечом. Он еле стоял на ногах. Натыкаясь на стены, он с трудом добрался до стола, оперся на него руками, расставил ноги и окинул собрание мутным взглядом.

– Что, боитесь смотреть мне в глаза? – произнес он заплетаящимся языком.

– Здравствуй, Коция! – приветствовал его дядя Герасим.

– Здравствуй! Где председатель? – спросил Коция стоявшего рядом Кишварди.

– Вот же я, не узнаешь меня? – Кишварди хлопнул почтальона по плечу.

– Ты – Кишварди? Ну да, узнал! Это ты меня назначил почтальоном?

– Я!

– Коли так, открывай собрание!

– Да оно уже открыто, Коция!

– Тогда дай мне слово!

– Ишь ты, чего захотел! Да облейте его водой! Где это он так нализался? – рассердилась Ксения.

– Требую слова! – настаивал почтальон.

– Какое еще слово, Коция, кончилось собрание!

– Дайте слово! Прошу вас! – обратился Коция к народу.

– Налей ему, Кишварди!

– Дали же говорить мне? Теперь пусть скажет он! Сейчас он сумасшедший вроде меня! – крикнул Бежана.

– Говори, Коция! – разрешил председатель. Почтальон поклонился ему в знак благодарности и повернулся лицом к собравшимся.

– Кто начал войну? – выпалил вдруг он. Люди остолбенели.

– Я вас спрашиваю, кто начал войну?

– Войну начал Гитлер, Коция! Или ты обвиняешь нас? – сказал кто-то.

– Неправда! Войну начал не Гитлер!

– Геббельс!

– Нет!

– Геринг!

– Нет!

– А кто же? Бежана, что ли?

– Война у нас началась с меня, с моего сообщения, безбожники вы этикие... – прошептал Коция.

– Люди, мы погибли! Что скажет правительство, когда узнает, что у нас почтальоном работает Гитлер, а председатель начисляет ему трудодни! – крикнул Бежана.

В комнате раздался хохот. Коция подождал, пока успокоится народ, и продолжал:

– Да, соседи, войну начал я!..

– Хватит тебе валять дурака! – подал голос Эдемика. – За такое преступление – расстрел!

– Не верите? Хорошо!.. Кесария Соселия, встань, если ты здесь!

– Здесь я, Коция! – встала побледневшая вдруг Кесария. – Что... что ты хочешь сказать мне?..

– От кого ты впервые узнала о начале войны? Скажи честно, Кесария!

– Да ты при чем? Не ты, сказал бы другой!..

– Садись, Кесария!.. Лукайя Поцхишвили! Кто сообщил тебе о гибели твоего мальчика? Не я ли, отсохни мой язык?! Отвечай! Евгений! Кто принес тебе похоронную на твоего сына? Кто? Я! Я! Я! – голос у почтальона сорвался.

Мне захотелось кричать, выть, плакать, и, чтобы не дать волю охватившему меня чувству, я плотно прикрыл рот руками. Люди вокруг молчали, словно навалившаяся вдруг на них тяжесть лишила их дара речи.

Отдышавшись, Коция продолжал:

– Зачем я должен смотреть на ваши слезы?.. Зачем мне жизнь, если сосед боится увидеть меня?.. Не хочу! Не хочу быть почтальоном! Слышите вы?! Побойся бога, Кишварди! Мой мальчик ведь тоже на фронте! Пожалейте меня! Сжался хоть ты надо мною, господи! Спускайся сюда и сам раздавай людям эти проклятые бумаги! Ты – бог, ты вынесешь все! А я всего лишь простой смертный, и нет больше моих сил! Ты создал этот мир, ты и неси ношу эту! А меня избавь! Хватит с меня! – Коция снял сумку и поднял ее вверх. – Слышишь меня, господи? Хватит с меня! – Он изо всех сил шмякнул сумкой об стол. Посыпались треугольники писем, газеты, журналы, несколько конвертов с напечатанными адресами. Коция с минуту пристально вглядывался в эти конверты, которых народ боялся как чумы, потом сел, уронил голову на стол и разрыдался.

Я был уверен, что люди, с нетерпением ожидавшие каждой весточки с фронта, бросятся к столу, разгребут все эти письма и конверты, чтобы здесь же, сейчас же узнать об уготовленной им судьбой радости или горе. Однако произошло непонятное: застывшие от ужаса женщины и мужчины вставали, чинно, как на панихиде, обходили стол и молча покидали комнату, словно в ней находился покрытый саваном покойник, которого оплакивал почтальон Коция.

Было раннее утро. Наш больной сидел на балконе и, глядя в надтреснутое зеркало, намыливал щеки. Я стоял тут же и правил на старом ремне бритву, а тетя зашивала мои многострадальные изодранные за день брюки.

– Доброе утро, Кето! – к балкону подошла Мина с небольшой корзинкой в руке.

– Утро доброе, Мина!

– Это и есть ваш больной? Здравствуйте, батона, как вы себя чувствуете? – обратилась Мина к русскому. Тот улыбкой поблагодарил женщину и выразительно взглянул на меня: выручай, мол. – Хороший, видать, парень! – сказала Мина, потом спохватилась, достала из корзины бутылку с молоком и поставила ее на лестнице. – Не обижайся, Кето, на большее моей козы не хватило!

Не успела тетя опомниться, как Мина повернулась и ушла. Спустя минуту во двор сломя голову вбежал внук Эдемика Роман.

– Тетя Кето, это прислал дедушка для вашего больного солдата! Вот! – Он поставил на лестнице бутылку. – До свидания! – И мальчик ускакал.

Целый час сидел на балконе с намыленными щеками наш больной и с разинутым от удивления ртом смотрел, как во двор один за другим входили соседи, улыбаясь и кивая

головой, говорили ему какие-то непонятные слова, ставили на лестнице бутылки с молоком и, все так же улыбаясь, уходили.

Последним пожаловал Бежана. Взглянув на батарею бутылок, он ничуть не удивился, лишь озабоченно сказал тете:

– Где бы нам достать хорошую закваску? Получится отменный сыр!

АНАТОЛИЙ

У нашего больного оказались красивое имя – Анатолий и царская фамилия – Романов. Но все село, кроме меня, тети и Хатии, называло его по-прежнему – Сосоин русский.

Однажды утром, почувствовав себя окрепшим, Анатолий попросил свою одежду. Тетя вынесла ему выстиранное и выглаженное обмундирование и вышла из комнаты. Ничего не подозревая, я помог Анатолию умыться, подал полотенце, гребенку. Когда же он оделся, обулся, подошел ко мне, обнял, потрепал по щеке и поцеловал в лоб, – я все понял. Я выскочил на балкон и заорал:

– Тетя! Иди сюда, тетя! Прибежала перепуганная тетя.

– Что случилось, Сосойя?

– Он уходит!

– Кто?

– Анатолий уходит, тетя!

– Как уходит? Куда? – Тетя оглянулась на дверь. Свежевыбритый, причесанный, похорошевший Анатолий стоял в дверях и неловко улыбался.

Тетя поднялась на балкон.

– Что вы надумали, Анатолий?

– Пора мне, хозяйюшка!.. Чувствую себя, слава богу, хорошо. А вам сердечная благодарность за все! Спасибо всем, вам – особенно! Никогда не забуду вас!.. Извините меня за причиненные хлопоты... До свидания, дорогая!

Анатолий протянул руку, тетя пожала ее. Так они стояли, молча глядя друг на друга. Наконец Анатолий повернулся ко мне:

– А ты проводи меня, Сосо.

Он спустился по лестнице и не спеша, размеренными шагами направился к калитке. Я и тетя не двигались с места. Подойдя к калитке, Анатолий ухватился за колья, приподнялся, да так и остался с занесенной над порогом ногой – переступить его не смог. Он обернулся, посмотрел на нас с виноватой улыбкой и присел на пороге. Я и тетя подошли к нему.

– Не хватило пороху... – проговорил Анатолий.

– Вы еще слабы, – сказала тетя, – и потом, куда вы идете, к кому? Оставайтесь у нас! Не стесняйтесь! Будем делиться, чем бог послал... Месяц, два, а там видно будет...

Анатолий не отвечал.

Тетя взяла меня за руку, и мы вернулись в дом. Тетя прошла в комнату, я остался на балконе. Анатолий еще некоторое время сидел на пороге калитки, потом встал и медленно побрел обратно...

...Спустя несколько дней, вернувшись из школы, я и тетя заметили в нашем хозяйстве странные изменения: дрова были наколоты, повалившийся плетень выглядел как новый, все прогнившие столбики в винограднике заменены. С того дня и началось... Анатолий нашел себя... У него в руках спорилась любая работа. Благодаря его заботам наш виноградник стал лучшим во всем селе. Единственное, чему он так и не сумел научиться, – мотыжить кукурузу... Вскоре он стал появляться и на колхозном дворе, на плантациях, в поле... Полюбил Анатолий наше село, его людей. Все его интересовало, ко всему он приглядывался. Он безошибочно определял дома фронтовиков, приходил туда и, ни к кому не обращаясь, сам находил для себя работу.

– Сосойя, – спрашивала меня удивленная хозяйка, – как мне быть? Заплатить ему деньгами или как?

– Не смей и заикаться об этом! Разнесет в щепки весь дом! Он ведь контуженый! – пугал я растерявшуюся вконец женщину.

– Ради бога, не оставляй его одного! Разбушуется, чего доброго, не свяжешь его! – просила она.

Я пересказывал Анатолию наш разговор, и он хохотал до упаду.

Объясняться с сельчанами Анатолию было трудновато, и потому он не отпускал меня от себя ни на шаг. Особой разговорчивостью Анатолий не отличался, спрашивали – отвечал коротко, но он был первым человеком, возвратившимся с фронта, и поэтому от желающих поговорить с ним не было отбоя. Его спрашивали о положении на фронте, о вооружении нашей армии, о планах Гитлера, о событиях во всем мире, и, хотя Анатолий не мог знать ничего сверх того, о чем сообщалось в прессе и по радио, к каждому его слову прислушивались с огромным интересом.

Когда я и Анатолий впервые прошлись по селу, за нами увязалась целая орава ребят.

– Сосойя, он герой?

– А то нет?!

– Сколько он убил немцев?

– Миллион!

– А ты взаправду с ним по-русски разговариваешь или обманываешь нас?

– Обманываю!

– А стреляет он хорошо?

– Птичку сбивает на лету!

– В зяблика попадет?

– С двадцати шагов в глаз!

– А в кольцо?

– В самое отверстие!

– Ух! Вот молодец!

Когда Анатолий впервые увидел вывешенное на балконе Лукайи Поцхишвили черное полотно с бронзовыми буквами, он удивленно посмотрел на меня:

– Что это такое, Сосо?

– Сын у него погиб на фронте...

– Ну?

– Ну, здесь написано, что они оплакивают безвременно погибшего сына Кукури...

Анатолий промолчал. Потом он стал останавливаться у каждого дома с такой же траурной лентой и хмуро разглядывать буквы, выведенные неумелой рукой, но с невероятной любовью и старанием.

Мы вернулись домой поздно вечером.

– Где вы пропадали целый день? – спросила за ужином тетя.

– Осматривали село, – ответил я.

– И что же, понравилось? – обратилась тетя к Анатолию.

– Нет! – покачал он головой.

– Что ты ему показал, Сосойя?

– А ничего. Он ходил и рассматривал траурные надписи...

– Тяжело... – вздохнула тетя.

– Много! – сказал Анатолий. – Тринадцать.

– Много...

РЫБАЛКА

После преображения, когда вода в Супсе становится холодной, как лед, усач и сельдь залегают на спячку. Они разыскивают в реке пустотельный валун покрупнее, забираются туда и до самой мартовской оттепели лежат без движения, тесно прижавшись друг к другу. Об этой рыбьей повадке известно каждому сельскому мальчику, и, конечно же, мне. Есть у меня на примете и соответствующее место на реке. Называется оно Напицара. Здесь с незапамятных времен лежит в воде огромный замшевый валун – “чертов камень”. Летом мы с утра до вечера лежим на этом камне, загораем, прыгаем с него в глубокий, темный омут, который

образует здесь Супса. Но сейчас не время для купаний. Сейчас мы ищем рыбу. Я лежу в ледяной воде у «чертова камня», дрожа всем телом, лязгая зубами. Одной рукой я прикрываю отверстие в камне, другую просовываю туда по самое плечо.

На берегу сидит Хатия, тут же Анатолий разводит костер, а Бежана сидит на корточках у самой воды и поучает меня.

– Есть рыба, Сосойя?

Я киваю головой.

– Сельдь или усач?

– Усач!

– Хватай за усы! Да пощекочи его! Усач, что твой поросенок, любит, когда его щекочут!.. Смотри, Сосойя, простудишься! Посинел весь! Вылезай, согрейся маленько!

– Отстань, Бежана!

– Много рыбы?

– Много, много, отстань!

– Хватит всем? Ее ведь надо разделить на четыре части!..

Я киваю.

– А то, помнишь, третьего дня ты надул меня! Отдал каких-то жалких головастикав! Смотри у меня! – предупреждает Бежана.

Есть! Попался наконец! Я хватаю, вцепляюсь в крупного усача, глажу его по животу. Рыба ложится на бок. Пальцами нащупываю жабры, вытаскиваю ее и крепко хватаю зубами за голову. Усач извивается, больно бьет меня по лицу, но я терплю. Я тащу второго усача, потом обоих кидаю на берег и вновь погружаюсь в воду по грудь. Рыбы много! Я с трудом выволакиваю из камня третьего, четвертого, пятого усача. Некоторым удается бежать – они быстро зарываются носом в песок и исчезают. Но ничего, на нас хватит!

Я выхожу на берег.

Хатия выбрала из кучи самого крупного усача, поднесла его к уху и прислушалась. Рыба бьется у нее в руке, разевает рот, задыхается.

– Что она говорит, Хатия? – спросил Бежана и принялся зубами сдирать кожуру с ивового прута – нанизывать на него свою долю рыбы.

– Отпусти, говорит, меня! – ответила Хатия.

– Если б ты видела, как она жалко разевает рот, не стала бы мучить ее!

Хатия встала, подошла к реке, и не успел я схватить ее за руку, как усач оказался в воде.

– Ты что, обалдела? – набросился я на Хатию, но было уже поздно. Усача и след простыл, а Хатия стояла и улыбалась. – Чего ты зубы скалишь, дура?! Поди попробуй, каково лежать битый час в ледяной воде!

– Иди к огню! – позвал меня Анатолий.

Я присел у костра. Подошла Хатия, села рядом со мной и нежно погладила рукой по спине.

– Холодно? – спросила она.

– А то нет? – ответил я грубо и придвинулся к огню.

Спустя минуту я взглянул на Хатию, и сердце мое больно сжалось: она сидела опустив голову, с обиженно надутыми губами, из глаз ее капали слезы.

– Погладь еще, Хатия, у тебя теплая рука! – попросил я. Хатия тотчас же повернулась ко мне, положила руки мне на спину и медленно провела ими сверху вниз. Я сидел затаив дыхание, и чувствовал, как по всему моему телу разливается приятное тепло.

– Хватит, теперь одевайся! – сказала Хатия и подложила мокрые руки себе под мышки. Поддавшись охватившему вдруг меня сильному, как никогда, желанию, я нагнулся к Хатии, стиснул ладонями ее головку, привлек к себе и поцеловал в уголок губ. Она вытерла губы тыльной стороной ладони и покраснела.

– Помирились? Ну и отлично! А теперь давайте делить рыбу! – сказал Бежана.

Я быстро оделся, и мы приступили к дележу.

– Это – тебе! – и я положил перед Бежаной крупного усача.

– Нет, не так! – возразил он. – Сперва разделим всю рыбу на четыре части, а потом бросим жребий – кому какую часть!

– Не надо никакого жребия, не бойся, не обманем тебя.

– Ну ладно, только не обманывай! У меня желудок вдвое больше твоего, надо же мне жрать? Сумасшедшие всегда едят больше нормальных людей! Так что не обманывайте меня!

– Как же, обманешь тебя! Да ты умнее всех нас! – сказала Хатия.

– Если я умнее тебя, это еще не значит, что я нормальный... А ты бы помолчала! Тебе вообще ничего не полагается! Какого усача она выпустила, а? – обратился Бежана ко мне, с сожалением качая головой.

– Так вот, – продолжал я, – это – тебе, это – Хатии, это – мне, это – Анатолию.

– Даёшь ей все же, да? – пробормотал недовольно Бежана.

– Бежана, замолчи, а то останешься без рыбы! – пригрозил я.

Бежана двумя пальцами схватил себя за горло, скроил жалкую рожу и умолк.

– Это – Бежане, это – Хатии, это – мне, это – Анатолию...

– Ты кого обманываешь, бичо! – подскочил вдруг Бежана.

– В чем дело, Бежана?

– Почему ты отдаешь рыбу Сосоину русскому?

– Как это – почему?!

– Вот именно – почему? Я, дорогой мой Сосойя, сумасшедший, но не дурак!

– Что с тобой, Бежана?

– Слушай! Хатия – отдельная семья, я – отдельная семья, ты – тоже, а этот русский? Разве у него есть своя семья?

– Нет.

– Он ведь живет с вами?

– Живет.

– Значит, вам вдвоем полагается одна доля!

– Ошибаешься, Бежана!

– Так вы же живете вместе!

– Жить-то живем вместе, но кушает ведь он сам, собственным ртом!

Бежана призадумался, почесал в затылке, потом рассмеялся:

– Об этом я не подумал!

Анатолий, не понимавший слов Бежаны, видно, догадался, о чем тот толкует. Он стал со смехом передавать Бежане свою рыбу:

– Бери, бери, Бежана! Ешь на здоровье!

– Бежана, не стыдно тебе? – сказала укоризненно Хатия. Бежана смутился.

– Стыдно, конечно, стыдно! – Он отложил обратно Анатолию долю рыбы и добавил: – Ты что, Сосоин русский, шуток не понимаешь? Это твоя рыба, бери ее! Твоя, понимаешь?

Анатолий кивнул головой.

– Продолжаю: это – Бежане, это – Хатии, это...

– Здравствуйте! – раздался вдруг чей-то голос, и на нас упала тень. Мы втроем подняли головы и вскочили от неожиданности. На большом камне стоял заросший загорелый мужчина в пиджаке с перекинутой через плечо винтовкой. Я узнал бригадира Датико. – Здравствуйте! – повторил он, спрыгнул с камня и подошел к нам.

– Датико-бригадиру привет! – осклабился Бежана, протягивая руку.

Датико не обратил на него внимания.

– Ты что, Сосойя, разучился здороваться?

– Здравствуй! – буркнул я и стал нанизывать на прут рыбы.

– А ты, девчонка?

– Я не вижу, не узнала, кто ты! – ответила Хатия равнодушно.

- Тогда, ночью, небось, хорошо узнала! Хатия не ответила.
- А этот? Кто он такой? – спросил Датико меня.
- Это Сосоин русский! – ответил Бежана.
- А-а-а... Это он, да?
- Он!

Датико не сводил глаз с Анатолия.

– В чем дело, Сосо? Здесь нельзя ловить рыбу? – спросил меня Анатолий, который принял Датико за лесничего.

- Да нет... Он спрашивает про тебя...
- А кто он?
- Он? Так, никто...
- Что он говорит, бичо?
- Спросил, кто ты такой.
- Что ты ответил?
- Что я могу ответить? Скажи мне, кто ты есть, и я отвечу...

Датико опешил. Подумав немного, он проговорил:

- Не его это дело...
- Скажи, что ты выполняешь правительственное задание, а то он принимает тебя за дезертира! – вмешался Бежана.
- Заткнись, болван! – прикрикнул на него Датико. Бежана пожал плечами.
- Дайте закурить! – потребовал Датико.
- Нет у меня! – отрезал я, хотя еще утром набил себе карман табаком.
- Что он говорит? – спросил Анатолий.
- Просит закурить.
- Так дай ему, есть ведь у тебя табак!
- Для него – нету!
- Дай, дай! – толкнул меня Анатолий.
- Сосойя, дай закурить, говорю тебе! – прохрипел Датико.
- Дай! – попросила Хатия.

Я достал из кармана табак, протянул Датико. Он быстро свернул сигарку, прикурил от головешки, глубоко затянулся несколько раз и сказал как бы про себя:

– Значит, это и есть ваш русский?.. Остался, значит, с вами? Кето его оставила?.. И ты его зовешь дядей, да?

– Шел бы ты своей дорогой! Вот пристал!

– На селе так и говорят: Сосойя, мол, на собственной спине приволок домой дядю! – съязвил Датико.

– Слушай! Катись-ка ты отсюда! – Я встал. Анатолий внимательно присматривался к нам.

– Да, так и говорят: Сосойя нашел бугая для своей тетки! – продолжал Датико.

Я подскочил к Датико, и тут же сильный толчок в грудь опрокинул меня навзничь. Анатолий подбежал ко мне, поднял на ноги.

– Кто этот человек, Сосо? – спросил он.

– Кто? Вор, бродяга, дезертир! Не видишь разве! – Меня душили слезы.

– Уходи! – сказал Анатолий Датико вполголоса. Тот, будто не расслышав, продолжал:

– Думали, сдохнет Датико без вас? Отвернулись от меня! Да нужны вы мне, как... Иди донеси на меня! Чего ты ждешь? Плевать я хотел на вашу милицию и вашу безопасность! Передай Володьке Джаша и Бадри Гугуа: не снести им головы, если не перестанут гоняться за мной! И вы все, берегитесь все! Не доводите меня до бешенства! Иначе запылают ваши дома, слово Датико!

– Наступит зима, выйдешь из леса! А нет, так сдохнешь с голоду!

– Не дожدهшься моей смерти! А тетке своей передай: или прогонит она этого русского пришельца, или умоюсь я его кровью! Так и передай!

– Что это он? Про меня, что ли? – спросил Анатолий.

– Про тебя и про тетю.

– Какое ему до нас дело?

– Что он болтает, бичо?

– Он говорит, что ты бездельник, и велит тебе убираться отсюда! Вот что он говорит!

Датико посерел, и глаза его налились кровью. Он медленно приблизился к Анатолию.

– Послушай, что я тебе скажу... Уйди ты с моей дороги! Не видать тебе Кето как собственных ушей, понятно? Она моя! А не уйдешь, так пеняй на себя! Супса окрасится твоей кровью, понятно?!

Анатолий вопросительно взглянул на меня.

– Он говорит, что любит тетю Кето, и грозитя убить тебя, если ты не уйдешь!

Анатолий рассмеялся.

– Во-первых, я не боюсь этого индюка, во-вторых, Кето я ни у кого не отбираю, в-третьих, уходить отсюда я не собираюсь, мне здесь очень нравится...

Датико весь напрягся в ожидании перевода сказанного. Я начал:

– Я и Кето, говорит, любим друг друга, и никуда отсюда я не уйду. И Кето, говорит, не пара такому бродяге, как ты. Не я, говорит, а ты сам убирайся отсюда...

Датико не дослушал меня. Он снял с плеча винтовку, взвел курок и стал надвигаться на Анатолия. Тот не сдвинулся с места.

– Стой, Датико! – крикнул я. – Я обманул тебя!

Но Датико был невменяем. Он подошел к Анатолию вплотную. Ноздри его раздувались, глаза сузились, он тяжело дышал.

– Опусти ружье! – сказал Анатолий спокойно.

– Повтори, что ты сказал!

– Опусти ружье!

– Убью! прошипел Датико, и я понял, что он действительно убьет его.

– Уйди, Анатолий! – попросил я.

– Сосоин русский, иди сюда! – повторил Бежана. Анатолий не двигался. Тогда Бежана сорвался с места и заслонил собой Анатолия.

– Ты что надумал, Датико? С каким трудом мы спасли человека, сколько на него ушло ворованного козьего молока, а ты хочешь теперь убить его? Хе-хе, шутишь, брат!

Но Датико не шутил.

– Эй ты, тронутый! Сгинь отсюда, иначе прихлопну тебя, а скажут, что я убил человека! – Он дулом винтовки отстранил Бежану и вновь оказался лицом к лицу с Анатолием.

– Опусти, говорю, ружье! – крикнул вдруг Анатолий, схватил винтовку за дуло и быстрым движением вырвал ее из рук Датико. Ружье отлетело на несколько шагов. Не дав Датико опомниться, Анатолий потянулся к винтовке, но тут же Датико схватил его за руки, сжал, привлек к себе.

Анатолий постарался вырваться из объятий Датико, но не смог. Датико ловкой подсечкой сбил его с ног, навалился на него и закатил сильную оплеуху. Анатолий плюнул ему в лицо. Датико взвыл и ударил Анатолия кулаком по лицу. Из носа Анатолия хлынула кровь, и он еще раз плюнул в лицо Датико кровью. Взбешенный Датико выхватил нож.

– Что ты делаешь, негодяй! – заорал Бежана, бросился к дерущимся, схватил Датико своими медвежьими лапами, сильно встряхнул, опрокинул и вцепился ему в горло.

Лицо Датико посинело, глаза выкатились. Я и Анатолий кинулись было к Бежане, но он вдруг вскрикнул, потом застонал, разжал руки, встал и застыл на месте с открытым ртом и расширенными глазами. Потом он медленно поднес руки к животу, согнулся и сделал несколько шатающихся шагов в сторону. Датико вскочил, подобрал ружье. В правой его руке мы увидели окровавленный нож и поняли все. Датико уже не угрожал нам, он растерянно

смотрел то на нас, то на Бежану. Бежана повернулся, поднес руки к лицу – они были в крови. Тогда он выпрямился и, улыбаясь странной улыбкой, пошел на Датико. Тот попятился назад.

– Убил меня, бригадир? – чуть слышно проговорил Бежана.

Датико вздрогнул, остановился, потом крикнул что-то нечленораздельное и бросился к лесу.

Бежана поморщился и снова схватился за живот. Я и Анатолий подбежали к нему, обняли.

– Что с тобой, Бежана?

– О-о, внутренности горят!

– Хатия, помоги! – крикнул я.

Бедная девочка, не видя ничего, но понимая, что происходит что-то страшное, приблизилась к нам.

– Сосо... Что здесь случилось? – спросила она, и голос ее дрогнул.

– Садись, Хатия! Она покорно села.

Я и Анатолий осторожно уложили Бежану на песок так, что голова его покоилась на коленях Хатии. Она погладила рукой покрывшийся испариной лоб Бежаны. Бежана не отрывал рук от живота. Сквозь его пальцы сочилась кровь.

– Сосо, что случилось? – повторила Хатия. Я не ответил, меня душили слезы.

– Убил меня Датико, моя девочка! – простонал Бежана. Я припал к его груди и громко заплакал.

– Ну, ну, ты что, дурачок! Сейчас все пройдет! – сказал Бежана.

– Помоги мне, Сосо! – Анатолий опустил на колени перед Бежаной. – Подсоби-ка мне поднять его на спину! Надо спешить домой!

– Что говорит твой русский, Сосойя? – спросил Бежана.

– Хочет взять тебя домой, – ответил я рыдая.

– А-а-а, долг платежом красен... Но для Бежаны все одно – умереть здесь или дома... Погодите, дайте мне вздохнуть... Может, утихнет боль... Вот сволочь, убил-таки меня...

– Я виноват во всем! – сказал Анатолий и принялся рвать свою сорочку.

– Что он сказал, Сосойя?

– Я, говорит, виноват...

– Не смей и думать, Сосоин русский! Ты при чем? Бандит для того и носит нож и ружье, чтобы пустить их в ход. Потому что он боится. Разве он справился бы со мной без ножа? То-то... Ты не горюй. Если я останусь жив, напляшется он у меня, ох и напляшется! А нет, так... Что ж, пусть бродит по лесу голодным шакалом... А моя смерть – не такое уж важное событие. Одним ртом на селе станет меньше... – Бежана сомкнул веки.

– Бежана! – крикнул я. – Не умирай, Бежана!

– Молчи, Сосойя!..

– Это я убил тебя, Бежана, я! Это я его разозлил!

– Вот еще! Нашелся убийца!.. Ты думаешь, он хотел убить? Нет, это страх его заставил поднять нож! Вот и боль прошла. Теперь у меня шумит в голове и ноги... Ног я не чувствую...

Приподняв халат на животе Бежаны, Анатолий туго перевязал ему рану.

– А ты что делаешь, девочка? – взглянул Бежана на Хатию.

Хатия плакала, и слезы ее капали на лоб Бежаны.

– Сосойя, уйми девочку и перестань сам скулить. Взгляните-ка на солнце. Вот оно скоро спустится за горой Концхоула, и наступит ночь. А завтра оно поднимется из-за Суреби, и настанет день. День настанет для всех. Даже для того бандита. А для меня уже никогда не будет ни солнца, ни дня... Ты видишь солнце, Хатия?

– Вижу, Бежана, вижу!.. – Хатия заплакала громко.

– Не плачь, детка... Это хорошо, если ты видишь солнце. Дай бог тебе, всем вам здоровья. Я оставляю вам свою долю и солнца и воздуха. И свою рыбу тоже. Зачем я спорил с вами? Ведь все равно мы съели бы все вместе. Вот только свою долю земли я возьму с

собой... А он-то зачем плачет? Зачем плачет твой русский, Сосойя? Холодно мне и пить хочется. Дай напиться, Сосойя!..

– Нельзя тебе пить, Бежана! Потерпи немного, придем домой, вылечит тебя бабушка Аквиринэ, тогда и пей, сколько тебе захочется.

– Сосойя, дай перед смертью испить глоток нашей супсинской воды. Мне теперь все можно...

Бежана часто задышал. Я испуганно взглянул на Анатолия.

– Он просит пить, что делать?

Анатолий встал, зачерпнул ладонями воду из реки и дал напиться Бежане.

– Что ты делаешь? Нельзя ему!

– Вот спасибо тебе! – поблагодарил Бежана Анатолия. – Твой русский умнее тебя, Сосойя, знает он, что теперь мне ничем уже не помочь... – Он вдруг привстал и пристально посмотрел на меня. – Сосойя, где ты?

– Здесь я, Бежана, не видишь разве меня?

– Не вижу, Сосойя, не вижу... Кажись, умираю я, Сосойя... – Бежана опустил голову на колени Хатии.

– Не умирай, Бежана, не умирай, дорогой! – взмолился я. – Что я скажу людям? Слышишь, Бежана, милый мой, потерпи еще немного! Все будет хорошо, Бежана! Вот я здесь, рядом с тобой! Видишь меня, Бежана?

– Успокойся, Сосойя... А что солнце? Оно уже закатилось?

– Нет еще, Бежана...

– Хатия, ты видишь солнце?

Хатия никого и ничего не видела. Она рыдала.

– А я не вижу солнца... – сказал Бежана.

– Видишь, как не видишь! Вон оно, над Концхоулой! Скажи, что видишь солнце, Бежана! – просил я Бежану и гладил его похолодевшие руки.

– Сосойя, слышишь?

– Что, Бежана?

– Слышишь? – Бежана прислушался к чему-то и вдруг тихо запел:

Девушка-красавица

В загляденье-платице...

Бежана пел и улыбался. Потом голос его постепенно стал угасать. Я припал к его груди.

Бежана ничего уже не чувствовал и не слышал...

Долго еще я обнимал и ласкал Бежану. Потом почувствовал прикосновение руки Анатолия и поднял голову. Солнца на небе уже не было, но гора еще пылала оранжевым отблеском его лучей.

Бежана больше не пел...

СНЕГ

В конце декабря наступили сильные холода. Однажды вечером подул низовой ветер и пошел снег. Потом ветер улегся, а снег продолжал сыпать без конца. Сухие пушистые снежинки, медленно кружась, ложились на землю. За ночь снег покрыл все вокруг таким толстым слоем, что утром куры, слетев с насеста, проваливались в снег по самый клюв. Снег шел не переставая весь следующий день. И потянулись нескончаемые зимние вечера... Топанье ногами на балконе... Шипенье сырых дров... Вареная ветчина... Протяжный лай собак... В сплошном снежном покрове появились протоптанные тропинки – от домов к колодцам, от соседа к соседу, от села к селу. В школе стихли шум и гомон: дети отсиживались по домам, ожидая, когда уляжется снег. А школьный колокол по утрам звал, звал нас...

Снег сровнял холмы и впадины... Полегли плетни. Лишь кое-где торчал вбитый недавно кол, да и тот уносил случайный прохожий, кто – на дрова, кто – чтобы отбиться от собак или набежавшего ненароком проголодавшегося зверя.

...Пригорюнившийся Анатолий сидит у камина и ворчит:

– Глупая выдумка – камин. Дрова пожирает что твой паровоз, а тепла от него – на грош! Лицо горит, а спина мерзнет!

– Повернитесь теперь спиной! – учит тетя.

– Вот нашу бы русскую печь сюда!..

– А разве у вас зимой не холодно? – спрашиваю я.

– Понимаешь, мороз у нас суше, здесь так и пробирает до мозга костей!..

– Завтра надо смести снег, а то, чего доброго, обвалится крыша, – говорит про себя тетя.

Снег валит и валит!..

– Сосойя, сходи за дровами!

Я накидываю полушубок и спускаюсь во двор. Приношу дрова, кидаю их в камин и усаживаюсь тут же на козлиной шкуре. Сырые дрова долго шипят и дымятся, потом вдруг вспыхивают ярким пламенем. В комнате светлеет. Я замечаю, что Анатолий смотрит на тетю, смотрит пристально, не отводя глаз. Тетя сидит склонив голову и вяжет теплые носки для меня. Я отворачиваюсь, но все же замечаю, что тетя украдкой смотрит на Анатолия.

Анатолий – блондин, худощав и очень красив. Он выглядит немного моложе тети. Теперь он уставился на огонь и думает что-то свое. Потом он вздыхает и опять переводит взгляд на тетю. Я вижу все и – как ни странно! – не обижаюсь. Анатолий тоже видит все. Он смущенно улыбается и кладет руку на мое плечо. Я не двигаюсь, мне приятно прикосновение руки Анатолия. Тетя тоже видит все, и – я чувствую это – она рада. Я счастлив оттого, что тетя рада, и улыбаюсь Анатолию. Потом я долго, не отрываясь, наблюдаю за игрой огня в камине, – пусть тетя и Анатолий смотрят, не смущаясь, друг на друга. «Сосойя на собственной спине приволок домой себе дядю», – вспоминаю я и подбрасываю в камин дрова. «Это – Сосоин русский», – вспоминаю я слова Бежаны, и вижу Бежану с прижатыми к животу окровавленными руками... В камине танцует пламя, и в пламени я вижу улыбающуюся Хатию. Хатия стоит в пламени, и я не удивляюсь, что огонь не причиняет ей никакого вреда...

До меня доносится глухой голос Анатолия:

– Сожгли все, сровняли с землей... Людей угнали в Германию... А мы отступали... Были вынуждены отступить... Нет, Кетеван, я уйду, обязательно уйду.

Анатолий каждый день собирается уходить, но не может... Он потеет и кашляет ночи напролет... Я не отговариваю Анатолия: знаю, что рано или поздно он уйдет. Я боюсь этого дня, боюсь потому, что очень люблю тетю. Я знаю: тетя тоже боится этого дня. В языках пламени улыбается Хатия. «Я вижу солнце, Сосойя!» – говорит она, и я ничего на свете больше не боюсь...

КУКУРИ

– Здравствуй, Бежана! Это я, твой Сосойя! Я не спрашиваю о твоём житье-бытье, знаю сам, как ты живешь! И потом, ты ведь все равно скажешь, что у тебя все хорошо, что ты ни в чем не нуждаешься... Но мне известно все... Я вижу тебя каждую ночь и навещаю тебя каждый день. Правда, последние дни я не смог прийти к тебе, – ты уж извини меня. Снег лежит по пояс, трудно подниматься в гору. Спроси хоть Анатолия – еле добрались сюда... Сейчас мы все здесь приведем в порядок. А потом сходим к тебе домой, сметем снег с крыши, иначе провалится крыша. Ты не бойся, Бежана, пока я жив, твой дом будет стоять. Ну, ты знаешь, Бежана, какая вчера была каланда, кое-кто палил из ружья. У Сидонии Чхаидзе даже пели. У них справляли свадьбу. Сидония вышла за Важа Джибути. Да-да, за того самого Важа, что вернулся с фронта без руки. Мы с тетей были приглашены, но не пошли. Нечем было поздравить молодоженов, да и не очень-то хотелось идти. Сегодня уже новый год, Бежана, сорок третий. Тут вот снег повалил розу. Ничего, сойдет снег, Хатия подставит розовому кусту колышек. И траву расчистит... Да, насчет креста. Я не хотел ставить крест, но бабушка Аквиринэ пристала: как это можно, говорит, могила христианина – без креста!.. Ты не думай, Бежана, это не простой крест. Помнишь наши ворота? Да, из красного дерева. Так вот, я разобрал ворота и велел сбить крест... Ну, теперь мы пойдем, Бежана, к тебе домой, сметем крышу... А завтра я снова приду к тебе...

Мы поправили покосившийся крест на могиле Бежаны и присели тут же на снегу.

– Холодно, – сказал Анатолий.

Я достал из кармана пол-литровую бутылку с водкой и протянул Анатолию. Он отпил несколько глотков и возвратил бутылку мне. Я тоже отпил. Потом мы вскинули на плечи лопаты и направились к Бежаниному дому...

...Над селом уже спускались сумерки, когда мы, продрогшие и проголодавшиеся, возвращались домой. У ворот Лукайи Поцхишвили Анатолий остановился. Дом утопал в снегу почти до самых перил балкона, на крыше снег лежал метровым слоем. Над дверью висела давешняя траурная лента. Скулившая и прыгавшая на балконе собака при нашем появлении с лаем сбежала вниз, но сразу же по живот увязла в снегу и, твякнув ради приличия еще несколько раз, вернулась обратно.

– Зайдем! – предложил Анатолий.

– Зачем?

Анатолий молча направился к воротам, открыл калитку и вошел во двор. Я последовал за ним. Собака снова залаяла. На балкон вышел Лукайя.

– Кто там? – крикнул он, приставив к глазам ладонь козырьком. Я посмотрел на Лукайю и поразился: как быстро и беспощадно сломило горе этого сильного, кряжистого мужчину.

– Это мы, дядя Лукайя! Здравствуй! – ответил я.

– Пожалуйста в дом! Привет Сосойе и Сосоину русскому! Анатолий оглядел прислоненную к дому лестницу и стал взбираться по ней.

– Сосойя, куда он лезет? – забеспокоился Лукайя. – Пригласи человека в комнату!

– Сперва сметем с крыши, дядя Лукайя, – ответил я и тоже полез на лестницу.

– Зачем беспокоитесь, дети, дай бог вам здоровья! Эх, старость не радость. Да еще такая старость, как у меня. Нет больше моих сил. А снегу-то навалило! Еще ночь, и рухнул бы дом! Дай бог вам радости и здоровья! И баба моя совсем скисла. Эй, хозяйка, принимай гостей! – Лукайя открыл дверь. Воспользовавшись этим, собака вмиг шмыгнула в комнату.

Почти час мы сметали снег с крыши. Руки у меня ооченели. Я подобрался к дымовой трубе и протянул руки к вившемуся из нее дыму. Вместе с приятным теплом я почувствовал нечто более соблазнительное.

– Анатолий! – крикнул я. – Поди сюда!

– Ничего, мне не холодно! – ответил он, продолжая лопатой сгребать снег.

– Иди, говорю, сюда! Анатолий нехотя подошел.

– Ну?

– Смотри! – Я взял Анатолия за голову и наклонил ее к самому отверстию трубы. – Чуешь?

Из трубы несло сногшибательным ароматом мчади и ветчины. Спустя несколько минут я, Анатолий и дядя Лукайя сидели за низким столиком у камина и уплетали дымящийся мчади и поджаренную ветчину. Жена Лукайи, тетя Варвара, сидела на тахте и молча смотрела на нас.

Дядя Лукайя разлил в стаканы водку, подал Анатолию.

– Выпей, Сосоин русский, хорошо с мороза!

– Спасибо, не хочу! – Анатолий передал стакан мне.

– Первый раз вижу солдата, не пьющего водку, – удивился Лукайя. – Неси вино, хозяйка!

Тетя Варвара вышла и вскоре вернулась с кувшином. Лукайя разлил вино.

– Тамада из меня никудышный, – сказал он, – не случись со мной этого несчастья, не померкни в моем доме свет и счастье, – знаешь ты, Сосойя, был мой Кукури и тамадой, и надеждой, и кормильцем в доме. А теперь... что ж, видно, такова судьба моя. Благодарю вас, дорогие мои. Да избавит вас бог от всех бед, и да будет ваша жизнь полна радостей и благополучия!

Лукайя поднес стакан ко рту, взглянул на висевший на стене портрет сына и выпил.

С портрета улыбался Кукури, улыбался так весело, так заразительно, что, прочти я хоть сотню похоронных, поверить в его гибель было невозможно.

– Этот, да? – тихо спросил меня Анатолий. Я кивнул. Анатолий молча опорожнил свой стакан и сам налил себе.

– Пей, сынок, пей на здоровье!

– Дядя Лука, будьте здоровы, тетя Варвара, у вас хорошее русское имя, будьте здоровы! – сказал Анатолий и выпил.

– Будьте здоровы! – сказал я и тоже выпил. Анатолий тут же наполнил стаканы.

– погоди, сынок, – остановил его Лукайя. Он капнул из своего стакана на кусок мчади. – Обычно в моем доме первый стакан поднимается за него, – и он взглянул на портрет Кукури.

– Сынок, сынок... – простонала тетя Варвара и поспешно покинула комнату.

– Чтоб не видать в жизни света и счастья моему губителю, – продолжал Лукайя, – чтоб в доме его не переводились траур и слезы... – Из соседней комнаты донеслись глухие рыдания тети Варвары. – Чтоб плакали о нем жена и дети его... За память моего Кукури! – Лукайя выпил и посмотрел на Анатолия. Тот отвел глаза.

– Выпей, Анатолий! – попросил я.

– Будем здоровы! – Анатолий быстро опрокинул стакан.

– Не так, Анатолий, надо выпить за память Кукури! – подсказал я и наполнил его стакан.

– Нет, за его память я пить не стану! – Анатолий отодвинул стакан.

Лукайя изумленно посмотрел на меня.

– Не может больше, – постарался я сгладить неловкость.

– С чего ты взял? – Анатолий выпил, потом снова налил и выпил еще.

– Напился... Ты извини, дядя Лукайя... – Анатолий встал. – Кто я? – спросил он и пошатнулся.

– Анатолий! Неудобно... Садись! – попросил я.

– Сосо, скажи, кто я? – повторил он.

– Как кто? Ты – Анатолий!

– А тогда, в плантации?

– И тогда ты был Анатолием! – улыбнулся я.

– Тогда я был мертвецом. Для кого-то я и теперь мертвец, и потому пьют, наверно, за мою память. Но я не хочу быть мертвецом! Потому что я жив! Никто не хочет быть мертвецом! Дядя Лука, ты уже стар, ты должен помнить мое рождение. Расскажи, прошу тебя, как я появился на свет!.. Вспомни, пожалуйста!

– Что тебе сказать, сынок, – растерялся Лукайя, – я, конечно, старик, но... ты родился в России... Не могу я помнить...

– Родился, верно! А мой дом сожгли! Всех угнали в Германию! Мы бежали... Не было выхода... Дядя Лука, жив я или нет? – Анатолий ударил себя кулаком в грудь.

– Жив, сынок, конечно же, жив! Дай бог тебе долгих лет жизни!

– А для родителей своих? Для них я покойник... Плачет по мне моя мать или нет?

– Да уж не смеется, конечно.

– Но я ведь жив? Зачем оплакивать меня? Справка? Да что справка! Справка – бумажка!.. Бумага не может убить человека! Человек гибнет от пули. Покажи-ка мне пулю, которая убила твоего Кукури! Где она, эта пуля, дядя Лука?! Нет ее!.. А почему ты не хочешь поверить, что твой сын, так же, как я, где-то там, в русском селе... Раненый... Не может быть этого? Может! Все может быть! Да ты... ты не любишь своего сына, вот что я тебе скажу, дядя Лука! – Анатолий махнул рукой.

– Садись, Анатолий! – снова попросил я.

– Сними ту черную ленту! – вдруг сказал Анатолий.

– С ума он сошел! – подскочил Лукайя.

– Сними! – повторил Анатолий. – Сними! Получил бумажку и похоронил сына? Как ты мог так легко примириться со смертью своего Кукури?! Не любишь ты его! Справку, говоришь, получил? А я тебе дам сто справок, что он жив!

– С ума он сведет меня! – проговорил дядя Лукайя, глотая слезы.

– Сто справок, слышишь, дам тебе, сто справок, что твой сын жив и невредим! И не стыдно тебе? А еще старый человек! Бумажке веришь, а мне не веришь? Сними! – Анатолий сел.

Лукайя налил еще. Рука у него дрожала, половина вина разлилась на стол.

– Сосойя, – обратился он ко мне с мольбой в голосе, – скажи, что мне делать?

– Прав он, дядя Лукайя, сними!

– Опозорюсь на все село!

– А если он вернется? Вот тогда действительно опозоришься! – сказал я и вдруг понял, что все мы пьяны и больше всех – я. Со стены все так же улыбался Кукури, и никто не убедил бы меня и Анатолия в том, что его нет в живых. Я встал и, шатаясь, пошел к стене, но добраться до нее так и не сумел. Я присел на тахту. Комната закружилась, на стене вместо одного появились два, три, четыре, сто портретов, и теперь нам улыбались сто Кукури.

– Здравствуй, Кукури! – сказал я.

Дядя Лукайя вздрогнул, обхватил голову руками, уткнулся ими в колени и так и застыл.

Комната продолжала крутиться, стол повалился набок, а камин кувыркнулся так, что я испугался, как бы на меня не посыпались угли. Но камин продолжал мирно гудеть и светиться неярким светом.

Потом все успокоилось, улеглось по своим местам. Я зажмурился, а когда вновь открыл глаза, понял, что приступ опьянения прошел.

Потом я помню, как встал дядя Лукайя, как он направился к двери, как из соседней комнаты вышла тетя Варвара, под села ко мне и положила на колени две чурчелы и как я поцеловал ее в морщинистую щеку. Потом вернулся дядя Лукайя со свернутой черной лентой в руке. Он подошел к камину, опустился на колени, с минуту колебался и вдруг бросил сверток в огонь. В комнате вдруг потемнело. Прошла секунда, другая, третья, сверток постепенно стал воспламеняться, потом вспыхнул, озарив комнату. Я увидел, как улыбался Анатолий, как текли слезы по щекам тети Варвары и как дрожали руки у дяди Лукайи.

...Мы вернулись домой поздно. Тетя сидела у камина, читала книгу. Я и Анатолий были с ног до головы в снегу, однако холода не чувствовали – выпитое вино все еще согревало нас. Увидев нас, тетя отложила книгу, подбросила в огонь дрова и поставила перед камином два треногих стульчика.

– Идите к огню! – позвала она.

Шатаясь, я подошел к камину, опустился прямо на пол и положил голову на колени тети.

– Что с тобой? – спросила она.

– Я пьян, тетя!

– Где вы были? Анатолий тоже пьян, тетя!

Анатолий, хватаясь за стену, кое-как добрался до камина, плюхнулся на стульчик, взял руку тети и погладил ее. Тетя осторожно высвободила руку и посмотрела на меня.

– Он пьян, тетя!

Анатолий опять взял руку тети, но я не обратил на это внимания. Меня разморило от тепла и захотелось петь.

– Ложись-ка лучше спать, завтра тебе в школу! – сказала тетя.

Дранные ботинки,

Рваное пальтишко,

В школу мне не хочется —

Вольный я мальчишка! —

пропел я в ответ и закрыл глаза.

– Мария, моя Мария... – донесся до меня сквозь дрему голос Анатолия. Я приподнял голову.

Анатолий нежно гладил тетю по волосам и приговаривал:

– Ты прости меня, Мария... Добрая моя, милая Мария... Отыскал-таки тебя... Мария моя... А где девочка? У мамы?.. Слава богу, конец всему... Конец скитаниям... Теперь мы всю жизнь

будем вместе... А нашего села больше нет, Мария. Сожгли его немцы. Дотла. Никого там не осталось. Ни живой души... Где ты была, Мария? Измучилась, бедная моя. Как девочка и мама? Теперь все! Конец нашим мукам...

Тетя осторожно отвела руку Анатолия.

– Меня зовут Кетеван, – сказала она тихо.

– Нет, ты – Мария. Такая добрая, такая красивая. Скажи, ты ведь Мария?

– Я – Кетеван...

Анатолий долго и пристально всматривался в тетю, потом снова начал:

– Я уйду. Я уже могу ходить и воевать могу. Я дойду до края света, а тебя найду, Мария...

Он закрыл лицо руками и заплакал.

Я и тетя кое-как уложили Анатолия. Он скоро успокоился и заснул.

Я лежу с открытыми глазами и думаю. Хмель выветрился из головы. Сон не идет.

– Тетя! – зову я. Тетя молчит.

– Тетя, не спится мне...

– Засни, Сосойя...

– Тетя, кто такая Мария?

– Не знаю. Наверно, жена...

– Она что, пропала?

– Наверно...

– А он найдет ее?

– Не знаю...

– Он сказал: дойду до края света, а найду...

– Дай бог!..

– Тетя, уйдет Анатолий?

– Уйдет, обязательно уйдет...

Я понял, что расспрашивать дальше тетю не следовало, поэтому перевернулся на бок и уставился в затухающий камин. Он напоминал ночное небо, на котором сквозь тучи кое-где проглядывали звезды. Пепел постепенно обволакивал тлеющие угольки, и они гасли один за другим. Глаза начали смыкаться, и я уснул, не видя, как в камине угасла последняя звезда...

БЕГЛАРОВА МЕЛЬНИЦА

Если вам не доводилось ночевать в Бегларовой мельнице, болтать и сплетничать с Бегларом до утра, есть выпеченную им в золе соленую кукурузную лепешку, потом мучиться во сне от жажды, вскакивать чуть свет, припадать к мельничному желобу и с наслаждением пить супсинскую воду – не говорите, что вы бывали в деревне!

Я не знаю, могло бы существовать наше село без Беглара и его мельницы! Здесь не найдется человека, который поговорил бы с вами пять минут и не упомянул бы хоть раз Бегларову мельницу.

Повстречался вам сосед, поздоровался с вами, угостили вы его табачком, а табак домашний, нарезан крупно. Сосед тотчас же:

– Ты что, у Беглара табак молот, что ли? Рассказали вы соседу какую-то новость, да получился ваш рассказ бессвязным, путаным. Сосед – без обиняков:

– Что ты мелешь, словно Бегларова мельница! Говори толком!

Кашель и тот у нас связывают с Бегларом:

– Раскашлялся, как Бегларов пес!

А пес у Беглара действительно мастер кашлять. И не удивительно, ничем иным, как заплесневелыми отрубями, Беглар несчастную собаку не кормит.

Вся жизнь Беглара связана с мельницей. Она ему заменяет дом, жену, детей, родственников. Мельница, разумеется, колхозная, и избран Беглар мельником общим собранием колхозников, но вряд ли осмелится кто-либо из председателей даже заикнуться об освобождении Беглара от этой должности. Почему? Да потому, что никто во всем 'селе не

захочет занять место Беглара. Знает об этом Беглар, знают об этом нынешний и будущие председатели нашего колхоза, и потому мельница, хоть она, конечно, колхозная, называлась и называется Бегларовой.

Беглар живет в своей мельнице, спит на огромном мучном ларе, изголовьем ему служит мешок, набитый сухими листьями кукурузы. Над ларем висит кремневая одностволка, которую Беглар почему-то называет Зауэром. На стене красуется вырезанный из какого-то журнала портрет Мичурина. Если спросить Беглара, кто этот старик, он ответит с неподдельным удивлением:

– Как, ты не знаешь Мичурина? Это ведь тот человек, который в Сибири вырастил мандарины и виноград!

С началом войны тематика художественной галереи Беглара изменилась. Лучшие места в ней заняли военные деятели: на первом месте Чапаев, на втором – Буденный, затем – Тимошенко, Суворов, Петр Багратион и, наконец, Киквидзе.

Беглар имеет также собственную библиотеку. На специальной деревянной полочке в заведенном раз и навсегда порядке лежат «Витязь в тигровой шкуре», Евангелие, горшок для лобии, кувшинчик с водкой и «Женщина и социализм» Бебеля.

Беглар всегда искренне рад моему приходу. Всеми правдами и неправдами он отводит мне последнее место в очереди. Я не возражаю, потому что беседа с Бегларом доставляет мне не меньшее удовольствие. И вот сидим мы до утра у горящего очага и решаем дела мирового масштаба: формируем и распускаем правительства, строим дворцы, разрушаем замки, арестовываем генералов, выигрываем битвы, отступаем, вновь наступаем, критикуем новые направления в современном искусстве. Попутно мы печем в золе кукурузные лепешки, едим, курим и обмениваемся любезностями.

– Погоди, Сосойя! Вот ты доказываешь, что война продлится еще несколько лет. Какие у тебя к тому основания? – спрашивает Беглар, засыпая в сусек очередную партию кукурузы.

– Захватил Гитлер нашу территорию? Захватил! Должны мы отнять у него эти земли? Должны! Потребуется для этого время?

– Потребуется!

– Ну вот! Чтобы изгнать немцев с нашей территории, нужно не меньше двух лет!

– Значит, по-твоему, войну мы выиграем?

– Конечно!

– Решено, значит?

– Безусловно!

– Хорошо... Вот перешли мы в наступление, а Гитлер не отступает! Что ты прикажешь делать?

– Отступит!

– Не хочет отступить!

– Заставим!

– Хорошо... Отступил он... А летом собрался с, силами и вновь пошел на нас! Что тогда?

– Не пойдет!

– Допустим, пошел!

– Не посмеет!

– Ну а если посмеет?

– Слушай, ты за кого? За меня или за Гитлера?

– За тебя, болван, за тебя! Но ты как думаешь: Гитлер – доходяга вроде меня, что ли?

– Хуже тебя!

– Сосойя, ты не очень-то того... Не заговаривайся! Вот ткну тебя головой в кадку, будешь знать, как честного человека с Гитлером сравнивать!

– Ладно, извини. Так вот смотри сюда!..– Я провожу палочкой линию в слое золы. – Я – Советский Союз, ты – Германия. Я стою здесь, ты – здесь. Сейчас зима. Я привык к зиме, одет тепло, сыт, а главное – я у себя дома!

– Хорошо. Согласен...

– А ты что? Ты раздет и разут, мерзнешь, а главное: ты в чужом доме, и хозяева дома тебя бьют – один по лицу, другой по заду.

– Это кто же бьет меня по заду?

– Партизаны!

– Хорошо. Согласен. Пусть бьют.

– Ну и что тебе остается делать?

– Да... ничего, пожалуй. Должен уносить ноги!..

– Вот тебе и все мои доводы! Раздался кашель Бегларовой собаки.

– Чтоб тебе сдохнуть!

Беглар встал, открыл дверь. В мельницу вошли бабушка Аквиринэ, Матрена и Федосия. Они поздоровались с нами, сложили мешки с кукурузой и уселись у огня. Беглар запустил второе колесо, засыпал кукурузу Аквиринэ и вернулся на место.

– Присмотрите сами за своей кукурузой, бабы, некогда мне! Беглар взял у меня палочку и провел другую линию.

– Хорошо, Сосойя, отступил я и дошел до старой границы. Вот она! – показал он на новую линию. – Что ты тогда сделаешь?

Я не нашелся что ответить.

– Вот, скажем, я, Гитлер, дошел до старой границы и стал. Как ты поступишь?

– С ума вы, что ли, походили? – прикрикнула на нас Аквиринэ.

– Не мешай! – огрызнулся Беглар.

– Как я поступлю? А очень просто: нажму на тебя! – решил я.

– Хорошо. Но я, будучи Гитлером, скажу тебе: «На, брат, бери свою землю, я возьму свою, и разойдемся с миром. Хватит проливать кровь!»

– Нет, дорогой мой, я все равно буду нажимать! – заупрямился я. – «До каких пор!» – испугается Гитлер. «До конца, подлец, до Берлина!» – «А что потом?» – «А потом я арестую тебя, твоих генералов, твое правительство, и вы поплатитесь за все зло, которое причинили нам!» – «А как Англия и Америка? Дадут они меня в обиду?» – «Не дадут, так и они получат по носу!» – «Смотри, Сосойя, как бы ты не хватил лишнего!» – «Ничего, за себя отвечаю я!..»

– Когда же ты заканчиваешь войну, сынок? – спросила с улыбкой Матрена.

– В сорок пятом!

– Нельзя ли ускорить немного? – попросила Федосия.

– Не получается! – вздохнул Беглар. – Вот мы судили-рядили, всю золу тут перерыли, не получается раньше сорок пятого!

– Эх вы, бездельники! – покачала головой Аквиринэ. – Допустим, Сосойя – дите зеленое, но ты-то, старый дурень! Что за чепуху ты порешь? «Я Гитлер!..» Обалдел совсем, да?

– Ничего себе «дите»! – усмехнулся Беглар. – Он тут такие планы развернул, что Гитлер, будь у него в голове мозги, уже сейчас должен сам лезть в петлю!

Наступила моя очередь. Я развязал мешок, подтащил его поближе к сусеку, подождал, пока смололась последняя горсть кукурузы, и засыпал в воронку свое зерно.

Жернов вращался медленно – воды в желобе было мало. Ждать, пока смелется моя кукуруза, не имело смысла.

– Беглар, я посплю немного. Бабушка Аквиринэ, посмотри, пожалуйста, чтобы он не содрал с меня минди больше положенного. Знаешь ведь Беглара, ему нельзя доверять...

– Язва ты этакая! погоди, попляшешь ты у меня!

– Ты что, Беглар, шуток не понимаешь? Я знаю, с меня ты вообще не возьмешь минди!

– Это еще почему?

– Как же! Мы только что вместе выиграли войну! Что тебе стоит обслужить меня бесплатно!

– Дудки! Политика политикой, а кукуруза кукурузой! Это, брат, государственное дело!.. Минди я беру не для себя – для государства, так что ты не толкай меня на преступление! Тебе уступить – чем они хуже тебя? Прав я, женщины?

Те закивали головами. Беглар занялся своими мельничными делами. Я подтащил к огню припасенную Бегларом для таких случаев широкую доску, положил в изголовье чей-то мешок с кукурузой и улегся.

...Гудит мельница, поет на разные и все же однообразные голоса... Над жерновами, на полке выстроились в ряд мешки с помолом. О многом рассказывают они мне: о событиях на селе, о новостях в жизни моих соседей, об урожае, о войне... Вот стоит большой, наполненный до самого верха мешок с кукурузой. Донести до мельницы его не могли ни ребенок, ни женщина. Он наверняка принадлежит мужчине, причем сильному мужчине. Кому же? Ну конечно, Макару! У него и силенок достаточно, и кукурузы вдоволь. И не спешит Макар с помолом, потому и не ночует здесь. Заберет муку завтра или даже послезавтра... А вон махонький, синий в горошинку, ситцевый мешочек. Сколько в нем кукурузы? Фунтов десять, не больше. Мужчина не стал бы тащиться на мельницу из-за такого пустяка. Значит, принес его ребенок. Среди полновесных мешков этот крохотный мешочек напоминает куклу в синем платице. А-а-а, вспомнил, точно такой, синий в горошинку, ситцевый халат видел я летом на сынишке Ладико – Датуне. Конечно, мешочек принес Датун! Понятно и то, почему он не ночует на мельнице: кукурузы-то в мешочке всего на две-три выпечки... Какая разница, когда их съешь, сегодня или завтра? Лучше уж продлить это приятное ожидание на день... Мешки, мешочки – большие, малые, целые, залатанные, заполненные до отказа и наполовину, – они рассказывают о себе, о своих хозяевах, и я знаю, который из них кому принадлежит, когда за которым придут и когда еще их принесут на Бегларову мельницу...

Глаза мои слипаются. Я уже в сладком полусне. А мельница гудит, поет на разные и все же однообразные голоса. Поет о чем-то своем, неповторимом. Так умеют петь только мельницы. Поезда тоже поют, но иначе. Их песня – шумная. Мельница гудит вовсю, но все же тишина здесь такая, что слышишь, как в углу скребется мышь, как где-то далеко лает собака, а в камышах жалобно воет шакал. А вот возни Беглара в мельнице не слышно! Переверни он здесь все с ног до головы, ты и не заметишь этого, потому что сам Беглар – часть мельницы, неотъемлемая ее часть. Он поет вместе с мельницей, и мельница не может петь без Беглара... Сквозь сон я вижу, как Беглар выбирает меркой кукурузу из моего мешка и ставит мерку на пол, как он украдкой оглядывается на женщин, потом на меня и, убедившись, что ни женщины, ни я не замечаем его манипуляций, засыпает кукурузу обратно в мой мешок. Я вижу это, но если б даже я спал мертвым сном и не видел бы ничего, я знаю, что Беглар не возьмет ни грамма кукурузы ни из моего мешка, ни из мешков дремлющих у огня женщин, ни из того крохотного, синего в горошинку, мешочка. Потому и пустует частенько «казенный» ларь в Бегларовой мельнице и потому любит Беглара все наше село.

Я тоже очень люблю моего Беглара, и, согретый этим чувством, я засыпаю...

Я проснулся от злобного лая собаки. Кто-то изо всех сил стучался в дверь. Я встал. Кряхтя и ворча, Беглар подошел к двери и откинул засов. Дверь со скрипом распахнулась, и в мельницу вступил высокий, покрытый снегом мужчина с мешком на плече. Беглар попятился назад, женщины повскакивали. У меня что-то застряло в горле, я весь похолодел: перед нами стоял бригадир Датико.

– Здравствуйте, чего вы переполошились? – Он сбросил мешок на пол и протянул к огню озябшие руки.

Мы молчали. Я не видел Датико с того страшного дня. Он не показывался нигде. Теперь, увидев его, я онемел от удивления, ненависти, страха и возмущения. Во рту у меня пересохло, язык прилип к небу, колени задрожали, и, чтобы не упасть, я сел.

Датико снял с плеча ружье, поставил его в углу, стряхнул с одежды снег и сел рядом со мной. Я отодвинулся.

– Не чумной я, чего ты боишься? – сказал Датико недовольно.

Я не ответил. Беглар и женщины продолжали стоять и молчать, не отрывая глаз от Датико.

– Вы что, человека не видели? – обратился Датико к ним.

– Почему же, человека мы видели... – ответил Беглар и присел на ларь. Женщины сбились в углу.

– Давненько у нас не бывало такой зимы... Народится кукуруза – дай бог! – нарушил Датико неловкое молчание и стал скручивать сигарку.

– Тем более у тебя... – вставила Аквиринэ.
– Смеешься, старая?
– Зачем мне смеяться? Ты, эвон, приволок два пуда кукурузы, а мне этой горсти муки должно хватить до нового урожая!..
– Ну, знаешь! Я тебя не грабил, ничего у тебя не отбирал..
– Не знаю... Человека ты убил, теперь, наверно, начнешь грабить людей..
– Будь ты мужчиной, заставил бы я тебя проглотить твой ядовитый язык! – Датико сильной затыжкой ополовинил сигарку.
– Будь я мужчиной, показала бы я тебе, что такое кровь и как надо резать людей, выродок ты этакий! – ответила Ак-виринэ и плюнула в огонь.
Датико побледнел, но ничего старушке не ответил.
– Спешу я очень, – обратился он к Беглару, – после этого, – он показал на жернов, где молотась моя кукуруза, – засыпь мою.
– Теперь очередь Макара.
– Макар подождет!
– Он придет на рассвете..
– Ничего, подождет, а я спешу!
Беглар смолчал. Датико поднял свой мешок, подтащил его к жернову.
– Давно я не ел твоих лепешек, Беглар! – улыбнулся Датико Беглару.
– Может, еще прикажешь подать тебе жареного поросенка?
Датико обмер.
– Беглар, не растравляйте меня... Взял я грех на душу, теперь мне уже нечего терять... – сказал он и бросил взгляд на свою винтовку. Беглар придвинулся к своей кремневке. Тогда Датико подошел к стене, снял кремневку, подбросил ее в воздух, схватил за ствол и со всего размаху ударил прикладом об землю. Потом открыл дверь, забросил ствол в снег, а приклад швырнул в огонь.
Беглар не сдвинулся с места, лишь проглотил слюну. Датико взял свою винтовку и уселся у огня.
– Видал? – показал он Беглару на начавший дымить приклад.
– Чтоб тебя увидела смерть, и чтоб не было тебе в жизни счастья и радости, и чтоб сгнили в земле твои кости, как гниют кости моего мальчика! Чтоб оплакали тебя и надели траур по тебе твои родные! – сказала Матрена, и губы у нее задрожали.
– Да кто станет оплакивать его? Кто наденет траур по нем? – добавила Федосия.
– Федосия, не выводи меня из терпения... Теперь я зверь! Остерегайтесь меня! – привстал Датико.
– Чтоб ты пропал и исчез, чтоб не приняла тебя земля! Душегуб! Ты еще грозишься! Что со мной может стать хуже того, что уже стало? Изверг ты! Убийца!
– Не я убил ваших сыновей... Будь они поумнее, ходили бы сейчас живыми и невредимыми, вроде меня!
– Что?! Что ты говоришь?! Да им... Да они... Они и сейчас, мертвые, живее тебя, падаль ты этакая! Как ты смеешь даже заикаться о наших мальчиках?! – Матрена хотела сказать еще что-то, но подступившие рыдания не дали ей договорить. Она закрыла лицо руками.
Моя кукуруза сошла вся. Жернова загрохотали громче. Датико стал развязывать свой мешок.
– Теперь очередь Макара, – сказал тихо Беглар. Датико продолжал развязывать мешок.
– Теперь очередь Макара, – повторил Беглар.
– Подождет Макар!
– Нет. Его очередь!
– Подождет!
– Нет. Его очередь!
– Подождет!

– Его очередь! – Беглар вплотную подошел к Датико.

– Подождет; говорю, Макар! – Датико оттолкнул Беглара и стал засыпать в сусек кукурузу. Беглар налетел на ларь, выпрямился, долго пристально смотрел на Датико, потом присел к огню.

Я стал заполнять мукой свой мешок, искоса поглядывая на Беглара. Вдруг он встал и, не сказав ни слова, вышел из мельницы. Датико, схватив винтовку, вышел вслед за ним, но скоро вернулся.

– Гм, обиделся на меня... Наступило молчание.

– Позови его, Сосойя, – сказал Датико. – Ничего я ему не сделаю... Простудится еще!

Я, не ответил ему и не сдвинулся с места. Датико взорвался.

– Ты что, не слышишь?! Сопляк! Тебя еще не хватало!

Я продолжал молча заполнять мешок мукой. Прошла минута, другая, третья. И вдруг вода в желобах мельницы умолкла. Жалобно взвизгнув, стали жернова. Наступила непривычная тишина.

Датико растерялся. Он вопросительно взглянул на меня, потом на дверь. Он стоял, нагнувшись над мешком, и не знал, что делать. Дверь открылась, и появился мокрый по пояс Беглар с металлическим беркетом в руке. Он весь посинел и дрожал, губы его выбивали дробь.

– Что... Что ты сделал? – спросил Датико.

– Иди своей дорогой, Датико... Пока я жив, не видать тебе муки из моей мельницы... Я разбил желоб. Хочешь, убей меня! Пожалуйста, я здесь... А потом можешь поправить желоб и молоть, сколько тебе угодно...

Датико долго, очень долго молчал, не сводя глаз с Беглара. Потом подобрал свой пустой мешок, повертел его в руках, бросил на пол, повернулся и направился к двери. В дверях он остановился, немного постоял с опущенной головой и, не оглядываясь, вышел...

Я видел, как он пошел по заснеженному полю, как пересек его, как стал взбираться по склону Концхоулы и как постепенно исчезло темное пятно на белоснежном фоне горы.

– Извините меня, женщины, осталась ваша кукуруза несмолотой... – неловко улыбнулся Беглар.

– Беглар, накорми меня своими лепешками, проголодался! – сказал я и поцеловал Беглара в озябший нос.

– Дай отогреться, сукин сын! – проворчал Беглар, потер рукой нос и сел у огня.

ЦУЦА

– Здравствуй, Бежана! Да, это я. Ты, наверно, думаешь, что я забыл тебя. Нет, дорогой, просто у меня не остается времени поболтать с тобой. Дома, по хозяйству, уйма дел. И в колхозе надо поработать. А уроки? Их ведь тоже надо готовить. Что? Пятерки? Какие там пятерки, Бежана! Дай бог вытянуть на тройки! Школу-то как-никак надо кончать, не ходи же мне всю жизнь босоногим оборванцем! Дома? Дома все живы-здоровы. А наш русский ушел, Бежана! Вот так, встал в одно прекрасное утро и ушел. На фронт, конечно! А как он заставил Лукайю снять траурную ленту, я тебе не рассказывал? Да, заставил! А потом и остальные снимали эти проклятые черные ленты. Теперь все только и живут надеждой, что рано или поздно возвратятся их пропавшие сыновья и мужья... А сам он пропал, наш русский, Бежана! Ни письма, ни весточки от него. Когда мы провожали его, тетя все шутила, смеялась. А ночью проснулся я, и что ты думаешь? Плакала тетя, Бежана! Да, плакала. Как, по-твоему, любила она его? Я думаю, любила!

На дворе уже весна, Бежана! Вот-вот лопнут почки на твоей розе. Что я делаю? Да вот сколачиваю скамейку. Сядем я и Хатия на скамеечке и будем делиться с тобой новостями...

Дела на фронтах идут хорошо. Остановили мы немца, Бежана! Ей-богу! И даже гоним обратно помаленьку! Да! Но знаешь, трудно все же приходится нашим. Вернувшиеся с фронта ребята рассказывают: наши готовятся к крупному наступлению. А для наступления, сам понимаешь, нужно людей втрое больше. Да потому! Враг – что? Он сидит в окопе и целится в тебя. А ты бежишь, неприкрытый, прямо на него. А он из окопа стреляет в тебя. Вот то-то и оно! Если его выкурить из окопа, потом уже станет легче. Теперь он удирает, а

ты бежишь за ним и стреляешь! Так вот, ребята говорят, скоро наши погонят их всюю! Так что ты не волнуйся, все будет хорошо, Бежана!..

– Здравствуй, Сосо!

Я вздрогнул и оглянулся. Передо мной стояла Цуца. Цуца, соседская дочь, была замужем за парнем из другой деревни. Я хорошо помню день ее свадьбы. Ох и палили подвыпившие дружки! Скакали и гарцевали на конях, как сумасшедшие! Снесли половину плетней на селе. Цуцина мать даже разрыдалась – за кого, мол, выдаю свою единственную! Потом умоляла зятя оберегать молодую жену как зеницу ока... А после свадьбы просила восседавшую на белом коне дочь не забывать родной дом, почаще навещаться к матери...

Вот и вернулась Цуца к матери навсегда. Спустя месяц после свадьбы началась война, а еще через месяц Цуца получила похоронную.

Теперь она стояла передо мной – сильная, красивая, полногрудая, упершись рукой в бедро и улыбаясь пунцовыми губами.

– Здравствуй, Цуца!

Я забил последний гвоздь, положил топор и присел на скамейку.

– Смотрю я на тебя целый час. С кем ты тут разговаривал? Цуца села рядом со мной.

– Да так... Сам с собой, – сказал я и отодвинулся.

– О чем ты разговаривал с собой?

– Так... Спросил о чем-то.

– И что он ответил? – рассмеялась Цуца.

– Ничего... Не знаю, говорит.

– А ты спроси меня, Сосойя, я знаю все, – сказала Цуца и погладила меня по голове.

Я не ответил ей. Цуца провела ладонью вниз по моей щеке, потом – тыльной ее стороной – вверх.

– Вырос ты, Сосойя, борода уже растет...

– Да-а-а... Пух один, – пробормотал я и почувствовал, что краснею.

– И усы вот растут, – Цуца погладила указательным пальцем мою верхнюю губу.

– Да-а... Тоже пух, – сказал я и быстро встал, испугавшись, как бы Цуца не услышала биение моего сердца. Цуца смотрела на меня своими большими красивыми глазами, и я был уверен, что она слышит, как стучит мое сердце.

– Ты уходишь, Сосойя? – спросила Цуца и тоже встала.

– Пойду, пожалуй, поздно уже... А ты куда шла, Цуца?

– Я за листьями шкери... – Цуца показала на корзину. – Может, пойдешь со мной? У тебя, кстати, топор. – Я заколебался. – А то стемнеет, могу и испугаться одна! – добавила она.

– Ладно уж, пойдем, только ненадолго. – Я взял корзину. Тропинкой мы сбегали по склону кладбища и стали подниматься на покрытый густым кустарником пригорок.

Я выбрал куст шкери покрупнее и в два счета начисто обстриг его. Цуца присела под кустом, я – рядом с ней. За далекой горой медленно спускался огромный медный диск солнца. Он напомнил мне выпеченный на кеци дымящийся мчади, и я пожалел, что этот исполинский мчади опустится где-то в другом месте. Впрочем, сейчас, ранней, голодной весной, все круглое: и мельничный жернов, и точильный камень, и солнце, и луна – все мне напоминало мчади. Этим сходством больше всех обладала луна – то полная, то ущербная, она выглядела совсем как мчади, то целый, только что снятый с раскаленного кеци, то уже съеденный наполовину. И потому, наверно, наши голодные собаки все ночи напролет яростно лаяли на луну...

Цуца не спеша срывала с веток листья и аккуратно складывала их в корзину. Чтобы ускорить дело, я взял одну ветку и стал очищать ее от листьев.

– А я ведь знаю, с кем ты там разговаривал. С Бежаной, – сказала Цуца.

– Да, Цуца, с Бежаной, – признался я.

– И часто ты ходишь на кладбище?

– Часто.

- Бежана очень тебя любил...
- И я его очень любил.
- Тебя все любят.
- Да-а-а...
- Я знаю, любят.
- И ты тоже? – вырвалось у меня. Цуца смутилась.
- Почему ты не ходишь к нам, Сосойя? Ты бываешь у всех, всем помогаешь...
- Приду и к вам.
- Когда?
- А когда мне прийти?
- Когда захочешь.
- Хорошо...
- А почему эта девчонка бегает за тобой?
- Кто, Хатия?
- Да, Хатия.
- Почему бегаешь? Я вожу ее в школу... И потом, ей приятно бывать со мной.
- А тебе?
- Мне тоже.
- Она любит тебя?
- По-моему, любит.
- Как она любит тебя, Сосойя?
- Ну как?.. Как все...
- А ты любишь ее?
- Очень!
- И не боишься?
- Чего мне бояться, Цуца?

Цуца не ответила. Я положил листья в корзину и случайно прикоснулся рукой к руке Цуцы. Она не убрала ее.

- А тебя никто не любит, Цуца?
- Не знаю... По крайней мере, никто в этом не признается.
- Не может быть!

– Нет, Сосойя, никто меня не любит, никто! – Цуца придвинулась ко мне. Я почувствовал себя неловко. – А ты любишь меня, Сосойя? – спросила вдруг Цуца и взяла в свои руки мою руку.

– Я? Не знаю...

– Эх, ничего ты не знаешь, Сосойя! Ты знаешь, что такое женщина? Женщина, которая лишилась мужа на первом же месяце замужества? Ты знаешь, что такое овдовевшая в моем возрасте женщина?

Цуца тяжело дышала. Я приподнялся, но Цуца удержала меня.

– Сосо, ты умный парень, ты поймешь меня... Ты не станешь смеяться надо мной?.. Слышишь?.. Пожалей меня, Сосойя! Никто меня не любит! Одна я, понимаешь, одна! – Цуца обняла меня... Не знаю, почему я это сделал, я тоже обнял ее и припал губами к ее груди, шее, губам... Цуца закрыла глаза... – Сосойя, мой Сосойя, хороший мой мальчик... Ты поймешь меня, ты не будешь смеяться надо мной... Или же возьми свой топор и убей меня... Сосойя... – шептала она, и я ощущал дрожь ее горячего тела.

Цуца в изнеможении опрокинулась на траву.

– Сосойя, дорогой мой, скажи, что любишь меня! Делай со мной, что хочешь, режь меня, души меня, но только скажи, скажи, что любишь! – шептали ее дрожащие губы.

Я нагнулся к Цуце, обнял ее, раскрыл для поцелуя губы, и вдруг мною овладел страх. Я испугался так же, как и тогда, в первый день войны, при виде онемевшего народа, как при

первом известии о гибели, пришедшем в наше село, как при виде окровавленного Бежаны. Я испугался, как боятся люди собственной смерти. Я вскочил, отпрянул назад, зацепился за куст, упал, снова вскочил и, не оглядываясь, побежал. Я мчался, не разбирая дороги, продираясь сквозь колючие кусты, бежал по полям, виноградникам, перемахивал через плетни... С трудом переводя дыхание, я ворвался во двор Виссариона Шаликашвили, взлетел на балкон и ткнулся головой в колени мирно сидевшей на лавке Хатии.

– Что с тобой, Сосойя, что случилось? – испугалась Хатия.

– Хатия, я люблю тебя! – выпалил я и заплакал.

– Из-за этого ты мчался сюда? Я тоже люблю тебя и все тебя любят! Может, сказал кто-нибудь, что не любит тебя, и поэтому ты плачешь?

– Дура ты, тупица, ничего ты не понимаешь!

– Скажи наконец, что произошло?

– Ничего, Хатия, я был на кладбище и испугался.

– И не стыдно тебе?

– Стыдно...

– Не надо было тебе ходить без меня, Сосойя! – сказала Хатия.

– Не надо было мне ходить без тебя, Хатия! – сказал я.

И опять я лежу в постели и гляжу в потолок. Весна. Мы уже не топим камин, смотреть в комнате не на что – мигающая лампа да дощатый потолок... На потолке что-то ползет – то ли муха, то ли жук какой-то. Скорее всего, сверчок. Он то скрывается в щели, то появляется снова. Сверчок не спит. Почему? Кто его знает! Может, он ищет, кому еще не спится этой тихой весенней ночью? Вот он опять исчез в щели. Надолго. Видно, нашел-таки кого-то и делится с ним своими думами. А может, и никого он не нашел, а просто заснул. Может, и не заснул, а лежит вроде меня с открытыми глазами и думает о чем-то своем. Кто его знает?

Я слышу мерное дыхание тети.

– Тетя, спишь?

Она не отвечает. Спит, конечно. Но я все же начинаю беседовать с ней.

– Три года уже длится война, тетя... Сколько в нашем селе осталось женщин без мужей! Многие из них вышли замуж перед самой войной... Что им теперь делать, тетя? Ждать? Да, знаю, мужей надо ждать... А тем, мужья которых погибли, им как быть? Не знаешь? А я знаю. Жаль, тетя, этих женщин! Те, у которых погибли мужья, должны выйти замуж. Ты знаешь Цуцу? Она совсем еще молодая, здоровая, красивая. А муж у нее погиб. Как же теперь? Что ей делать? А ведь жалко Цуцу, тетя, очень жалко, ну просто плакать хочется!.. Что, всех жалко? Права ты! И тебя тоже жалко! Ты думаешь, я ничего не соображаю? Нет, тетя, я теперь большой, я все понимаю. Я знаю, ты не выходишь замуж из-за меня! Да, все так говорят – мол, Кето пожертвовала собой ради единственного племянника. Не надо так, тетя! Я уже большой, я сам присмотрю за собой, а ты выходи замуж! Ты не бойся, я всегда буду по-прежнему любить тебя! Ты должна иметь собственных детей! Выходи, тетя, замуж! И пусть Цуца тоже выходит замуж! Все, у кого нет мужей и детей, должны выйти замуж! Жалко их! И тебя жалко, тетя!

– Слушай, Сосойя, ты заснешь наконец или нет? Где ты так налился, бездельник? – прерывает тетя мой монолог.

– Тетя, ты разве не спишь? – мне стыдно, и я укрываюсь одеялом.

– Спи, спи, Сосойя!

Хорошо бы заснуть, но сон не идет!..

ТРИУМФАЛЬНЫЙ МАРШ

Каюсь: преподавателя военного дела мы изводили, как никого другого из наших учителей. Но полюбили его больше всех остальных педагогов. Поэтому нашей радости не было границ, когда его назначили к нам классным наставником. Теперь он обходился с нами, словно с родными детьми, – кричал, орал на нас, иногда даже угощал оплеухами. И в то же время он до хрипоты спорил и бушевал на заседаниях педсовета, когда обсуждался вопрос о наказании кого-либо из нас.

Не было случая, чтобы Гуриелидзе вызвал в школу родителя провинившегося ученика.

– Здесь я ваш родитель! Или перестреляю всех вас, бездельников, или сделаю из вас людей! – кричал он и колотил по столу кулаками так, что потом целую неделю не мог двинуть рукой.

Мы обожали уроки военного дела. Гуриелидзе проводил их на берегу Супсы. Он разбивал класс на два вражеских лагеря – наших и фашистов, из девчонок формировал отряд санитарок, себя назначал начальником объединенного штаба обоих лагерей, и... начиналась братоубийственная битва. Мы бросались друг на друга, рвали волосы, до крови царапали лица, наставляли синяки, оглашали берега Супсы криками «Сдавайтесь!» и «Ура!». Мне почему-то всегда доставалась должность немецкого главнокомандующего, пост же советского маршала занимал Нодар. Поскольку победу должна была одержать советская сторона, в мою армию определялись самые слабые, малорослые и никчемные ребята, и наоборот, войско Нодара составляли лучшие наши драчуны. Естественно, победителями каждый раз выходили они. Таким образом, все эти годы, до окончания войны, я неизменно выступал в ролях пленного, раненого, шпиона, диверсанта или покойника...

...Сегодня нам опять предстоит смертный бой: первые два урока – военный предмет. После боя все оставшиеся в живых должны идти на чайную плантацию – помочь женщинам. На дворе май. Плантация колыхается молодыми побегами чая. Женщины не успевают собирать их. А запоздать хотя бы на час – флеша перезреет, огрубеет – и тогда пиши пропало! Вот потому и гонят нас на плантацию. Но мы отбываем эту повинность с великим удовольствием: во-первых, нас радует сознание того, что мы тоже помогаем фронту; во-вторых – нам начисляются трудодни; в-третьих... что такое чай? Мы готовы впрячься в плуг и перепахать весь супсинский берег, лишь бы уйти с занятий в школе!..

Итак, рядами по два мы шагаем по направлению к Супсе. Девочки ведут Хатию. Она рассказывает что-то смешное – девочки хохочут вволю.

– Раз-два-три!.. Раз-два-три!.. – Гуриелидзе шатает рядом. Иногда он подпрыгивает на месте, подстраивается к нам и вновь продолжает считать: – Раз-два-три!.. Мамаладзе, выше ногу!.. Раз-два-три!.. Каландадзе, выше голову!.. – Он забегает вперед, поворачивается лицом к нам и, пятясь назад, подбадривает нас: – Молодцы, орлы! Шире шаг, герои! А ну запевай!..

Песня наша звонко льется,
Ох врагу и достается!
запеваю я.
Пулемет наш молодец,
Фриц, капут тебе, конец! —
подхватывают ребята.

Шагаем мы, орлы Левана Гуриелидзе, кто в отцовских, кто в дядиных брюках и блузах, кто в лаптях, кто в калошах, а кто и босиком, вдыхаем удивительно вкусный утренний аромат, настоящий на запахах пробуждающейся земли и первой зелени, и орем во всю силу молодых легких:

Пулемет наш молодец,
Фриц, капут тебе, конец!

– Группа-а-а... – раздается команда Гуриелидзе. Мы громче чеканим шаг. – Стой, раз-два-три! – Мы застываем на месте. – Нале-е-во! – Мы поворачиваемся – кто налево, кто направо. – Вольно, чтоб вам провалиться, болваны! Разойдись!..

После пятиминутного перерыва Гуриелидзе объявил:

– Задача сегодняшнего дня заключается в следующем: фашисты занимают левый берег Волги, – он показал рукой сперва на меня, потом на Супсу, – наши войска, – он ткнул пальцем в сторону Нодара, – выбивают немецких захватчиков из окопов, вступают с ними в рукопашную схватку, уничтожают их основные силы, преследуют остатки до правого берега Волги и дальше на шестьдесят километров. Задача ясна?

– Шестьдесят километров – это много! – испугался Нодар.

– Да ты не бойся, столько и мы не сможем бежать! – успокоил я его.

– Девочки! – продолжал учитель. – Полевой госпиталь развернется здесь, под орехом. Главным врачом назначается Хатия. Ната, Какано, Тина – медицинские сестры. В десять ноль-ноль открываю боевые действия!

Учитель извлек из кармана огромные, с колесо арбы, часы на полуметровой металлической цепи, поднес их к уху, встряхнул раза два, покачал безнадежно головой, спрятал часы и продолжал:

– Сосо Мамаладзе, забирай свою армию и занимайте окопы на берегу Волги!

– Тоже мне армия! Подсунули мне всякую шваль!.. Одолжите мне, учитель, Нодара, и тогда мы посмотрим, чья возьмет!

– Разговорчики! Нодар Каландадзе, занимайте свои места в верхних окопах!

– Я не хочу так! – запротестовал я. – Дайте хоть раз и мне побыть красным!

– Погодите немного, станут ваши рожи и красными и лиловыми! – заржал Нодар.

– Чего вы кобенитесь? Сдавайтесь сейчас же, и все тут! – предложил мне Тамаз Керкадзе.

– Цыплят по осени считают! – отпарировал я.

Я и Нодар собрали свои войска и направились на отведенные нам места.

Я выстроил перед окопом своих бойцов и обратился к ним с исторической речью:

– Солдаты и офицеры! Вы находитесь перед событием всемирного масштаба. Сегодня вы должны доказать Нодару Головастику, что вы не являетесь трусами и слабаками! Перед нами раскинулись берега Супсы, изобилующие майской черешней и июньской грушей. Правда, груша еще не поспела, но есть ее можно, я пробовал вчера... Так вот, вы голодны, раздеты и разуты. Победите в этом бою, и я обещаю вам хлеба и одежду! А если мы проиграем бой, нас ждут позор, плен и барахтанье в ледяной Супсе. Понятно вам?

– Понятно! – простонало войско.

– Тогда вооружайтесь комьями и лезьте в окоп! Красные проделали тот же маневр.

Леван Гуриелидзе дал сигнал, и операция началась. Перед нами была открытая позиция: кругом ни одного кустика, лишь несколько ветвистых ореховых деревьев. Мы сложили деревянные винтовки на бруствере окопа, приготовили комья и затаили дыхание. Из окопа противника первым вылез Нодар Каландадзе. Взмахом руки он приказал своему войску следовать за ним и пополз в нашу сторону. Голова его перекатывалась с места на место, словно спелая тыква.

– Вот я его сейчас по башке! – произнес мечтательно Отия Каландадзе, выбирая ком покрупнее.

– Без моего приказа не стрелять! – распорядился я.

– Если они встанут, потом их не остановишь! Лучше перебить их в окопе! – посоветовал Соломон Жгенти.

– Далековато... Подпустим их ближе! – сказал Ромео Чануквадзе.

Противник приближался. Я понимал, что, ползя, ребята не могли нести с собой более одного-двух комьев, поэтому надеялся отбить первую их атаку. Я предупредил своих:

– Не торопитесь! У них не хватит боеприпасов! Стреляйте только по моему приказу! И не вздумайте преследовать их: в рукопашной они нас побьют как пить дать!

– Ура-а-а! – заорал вдруг Нодар, вскочил и помчался к нам.

За ним последовала вся его ватага. Уроки нашего военрука, видать, не прошли даром: неприятельские солдаты бежали пригнувшись к земле, зигзагами.

– Ура-а-а! – крикнул еще раз Нодар.

– Захрума-а-а! – не вытерпел Отия Каландадзе и запустил в противника здоровенный ком земли. Ком угодил в голову Нодару, да с такой силой, что он выронил ружье и упал, словно подкошенный.

– Огонь! – завопил я, и на наступающих обрушился шквальный огонь нашей артиллерии. Ряды неприятеля дрогнули, остановились, потом поспешно откатились назад и укрылись в окопе.

– Нодар Головастик, не смейте больше показываться, иначе перебьем всех! – крикнул я.

– Поглядеть бы сейчас на его лоб! – сказал Отия.

– Лоб, лоб... – проворчал Эдуард Джабуа. – Попадем им в руки – не жди пощады!

– Без паники! – сверкнул я глазами.

– Нодар сейчас зол, как сто чертей... Съест он нас! – предупредил меня Кажура Гагуа.
– Кто трусит – вот белый флаг! – Я достал из кармана платок.
– Сосойя Мамаладзе, – донесся крик из окопа неприятеля, – сдавайся, пока не поздно!
– Покажись, если ты такой герой! – крикнул я в ответ и вылез из окопа.
– Вот я! – поднялся Гурам Тавберидзе.
– А где этот болван?
– Который?
– Ваш маршал!
– Я здесь, а тебе последний раз предлагаю сдаться, пока ты жив! – крикнул Нодар и тоже вылез из окопа. – Считаю до трех! Потом перехожу в рукопашную!
– Попробуй только!
Нодар отдал распоряжение, и тотчас же все его войско поднялось во весь рост.
– Ребята, вставайте и приготовьте гранаты! – приказал я своим.
– Ну, теперь крышка нам! – заскулил Ромео Чануквадзе.
– Один! – начал Нодар.
– Черт тебе господин! – ответил я.
– Два!
– Пустая твоя голова!
– Два с половиной... – сжалился над нами Нодар. В наших рядах подозрительно зашептались.
– Сосойя, пока есть время, переходи на нашу сторону! – крикнул Тамаз Керкадзе.
– Я не изменник!
– Переходи, говорю, и мы простим тебя!
– Не нуждаюсь в твоем милосердии!
– Тогда сдавайся! Пленных мы кормим сливочным маслом и белым хлебом! – предложил Нодар.
– Подавитесь сами вашим белым хлебом!
– Три! – крикнул Нодар, и неприятельское войско с громовым «ура» двинулось на нас.
– Огонь! – взвизгнул я. Три кома подряд рассыпались на голове Нодара, но сдержать натиск красных было уже невозможно.
– Бей его! – раздался боевой клич, и началось...
Все перемешалось. Пошли в ход подножки и пинки, оплеухи и кулаки, щипание и укусы, комья земли и палки.
– Что ты делаешь, осел!
– Ухо-о-о!..
– Не рви штаны, сволочь, они отцовские!
– Сдаешься?
– Убит я!
– Подними руки!
– Опусть палку – подними руки!
– Бросай оружие!
– Какое еще оружие?
– Отпусти рукав, собака!
– Ты что, за настоящего немца меня принимаешь?
– Чего ты плюешься?
– А ты не тяни меня за нос!
– Учитель! Он и впрямь меня убивает!
Потом первый пыл битвы остыл, слышалось лишь тяжелое дыхание уставших бойцов. Меня тащили за ноги, а деморализованное вконец мое войско с поднятыми вверх руками шагало рядом.

Меня подтащили к учителю.

– Товарищ начальник штаба! – вытянулся Нодар. – Ваше задание выполнено, неприятельская армия разбита, левый берег Волги захвачен нами, наши войска триумфальным маршем следуют на запад, жертв с нашей стороны почти нет! Кроме того, захвачен в плен фашистский генерал Сосойя Мамаладзе. Вот он!

– Сосойя, горе ты мое луковое, опять ты угодил в плен? – спросила Хатия.

Победители и побежденные разразились дружным хохотом. Я встал, отряхнулся и... расхохотался.

– Теперь отдохните полчаса, а затем – марш на плантацию! – объявил военрук.

С веселым гиканьем бросились мы к реке и с удовольствием бултыхнулись в холодную воду. Потом мы лежали в тени и молча наслаждались покоем, тишиной и прозрачным, без единого облачка, голубым небом. Леван Гуриелидзе лежал здесь же, с нами, и с нескрываемым удовольствием курил «Темпы». Приятный аромат папироски щекотал нам ноздри. Табак, разумеется, был у каждого из нас, но городские папиросы, да еще «Темпы», да еще в военное время, имели для нас особую привлекательность. Мы горели желанием выпросить у учителя одну-единственную папироску, чтобы выкурить ее всем классом, по одной затяжке на брата, и затем хвастаться на все село: вот, мол, мы курили «Темпы». Наконец Нодар не выдержал, подмигнул мне и толкнул – пойдешь, дескать, попроси. Я выразительно покрутил указательным пальцем у своего виска. Нодар с непередаваемой гримасой повторил просьбу. И я решился.

– Леван Петрович...

– Чего тебе, Мамаладзе?

– Леван Петрович, это правда, что последняя просьба приговоренного к расстрелу человека удовлетворяется?

– Правда! – ответил он с такой уверенностью, словно сам раз десять побывал в роли осужденного на смерть.

– Я ведь пленный фашистский генерал?

– Точно!

– Значит, вы расстреляете меня?

– Если дашь правдивые показания, может, и помилуем...

– Никогда! – заявил я твердо.

– Ну, значит, будешь расстрелян! – нахмурился военрук.

– В таком случае выполните мою последнюю просьбу!

– Что вы скажете? – обратился начальник штаба к своему штабу.

– Считаю, что было бы подло с нашей стороны отказать ему! – ответил со всей серьезностью Нодар.

– Так и быть! Говори, Мамаладзе, в чем заключается твоя последняя просьба? – смягчился начальник штаба.

– Дайте одну папироску на обе армии... Мы выкурим ее в окопе, вы даже не увидите нас...

Гуриелидзе остолбенел от неожиданности. Придя в себя, он заговорил, задыхаясь от возмущения и глотая слова:

– Что?! Что ты сказал?! Да как ты... Кому ты... Как ты посмел?! Чтобы я, Леван Гуриелидзе... педагог... ветеран войны... чтобы я своей собственной рукой... дал папироску... своим ученикам?! Отравил бы ваши, легкие, сердце, кровь?! А?! Скажите, что это была шутка!.. Иначе я сойду с ума!..

Я перепугался не на шутку. Ребята затаили дыхание.

– Конечно... Мы пошутили, уважаемый Леван Петрович! Извините нас! – пробормотал я и поспешно пересел подальше от учителя.

Долго еще бушевал наш военрук, наконец он стал успокаиваться, приговаривая время от времени:

– А? Папирос им захотелось!.. Я вам покажу папиросы!..

И вдруг произошло нечто совершенно непредвиденное и непонятное. Хатия, не проронившая во время вышеописанной бурной сцены ни одного слова, подошла к учителю и сказала:

– Уважаемый Леван Петрович! Никогда в жизни я не была ябедой, но теперь не могу скрыть от вас: пока вы руководили боем на берегу Супсы, мальчики достали из вашего кителя папиросы и одну из них начинили порохом – все равно, мол, нам он не даст закурить... Они думали, что раз я не вижу, то я и не услышу ничего...

– Да ты с ума сошла! Что ты брешешь? Врет она, Леван Петрович! – заорал я вне себя от искреннего возмущения.

– Испугался? – спросила иронически Хатия, моргая глазами.

– Ах, вот оно что... – проговорил учитель и оглядел нас испепеляющим взглядом.

– Врет она все, Леван Петрович! Признайся, дура, врешь ведь? – вмешался Нодар.

– Сам ты дурак, и сам ты врешь! – сказала спокойно Хатия.

Измученный класс, разинув рты, смотрел на заупрямившуюся Хатию.

– Так... Не двигаться с места! – приказал шепотом побледневший учитель и встал. Он подошел к висевшему на дереве кителю, достал из кармана коробку папирос, внимательно осмотрел каждую папироску и, не заметив ничего особенного, повернулся к Хатии:

– Порохом, говоришь, начинили?

– Порохом, Леван Петрович!

– Прекрасно... Теперь слушай мою команду! – Учитель подошел ко мне. – Сосо Мамаладзе! Закуривай! – и протянул мне раскрытую коробку.

– Что вы, Леван Петрович! Не хочу!

– Не хочешь? Бери сейчас же!

– Хотите взорвать меня, Леван Петрович?

– Говорю тебе, закуривай!

«Черт с ним, – подумал я, – закурю с закрытыми глазами, в худшем случае опалю себе нос!» Протянул руку, достал из коробки папироску, закурил и жадно затянулся.

А учитель продолжал обходить ребят:

– Ну-ка, закуривай, Яго Антидзе!.. Бери папироску, Отар Тавадзе!.. Не стесняйся, Кажура Гагуа!.. Посмотри мне в глаза, Отия Каландадзе! Возьми папироску!

– Я не курю, Леван Петрович!

– Что-о-о?

– Не курю я!

– Закуривай, если тебе дорога жизнь! Отия закурил и закашлялся.

– Убиваете меня, Леван Петрович? – прохрипел он.

...В коробке осталась одна-единственная папироска. Учитель отошел в сторону и стал наблюдать, кто же станет жертвой нашего неслыханного вероломства. А мы курили – осторожно, небольшими затяжками и тем не менее с огромным наслаждением.

– Быстрое! Что вы тянете? – торопил нас учитель.

– Между прочим, никуда я не спешу... – заявил Отия. – Мда-а-а... Отличный табак! – добавил Нодар, затянулся последний раз и бросил окурочек.

– Прекрасные Папиросы! – подтвердил Яго Антидзе.

Вслед за ними бросили докуренные папиросы Отар Тавадзе, Ромео Чануквадзе и другие.

Остались я и Отия Каландадзе. Вскоре Отия тоже избавился от адской машины, и теперь весь класс с затаенным дыханием смотрел на меня. Учитель сгорал от нетерпения. Я взглянул на свою папироску – ее осталось всего на одну затяжку. Я зажмурился, медленно затянулся, набрал во рту ароматный дым, проглотил его и... открыл глаза. Папироска догорела до мундштука. Взрыва не произошло. Я вздохнул полной грудью и щелчком далеко отбросил окурочек.

Класс ахнул. Теперь начальник объединенного штаба и его войско стояли друг против друга и не знали, как поступить дальше. Наконец учитель приблизился ко мне и произнес голосом, от которого дрогнули сердца даже самых отчаянных наших головорезов:

– В коробке лежит одна папироска, и ее выкуришь ты, Сосо Мамаладзе!
– Не могу больше, Леван Петрович! Благодарю вас!
– Мамаладзе...
– Эту папироску можете выкурить вы, Леван Петрович, она не взорвется! – сказала вдруг громко Хатия.
Все обернулись к ней.
– Как?..– прошептал учитель.
– Не взорвется, – повторила Хатия, – не было никакого пороха...
И тогда взорвались мы. В припадке смеха мы катались по земле, кувыркались, вопили, дрыгали ногами и становились на головы. Учитель долго сдерживал себя и наконец захохотал так, как, наверно, не смеялся никогда в жизни...
...Когда все успокоились, он подошел к Хатии и сказал:
– Ты думаешь, мне жалко для них папирос?

– Нет, Леван Петрович, этого я не думаю, – ответила Хатия. – Просто мне хотелось доставить мальчикам это удовольствие... Простите меня, Леван Петрович...
Учитель погладил Хатию по щеке, обнял ее за плечи и медленно повел к дороге.
– Мамаладзе! – крикнул он, не оборачиваясь. – Собери класс и следуйте за нами!
– Класс, стройся! – гаркнул я. – Равняйся! Смир-р-р-но! К колхозной плантации ша-а-агом... марш! Раз-два-три!..
Я побежал вперед и встал во главе отряда.
– Молодцы, орлы!.. Молодцы!.. Строевым шагом!.. Запевай! И затопали опять по долине Супсы наши орлы – кто в отцовских, кто в дядиных брюках и блузах, кто в лаптях, кто в калошах, а кто и босиком... И огласились опять берега реки нашей веселой, задорной песней:
Я в тебе души не чаю, Повелительница чая. Если замуж пожелаешь, Сам тебя я обвенчаю...
...В ту майскую ночь Советская Армия перешла в генеральное наступление по всему фронту.

ТАКОВА ЖИЗНЬ

Наступили каникулы. Июнь – самая пора купания, футбола, лело, борьбы, лапты. Но июнь сорок третьего мало похож на довоенные каникулы... Какой там футбол!.. Ребят словно подменили.

- Бондойя, сыграем в лапту!
- С ума сошёл! А кукурузу полоть?
- Пошли, Нодар, погоняем мяч!
- Некогда, Сосойя, иду за дровами...
- Отия, зови своих, поборемся!
- Не до борьбы мне, еле ноги волочу...

Мы отлично понимали, что сейчас нам не до игр и забав, но привычка брала свое. Кроме того, очень хотелось хоть на один день забыть про наши нужды и горести, вернуться к счастливым дням беззаботного детства. Бывало, мы собирались на лужайке, разбивались на партии, уже подбрасывался в воздух мяч, но тут то один, то другой из ребят вспоминал про неотложное дело и, помявшись, уходил. За ним уходили второй, третий, и постепенно лужайка пустела... Иными глазами смотрели теперь мы на жизнь своего села, иными глазами смотрело на нас село.

- Однажды утром зашла к нам соседка Мака и попросила тетю:
- Кето, дорогая моя, сегодня у меня нади. Одолжи, пожалуйста, твоего Сосойю!
 - Иди, Сосо! – сказала тетя.

И я, как взрослый, работал у Маки с утра до позднего вечера, за ужином ел и пил, как взрослый, и напился как взрослый... И тетя перед сном помыла мне ноги теплой водой точно так, как когда-то бабушка мыла ноги возвращавшемуся с поля дедушке...

...Теплый июньский вечер сорок третьего... Тетя на кухне собралась испечь мчади. Она взяла кадку с мукой, встряхнула, опрокинула ее над корытом. Высыпалось несколько горстей муки. Тетя налила в корыто теплой воды и стала одной рукой месить тесто. И вдруг я увидел, как в тесто одна за другой капнули слезы...

– Почему ты плачешь, тетя? – спросил я, хотя прекрасно догадывался о причине ее слез.

– Это все, Сосойя, больше нет... – показала она комок теста.,

Я промолчал. Тетя вытерла руки и тихо сказала:

– Как нам быть, Сосойя?

– Тетя Кето! – раздалось вдруг со двора.

– Заходи, Хатия! – крикнул я, Вошла Хатия.

– Здравствуйте!

– Здравствуй, детка! – ответила тетя. – Сосойя, подай Хатии стул!

Я принес треногий стульчик, усадил Хатию, а сам поднялся в оду, прошел в заднюю комнату и остановился у нашего старого семейного сундука. Долго стоял я и раздумывал, потом решительно ухватил сундук за ручку и поволок его вниз по лестнице, затащил на кухню и поставил перед очагом.

– Что это, Сосойя? – удивилась тетя.

– Здесь одежда папы и мамы.

– Ну и что?

– А то, что я продам ее!

– Ты с ума сошел?! – испугалась тетя.

– Сошел. Отвезу в Набеглави и обменяю на кукурузу!

– Слышишь, Хатия, что он говорит?

– Слышу, тетя Кето...

– А что же нам делать? Помирать с голоду, что ли! – сказал я.

– Сосойя! Возьми сию же минуту сундук и поставь на место! – приказала тетя.

Я откинул крышку сундука... Сердце у меня дрогнуло и больно сжалось... Я извлек из сундука кожаный полушубок отца. Каждое лето мы проветривали хранившуюся в сундуке одежду, и никогда ничего, кроме чувства любви и уважения к этому полушубку, я не испытывал. Теперь я вдруг испугался, словно сдирал его с покойника.

– Возьму это, и это, и это! – крикнул я, заглушая подступившие рыдания.

– Не делай этого, Сосо! – взмолилась тетя.

– Возьму, возьму! Плачь, сколько хочешь! И сапоги возьму, и брюки, и халат! – кричал я, выбрасывая вещи одну за другой. Вдруг я осекся и замолчал. На самом дне сундука лежало сложенное вдвое розовое платье. Я достал платье, развернул его, потом снова сложил, опустил на дно, положил сверху халат и брюки отца и захлопнул крышку. – Хорошо, тетя, не плачь... Возьму только сапоги и полушубок... Одолжу у Манасэ Таварткиладзе осла и утром отправлюсь в Набеглави.

Тетя молчала.

– Я пойду с тобой! – сказала Хатия.

Утром чуть свет я и Хатия стояли во дворе Манасэ и поглаживали по спине тощего, костлявого осла. Манасэ вертелся тут же, седлая осла и наставлял нас:

– У осла, дорогие мои, длинные уши, но человека он слушается плохо... Осел любит ласку, вежливое к себе отношение...

– Станет еще Сосойя объясняться в любви твоему ослу! – вставила Хатия.

– Не станет, так осел умеет и лягаться! Осел – это тебе не лошадь, – свистни, она и побежит за тобой... Нет, брат, осел знает себе цену!

– Да ладно, дядя Манасэ, осел есть осел!

– Нет, дочка, не так! Наполеон, скажу я тебе, покорил Египет благодаря ослам! А бои на Кавказе? Не будь ослов, кто бы тащил пушки и боеприпасы через скалы? Автомшины? Или лошади? Так что...

– А если предложить тебе обменять осла на хорошую лошадь... согласишься? – спросил я.

– Что я, осел, что ли? Ишь ты! Осла на лошадь! Да я, если хочешь знать, этим ослом и живу!.. Все, готово! – Манасэ отступил на шаг, критическим взглядом оглядел оседланного осла, потом добавил:– Вдвоем на него не садитесь, он этого не любит, обязательно сбросит вас! Садитесь по очереди... Если он заупрямится, не бейте и не понукайте его! Он этого не любит!

– Не волнуйся, дядя Манасэ, все будет хорошо! – успокоила его Хатия.

– В тебе-то я уверен, умница моя, но вот твой отец, видно, спятил! Доверить ребенка Сосойе-сумасшедшему!

– Ничего, дядя Манасэ, ничего с нами не станет!

– Ну ладно, счастливого вам пути!.. Значит, договорились, Сосойя: плата за осла – полпуда кукурузы. Так?

– Так, дядя Манасэ, так!

– Ну, с богом!

Мы завернули к Хатии. Дядя Виссарион битый час слезно умолял меня оберегать Хатию, потом снял со стены двустольную «централку»:

– Прихвати-ка ружье, Сосойя, авось найдется дурак, даст за него пуда полтора кукурузы...

Наконец мы тронулись. Дядя Виссарион проводил нас до околицы и стоял там, пока мы не скрылись с глаз.

В те времена осел в Гурии считался такой же диковинкой, как и иностранные туристы... Мы шагаем по шоссе, ведущему в Набеглави, и вся детвора встретившегося по пути села с гиканьем несется за нами. Мне стыдно, я огрызаюсь на детей. Осел – ему-то начхать на всех – топает себе, смешно шевеля ушами. Хатия восседает на осле, как царица Тамара на белом скакуне, и блаженно улыбается.

– Что им нужно, Сосойя? Они что, осла не видели? – спрашивает Хатия.

– Отстань, ради бога, а то пошлю тебя обратно домой!

– Вернись, если хочешь...

– Сиди и не болтай много!

– Сосойя, может, остановиться у кого-нибудь?

– У кого ты здесь остановишься? Село беднее нашего! Мы наконец миновали село и вздохнули свободно.

К вечеру вступили в Набеглави. Я остановил осла у первых же ворот и крикнул:

– Эй, хозяин!

Из дома вышли среднего роста рябой дядька и носатый мальчик моих лет.

– Пожалуйте! – пригласил рябой, распахивая ворота.

Я завел осла во двор, ссадил Хатию и поздоровался с хозяевами.

– Вы кто будете? – спросил рябой.

– Да вот, меняем сапоги и полушубок на кукурузу...

– Покажи!

Я показал. Рябой стал внимательно рассматривать вещи.

– Осел твой? – спросил носатый мальчик.

– Мой.

– А девочка кто?

– Никто.

– Ее тоже меняешь на кукурузу? – осклабился носатый.

– Заткнись, а то получишь по зубам!

– Кто это, Сосойя? – спросила Хатия.

– Никто. Нос!

– Она что, слепая? – удивился мальчик.

– Слепая, но не глухая, дурак!

– Ты, парень, пришел сюда ругаться или торговать? – спросил меня рябой.

– Пусть он не болтает глупостей, и я не буду ругаться!

– Замолчи ты! – прикрикнул рябой на сына и вновь обратился ко мне:– С чего ты решил в такую жару продавать полушубок?

– Не хочешь – не бери!

– Сколько ты просишь за него?

– Денег мне не надо, меняю на два пуда кукурузы.

– Обалдел?!

– Да.

– Даю полпуда.

– Полпуда – это один карман полушубка.

– Ну вот, наполню все карманы, и конец делу!

– Сосойя, как он одет, этот дядя?

– Как? Да... Рубашка на нем рваная...

– Ну и пусть ходит в рубашке! Дай сюда полушубок! Я передал полушубок Хатии.

– А за сапоги? – спросил рябой.

– Наполним ему сапоги кукурузой, и хватит! – выступил из-за спины отца носатый.

– Говори, сколько просишь за сапоги? – повторил рябой.

– Ничего!

– Даром, что ли, отдаешь?

– Даром растет у тебя вот этот балбес, присмотри-ка лучше за ним! – Я вырвал сапоги из рук рябого.

– Слушай, ты! Ты чего это здесь раскричался? Думаешь, я боюсь твоего ружья? – вспылил рябой.

– Идем, Сосойя! – сказала Хатия.

Я усадил ее на осла, и мы направились к воротам.

– Одну минуточку, Сосойя!.. Они еще во дворе?

– Да. А что?..

– Погоди... Дядя, – крикнула Хатия, – а осла ты не купишь?

– Зачем мне осел? – удивился рябой.

– Будешь иметь в доме двух ослов! – расхохоталась Хатия. Рябой разинул рот. Носатый начал было искать на земле камень, но я снял с плеча ружье, и он тотчас же укрылся за спиной отца.

Мы продолжали путь. Когда добрались до конца села, осел замедлил шаг.

– Где мы, Сосойя? – спросила Хатия.

– Выходим из села.

– А какое сейчас время?

– Темно уже, Хатия.

– Ну так остановимся, Сосойя... Устала я.

– Ладно.

Мы остановились у крайнего дома. На мой крик вышел старик с лампой в руке.

– Кто там?

– Я, Сосойя Мамаладзе!

– Какой еще Сосойя?

– Ну, я не знаю какой... Одним словом, Сосойя! Старик проворно спустился по лестнице, пересек двор, подошел к нам, осветил лампой и удивленно осмотрел нас.

– В чем дело, детки?

– Хотим переночевать у вас, дядя...

– Так пожалуйста, пожалуйста! – пригласил старик и широко распахнул ворота.

Мы вошли во двор. Я помог Хатии слезть с осла.

– А как с ослом, дядя?

– Распряги его, и пусть себе пасется во дворе. Никуда он не денется!

Я снял наш хурджин, распряг осла, взял Хатию за руку, и мы пошли за стариком.

– Какано! Какано! – позвал он. На балкон вышла женщина в платке.

– Принимай гостей, Какано!

– Пожалуйста, батано! – засуетилась женщина. – Сюда пожалуйста!

Мы поднялись на балкон, вошли в комнату. Я усадил Хатию на тахту и сел рядом.

– Мир дому сему! – спохватился я.

– Дай бог тебе мира и счастья! – ответила хозяйка. Наступило неловкое молчание. Хозяева разглядывали нас, я и Хатия молчали и не догадывались, что старикам не терпелось узнать, кто мы, откуда, зачем пришли сюда.

Я осмотрелся. Вдоль противоположных стен комнаты стояли две тахты, на одной из которых сидели я и Хатия, посередине – стол, вокруг него – четыре стула; у камина – несколько треногих стульчиков. На стене висел фотопортрет солдата в застегнутой на все пуговицы гимнастерке. Собственно, не один, а два портрета в одной рамке. Солдат с портрета глядел на меня сердито. Но удивило меня не это – каждый волен хмуриться или улыбаться перед объективом, – а другое: почему хозяину понадобилось помещать в одной рамке два портрета?

– Вы откуда, детки? – нарушила наконец тишину хозяйка.

– Мы, тетя, взяли кое-что из одежды... обменять на кукурузу... Ну вот... Если можно, разрешите переночевать у вас, – ответила Хатия.

– Деточка моя дорогая!.. Да я вас вообще не отпущу отсюда, если вам понравится у нас!

– А какая у вас одежда? – спросил деловито хозяин. Я поставил перед ним хурджин.

– Бабило Вашакмадзе! Нашел время заниматься одеждой! Дети, наверно, умирают с голоду! – напустилась хозяйка на мужа.

– Ну и ступай на кухню! Я, что ли, приготовлю ужин? Бабило стал разглядывать полушубок, потом надел его, посмотрел в висевшее на стене зеркало, покачал головой, скинул полушубок и бережно положил на тахту. Потом взял сапоги, повертел в руках.

– Можно примерить?

Я кивнул головой. Бабило скинул чужаки, подтянул шерстяные носки, надел сапоги, прошелся по комнате, выставил вперед правую, затем левую ногу и снова сел.

– Отличные сапоги!.. Сколько, сынок, хочешь за них?

– Пуд кукурузы, дядя Бабило.

– Пуд кукурузы, – повторила Хатия.

– Гм, почти даром... Да вот беда: где ее взять-то, кукурузу? – проговорил Бабило и стал скидывать сапоги.

Какано поставила у камина низенький столик, разложила молодой сыр, мчади, маринованный лук-порей и кувшинчик с вином.

– Идите, детки, поужинайте чем бог послал! – пригласила она нас.

Я не стал отнекиваться, взял Хатию за руку, подвел к столику, сел сам. Бабило не сводил с Хатии удивленных глаз; Какано, подперев рукой щеку, сокрушенно качала головой.

Бабило разлил в стаканы вино.

– Ну, с богом! Выпьем! – сказал он и выпил.

Я положил Хатии мчади и сыр и чокнулся с ней.

– Будьте всегда здоровы! – сказала Хатия и выпила тоже.

– Что ж, давайте знакомиться. Кто вы, дети? – спросил Бабило.

– Я – Сосо Мамаладзе, это – Хатия.

– Кем вы приходите друг другу? – спросил он снова.

– Никем, – ответил я...

– Как никем? Мы соседи, я и Сосойя учимся вместе в одном классе, – поправила меня Хатия.

– Ты тоже учишься, детка?

– Да. Меня Сосойя водит в школу.

– А глаза... Давно они у тебя болят?

– Не болят вовсе. Просто я не вижу...

– Деточка, деточка бедная! – запричитала Какано. – Как же допускает бог, чтобы такой ангел не видел солнца да луны! – Она привлекла к себе Хатию и поцеловала ее в голову.

– Она видит солнце. Врач сказал, что раз она видит солнце, то ее можно вылечить, – сказал я.

– Правда, дочка?

– Да, дядя Бабило... Когда война кончится, папа отвезет меня в Батуми, там мне сделают операцию.

– За твоё здоровье, дочка!.. Раз врач обещал, конечно, вылечит!.. Но как это мать отпустила тебя в такую даль? Не боится она?

– У меня нет матери, дядя Бабило. А с Сосойей папа меня отпускает всюду.

– Видно, ты очень любишь своего Сосойю!

– Его все любят!

– Она ведь не пешком, на осле! – сказал я.

– Ну а если достанете кукурузу, как же тогда? Осел-то ваш не выдюжит!

– А я пойду пешком, потихоньку, дядя Бабило, пешком мне даже приятнее, – сказала Хатия.

– Дай поесть детям, человек! Что ты пристал к ним! – упрекнула мужа Какано.

– Ешьте, ешьте, дорогие! Успеем поговорить потом! – Бабило пододвинул к нам тарелки и налил вина.

После ужина Бабило продолжал:

– Сапоги, пожалуй, я возьму... Но уступи немного, Сосо!

– Сколько уступить, дядя Бабило?

– Ты только не подумай, что я рвач какой-нибудь!.. Цену этим сапогам я знаю лучше тебя... Но... сам понимаешь, трудно сейчас с кукурузой... Если б не так, стал бы ты продавать такой золотой товар? Прав я, Хатия?

– Правы, дядя Бабило! – согласилась Хатия.

– Так вот, возьми за сапоги полпуда кукурузы...

– Мало полпуда, дядя Бабило... Полпуда я должен отдать Манасэ... За осла... – сказал я, сгорая от стыда.

– Эх, жизнь... – вздохнул Бабило, – добавлю еще четверть...

– Если возьмете полушубок...

– А за сколько отдашь? – спросил Бабило и посмотрел на полушубок такими глазами, что я понял: он пришелся ему по душе.

– За два пуда...

– О! – воскликнул Бабило.

– Это полушубок его отца! – сказала Хатия.

– Как же он расстался с ним? – удивился Бабило. – Да так уж получилось...

– Что, он не носил его?

– Надел только раз...

– Ладно, дам тебе пуд... Сами перебьемся как-нибудь до осени... – Бабило взял в руки полушубок.

Я колебался.

– Дядя Бабило, тетя не разрешала Сосойе брать вещи... Ведь они отцовские... Пуд кукурузы мало... – сказала Хатия.

Бабило насторожился.

– Отец что, на фронте?

– Нет.

– Он... жив?

– Не знаю.

– А мать?

– Не знаю.

– Погоди, погоди... Объясни мне толком, в чем дело?

– Его родителей арестовали в тридцать седьмом году, – сказала Хатия. – Сосойю воспитывает его тетя, учительница Кето.

Бабило покачал головой, снял полушубок, положил его на тахту.

– В тридцать седьмом, говоришь?

– Да, в тридцать седьмом...

– Ночью взяли?

– Ночью...

– Вместе?

– Нет, сперва папу, потом маму...

– И ничего про них не слышно?

– Ничего...

– Бедный мой мальчик... – вздохнула Какано. – Ты хоть помнишь их?

– Так, смутно... Маму помню лучше... – Я сложил полушубок. – Мы уйдем рано утром, дядя Бабило, – постарался я переменить тему.

– Хорошо, сынок, хорошо... Какано, приготовь для детей три пуда кукурузы!

Какано молча вышла из комнаты, прихватив два моих мешка.

– Да, сынок... Трудное было время... – начал Бабило, – много тогда пропало хороших людей... Из нашего села тоже забрали двоих – Гаврила-мельника и Якинте Кунчулия, счетоводом он работал в конторе... Так и исчезли оба...

Из соседней комнаты доносился приятный звук засыпаемой в мешок кукурузы.

– Дядя Бабило, а ружье вы не купите? – спросил я.

– Что?

– Ружье, говорю, не купите?

– Ружье? Ружье... А зачем мне ружье? Тут даже птица перевелась... Хотя нет, зимой, бывает, голодный зверь иногда спускается с гор... Пригодится ружье... А сколько ты хочешь за него? – Бабило взял «централку», раскрыл ее, посмотрел через стволы на свет. – Хороший товар!

Я сжал руку Хатии. Ружье принадлежало ей, и цену должна была назначить она.

– Сколько? – спросил Бабило.

– Нисколько! – сказала Хатия. Я разинул рот.

– Что, не продаете?

– Нет, дядя Бабило, не продаем, я дарю вам ружье, если оно вам нравится, – ответила Хатия.

– Очень даже нравится, детка, но бесплатно я его не возьму... Влетит тебе дома! – сказал Бабило и ласково погладил Хатию по голове.

– Ну а продавать ружье вам я не стану... И ничего мне не влетит! Ружье – мое, и я хочу подарить его вам! Сосойя, скажи, ведь ружье мое? – Хатия заморгала глазами.

Я понял, что, откажись сейчас Бабило от ружья, Хатия разревется. Я выразительно взглянул на Бабило и сказал:

– Ружье принадлежит Хатии, дядя Бабило, и раз она дарит его вам, вы должны принять этот подарок!

Хатия радостно закивала головой.

– Что ж, спасибо тебе, дочка! Большое спасибо! Дай бог тебе здоровья и счастья! – Бабило поцеловал Хатию в щеку. – Какано! – позвал он жену. – Приготовь детям постель!.. И взгляни-ка, какое мне ружье подарила Хатия! Хоть в разбойники иди!

Вошла Какано. Бабило протянул ей ружье.

– Убери, ради бога! – испугалась Какано. Она стала стелить постели, а я еще раз посмотрел на двойной портрет в рамке.

– Дядя Бабило, как зовут вашего сына? Это, наверно, ваш сын?

Бабило поднял голову, взглянул с затаенной грустью на портрет и, улыбнувшись, спросил:

– Который тебя интересует, сынок?

– Дядя Бабило... Да вы что... Как это «который»?.. Бабило вынул из кармана трубку, долго набивал ее табаком, закурил, еще раз сквозь голубоватый дымок взглянул на портрет, почесал у себя в затылке и сказал мне:

– Двадцать лет я сам их спрашивал об этом... Двадцать лет Какано, чтобы не ошибиться, за одну провинность колотила их обоих...

– Почему у меня не отсохли руки!.. – вздохнула Какано.

– Измучили они, прохвосты, учителей! На выпускном экзамене один получил по литературе пятерку, другой – тройку... Как там в школе ни уточняли, а при заполнении аттестата все же напутали... Мы отличали их только по родимым пятнам. У Насии пятно было на правом бедре, у Бату – на левом. Ну а в школе... не стали бы там снимать с них штаны... Насия был старше на двадцать семь минут... Вместе они пошли в армию... Этот снимок прислали оттуда... В первый месяц... А потом они пропали... И ничего нам о них не известно...

– Горе мне, горе несчастной!.. Как я еще живу и дышу на свете! – Какано кончиком платка вытерла слезу.

– Сосоя, а все же который из них – который? – спросила Хатия.

– Одинаковы они, Хатия!

– Красивые?

– Красивые! Только рассержены как будто.

– Дети мои дорогие! Где вы теперь? Сыты ли, голодны?.. Может, больны, может, ранены?.. А несчастная ваша мать и ест, и пьет, и не сдыхает! Не берет бог мою душу!.. – Какано заплакала.

– Ладно уж, старая, хватит! – прикрикнул Бабило на жену, потом обратился к нам: – Вот так, три года прошло с тех пор, а она каждый день ноет и воет...

– Дети мои ненаглядные!.. Хоть раз бы мне взглянуть на вас и умереть тотчас же!.. Мальчики мои золотые!.. – плакала Какано.

– Тетя Какано, парень один из нашего села тоже вот так пропал, три года о нем не было ни слуху ни духу... А вот позавчера... Как раз накануне нашего отъезда... – сказала вдруг Хатия.

– Получили письмо? Счастливая его мать! Что он пишет? – подняла голову Какано.

– Да не письмо, а сам он приехал!

– Ты про кого, Хатия? – изумился я.

– Как про кого? Про Важико, сына Якинте Джабуа! Забыл?

– И что он? Ты говорила с ним, дочка? – поинтересовался Бабило.

– Плохи, говорит, дела Гитлера... Наши, оказывается, выдумали какое-то новое оружие, у него такое, знаете, женское имя – «катюша». Сжигает, оказывается, все вокруг...

– Да, я тоже слышал об этом. Что он еще сказал? – оживился Бабило.

– Сосоя, расскажи ты, ты же был там, – пихнула меня локтем Хатия.

Я не знал, что сказать. Ничего подобного в нашем селе не происходило, никто с фронта не возвращался, а именно позавчера Якинте получил сообщение о гибели сына... Что это сочинила Хатия? Что она выдумала?

– Говори, сынок, говори! – Бабило приготовился слушать.

– Да... Сжигает, оказывается, все вокруг... Теперь, говорит, наши самолеты бомбят Берлин... Скоро, говорит, откроется второй фронт...

– Когда же? Когда? – воскликнул недовольно Бабило.

– Бедные мои мальчики, доживут ли они до этого? – проговорила Какано про себя.

– А почему мы не получаем писем? – спросил Бабило.

– До писем ли им сейчас, дядя Бабило?!

– Говори, Сосойя, что еще рассказал Важико! – пристала ко мне Хатия.

– Забыл я, Хатия...

– Эх, ты!.. Важико говорил, что там с ним было много грузин... Среди них, кажется, два брата...

У Бабило задрожала в руке трубка, Какано опустила перед Хатией на колени, дернула ее за подол платья.

– Да, точно, теперь я вспомнила... Два брата, говорит, были с нами, похожие друг на друга, как две половины одного яблока...

– Близнецы, что ли? – прошептала Какано.

– Близнецы!

– А... фамилия? Как их фамилия?

– Фамилию я не спрашивала, дядя Бабило...

– А звали как?

– Сказал он, только я забыла.

– И... живы они, говоришь? – спросила Какано.

– Ну-у-у... Их, сказал Важико, пули не берут!

– Пойду-ка я с вами, детки, покажите мне этого парня! – попросила Какано, молитвенно сложив руки.

– Сосо, Важико приехал на один день, не так ли? – спросила меня Хатия.

– Ага, на один день!

– Значит, я не застаю его? – застонала Какано. Хатия кивнула головой.

– Что же мне делать? – Какано взглянула на меня.

– Он сказал, что еще приедет.

– А если не приедет?

– Я напишу ему и все узнаю, тетя Какано! – обещал я, отводя взгляд.

– Сделай доброе дело, сынок, бог отблагодарит тебя! – взмолилась Какано!

– Обязательно, тетя Какано!

– Боже великий! Значит, живы мои мальчики?! Близнецы? Похожи друг на друга, говорит?.. Мать божья! Много близнецов на свете, дай бог всем им жизни и здоровья... Но сделай так, чтобы эти двое были бы моими Мальчиками! Мать божья! – Какано воздела руки.

За все это время Бабило не проронил ни слова. Я ждал, что вот-вот он встанет, схватит нас за шиворот и вышвырнет за дверь, как бессовестных обманщиков. Но он сидел молча, удивительно спокойно, с улыбкой наблюдал за Хатией, и лишь подрагивание правой брови выдавало его сдерживаемое волнение.

– Боже справедливый, за что ты так наказал этого милосердного ребенка?.. – проговорил наконец он, встал, обнял Какано за плечи и повел ее к дверям.

– Ложитесь теперь, дети, дай бог вам приятного сна! – И он закрыл за собой дверь.

Спать нам не хотелось.

– Спустимся во двор, Сосойя! – попросила Хатия.

...Я усадил Хатию под орехом, лег сам и положил голову ей на колени. Была теплая, тихая июньская ночь. Над нами простиралось усеянное звездами черное небо. Доносились убаюкивающее верещание сверчков, шум реки, кваканье лягушек, ленивый лай собак. Сейчас у нас точно такая же ночь, так же лают собаки, так же шумит река. Тетя так же лежит под деревом, смотрит на небо и думает о том же, о чем и я. Как было бы хорошо, если б люди

могли видеть в небе, как в зеркале, друг друга! Я увидел бы тетю, свое село, весь мир, познакомился бы с несметным количеством людей, своих сверстников. И мир узнал бы меня. Мы увидели бы, кому на свете живется хорошо, а кому плохо, и первые помогли бы вторым... Люди увидели бы друг друга и поняли бы, что не такие уж мы плохие, как нам это иногда кажется, что нет у нас основания ссориться и враждовать меж собой, и не стало бы на Земле войн и кровопролитий...

– О чем ты думаешь, Сосойя?

– Сам не пойму, Хатия...

– А все же?

– О небе.

– Что – о небе?

– Думаю, если б небо было зеркалом...

– А зачем тебе, чтобы небо было зеркалом?

– Эх, это было бы здорово!..

– Сосойя, теплая ночь, правда? – спросила Хатия после минутного молчания.

– Да. Скажи, Хатия, с чего это ты наговорила с три короба вранья? Я был готов провалиться сквозь землю!

– Ничего я не наврала...

– Ну, знаешь!

– Все, что я сказала, было правдой. Ты просто забыл... – Хатия, или ты рехнулась, или меня принимаешь за круглого дурака!.. Ты думаешь, Бабило поверил в твою сказку?

– А он поверил бы, если бы я сказала, что его сыновья погибли?

– Нет!

– Почему?

– Да потому, что это неправда!

– А если б сказала, что они живы?

– Это ведь тоже неправда?

– Сосойя, двух неправд не бывает. Сыновья Бабило или живы, или погибли... В их гибель Бабило и Какано не верят, значит, они должны поверить, что они живы.

– Но ты...

– Что я? Я не сказала, что эти ребята – их сыновья... Пусть они думают, что это так. Что в этом плохого?

– Да нет, плохого ничего...

– Тогда в чем же я виновата?

– Ни в чем, Хатия...

Пусть Бабило и Какано думают, что живы их дорогие мальчики, что в этом может быть плохого? Ничего. Это неправда? А если правда? Если это правда, тогда хорошо? Хорошо! Вот в том-то и дело! Всякая правда хороша? Этого не может быть! Ну а всякая ложь? Плоха ли всякая ложь? Нет, конечно! Но ведь хорошая ложь лучше плохой правды? Лучше! В том-то и дело!..

– А сейчас о чем ты думаешь, Сосойя?

– А сейчас я думаю о том, как завтра тетя испечет большой-пребольшой мчади и как я наброшусь на него!

– Сосойя, какого цвета небо? – Синее, Хатия.

– А какого цвета синий цвет?

– Синий?.. Ну... Синий – это цвет неба. – А это красивый цвет?

– Очень красивый, Хатия.

– А что это значит – красивый? – не отставала Хатия.

– Красивый? – Я привстал и посмотрел в лицо Хатии. – Красивы большие синие глаза... Черные брови... Черные ресницы... – Я провел пальцами по глазам Хатии. – Красивы

каштановые волосы... Маленький нос... Пухлые губы... Белые зубы... Красивы прозрачные уши, высокая шея... Вот ты, например, Хатия, красивая...

- Значит я – синяя, цвета неба? Я вздохнул.
- А ты какой, Сосойя?
- Я? Я – обезьяна!
- А какая она, обезьяна?
- Точно такая, как я! Хатия погладила мое лицо.
- Какого цвета у тебя волосы?
- Черные.
- Глаза и у тебя большие. И ресницы длинные. А глаза у тебя какого цвета?
- Карие.
- Нос прямой, небольшой... И губы пухлые. А зубы?
- Зубы у всех белые, Хатия.
- Ты красивый, Сосойя?
- Хорошо, что ты не видишь меня!
- Я вижу тебя, Сосойя! Тебя и солнце. И больше ничего.

Я лег опять. Хатия склонилась ко мне, приложила ухо к груди. Наверно, она прислушивалась к биению моего сердца. А я наслаждался теплом ее рук и щеки и, как тогда, на берегу Супсы, чувствовал, как это тепло вливается в меня. Я слушал шум реки, верещание сверчков, лай собак и не видел ничего, кроме Хатии и усеянного звездами неба. Я знал, что Хатия видит только солнце и меня, и думал, что и небо, наверно, видит нас – Хатию и меня.

Я проснулся с первыми лучами солнца. Быстро вскочил, оделся и подошел к постели Хатии. Подложив под щеку обе ладони, она мирно спала. Я стал легонько тормошить ее.

- Хатия!
- А? Это ты, Сосо? – Хатия присела в кровати.
- Да. Вставай, пора уходить.
- А какое сейчас время?
- Утро уже. Одевайся, я пойду оседлаю осла.
- Хорошо.

Я спустился во двор. Наш осел, помахивая хвостом, щипал траву. Я оседлал осла и поднялся в комнату. Хатия была уже одета.

- Пошли! – сказал я шепотом.
- Почему ты шепчешь, Сосойя?
- Они еще спят.
- Разве еще так рано?
- Да. Идем!
- Так и уйдем, не попрощавшись?
- Не надо их беспокоить. Пошли. – Я вывел Хатию на балкон.
- Неудобно, Сосойя!
- А будить чуть свет стариков удобно? Идем!

Мы спустились с балкона. Потом я вернулся в комнату, стащил во двор мешки с кукурузой и кое-как навьючил ими осла.

- Ну, тронулись! – Я взял Хатию за руку.
- Ах вы разбойники! Хотите улизнуть?

На балконе стоял заспанный, взлохмаченный дядя Бабило. – Вы что же, хотите опозорить меня? Куда это вы не евши! – погрозил он пальцем.

- Спасибо вам, дядя Бабило, но лучше нам отправиться пораньше, дорога все же длинная, вы уж не обижайтесь, пожалуйста! – попросил я.
- Да, пожалуй, твоя правда... – согласился Бабило.
- Ну, мы пошли, дядя Бабило! До свидания и большое вам обоим спасибо!

– Погоди, сынок, погоди!

Бабило вошел в комнату и почти тотчас же вернулся обратно. У меня потемнело в глазах: в руках он держал полушубок и сапоги. Бабило не спеша спустился по лестнице и подошел к нам. Я не мог вымолвить слова, язык одеревенел во рту. С трудом я сдерживал себя, чтобы не разреветься.

– Вот, сынок, твои сапоги! – Бабило протянул мне сапоги. Я взял их и проглотил горькую слюну.

– А вот и полушубок!

– Передумали, дядя Бабило? – пролепетал я.

– Да, сынок, передумал... – Бабило положил руку мне на голову. – Не нужны мне ни полушубок, ни сапоги... А вот ружье я оставляю. Подарок Хатии оставляю обязательно!

– Что, дорого, дядя Бабило? – Я почувствовал, как у меня скривилась губа.

– Нет, сынок, не дорого... Просто я передумал.

Что мне оставалось делать? Я повернулся и стал снимать мешки.

– Что ты делаешь? – испугался Бабило.

– Как что? Вы ведь передумали?

– А зачем ты снимаешь мешки?

– Так надо же вернуть вам кукурузу...

– Убей меня бог! Да как ты мог подумать такое! При чем кукуруза? Я возвращаю тебе полушубок и сапоги, а кукурузу ты бери себе, на черта мне кукуруза? Смотри-ка, что он подумал! – Бабило потрепал меня за волосы.

– Дядя Бабило...

– Что, сынок?

– Дядя Бабило... Я так... Я... Я не нищий! – выговорил я с трудом и покраснел до корней волос. Бабило быстро убрал руку с моей головы и отпрянул.

– Ты что сказал? Повтори, какие ты слова сейчас произнес? Ах ты, сукин сын! Как ты смел? Кто тебя научил так разговаривать со старшими? Нищий? Я же взял у вас ружье? Значит, я нищий? Принять от старшего пару зернышек кукурузы – это, по-твоему, нищенство? Нет, ты слышала, Хатия, что он тут сболтнул?

Я больше не мог сдержать себя и заревел, словно побитый мальчишка.

– Ну вот еще! – Бабило обнял меня. – Постыдился бы! Перестань сейчас же! Кукуруза! Подумаешь! Нужна она мне, как... Да у меня, если хочешь знать, амбар полон этой самой кукурузой, не знаю, куда ее девать!.. Хоть выбрасывай!.. А сапоги пригодятся тебе, да еще как! Бог даст, возвратятся мои мальчишки, сыграем свадьбу, придешь к нам в этих сапогах! Смотрите, не подведите меня! Ты и Хатия должны быть первыми на свадьбе!.. То-то!.. Ну а теперь... с богом!.. – Бабило нежно отстранил меня.

– Дядя Бабило! – крикнула Хатия и пошла к Бабило.

– Что, дочка? – Бабило шагнул навстречу Хатии.

Она руками нащупала лицо Бабило, поднялась на цыпочки и крепко поцеловала его в щеку.

Я повел Хатию к калитке, осел сам вышел из ворот и не спеша поплелся по дороге.

– Не забывайте меня, детки! Будете в наших краях, обязательно загляните к нам, подбодрите старушку! – крикнул на прощанье Бабило и закрыл ворота.

– До свидания, дядя Бабило-о-о!..

– До свидания, дети!

Пока мы не скрылись за поворотом, Бабило стоял у ворот и смотрел на нас.

...Я и Хатия шли молча. Село пробуждалось. Над крышами домов вились белые дымки. Со всех сторон слышались хлопанье крыльев и пронзительный крик петухов. Мычали коровы. Потягиваясь, лениво лаяли заспанные собаки. По дороге вместе с нами шагало утро...

Выйдя за околицу и поднявшись на пригорок, Хатия остановилась.

– Что? – спросил я.

Хатия не ответила. Она стояла не двигаясь, как изваяние, и смотрела на восток. Из-за Суревских гор поднималось огромное оранжевое солнце.

ВЕЖЛИВОСТЬ

Тропинка петляет, вьется между дворами, вливается в проселочную дорогу, которая тянется дальше, вниз, к берегам Супсы... Куда ты идешь, дорога? Куда ты ведешь нас? Я видел, как в сорок первом ты, живая, грозная, печальная, увела моих односельчан на войну. Многих ты увела тогда, дорога!.. Но... есть же предел твоему движению вниз? Есть же граница, откуда ты должна вернуться обратно? Так возврати мне моих людей, возврати соседей, друзей, возврати мне всех и все, что ты отняла у меня тогда, в грозном и печальном сорок первом... Я знаю, настанет день, когда ты возьмешь меня, дорога... Но я вернусь! Вернусь сам! Я не хочу, чтобы весть обо мне донесли в мой дом чужие уста!.. Я вернусь и скажу: «Это я, люди! Я вернулся к вам!» Я молю тебя, дорога: сделай так, чтобы каждый вернулся сам, пусть на костылях, вернулся бы и сказал: «Это я, люди! Я, муж Цуцы – Важиго, я, сын Лукайи – Кукури!..» Ты слышишь меня, дорога? Верни мне всех и все, что ты отняла у меня тогда, в грозном и печальном сорок первом! Пора уже, давно пора: настал сорок четвертый год!

Вернувшись с войны, Захарий Кигурадзе успел уже жениться и даже произвести на свет мальчонку, которого в честь союзников назвал Рузвельтом... На селе участились пирушки, песни и танцы до утра, приглашения соседей, нескончаемые рассказы фронтовиков, прерываемые также нескончаемыми вопросами: «А моего парня ты не встречал?..»

Люди, покинувшие село в сорок первом году, возвращались по той же дороге. Возвращались увешанные орденами и медалями. Возвращались раненые, обескровленные, изуродованные, но несломленные, сильные духом, полные веры и надежд.

Они шли в истоптанных сапогах, выцветших гимнастерках по чужим, пыльным дорогам Европы, но возвращались домой по родной проселочной дороге, по которой ушли в тот далекий жаркий июньский день... И эта дорога была похожа на урез заброшенной в большой водоворот сети, которую сейчас упорно и медленно вытягивала на берег окрепшая жизнь.

Последний урок в тот день был тетин. Она крупными буквами вывела на доске тему контрольной работы: «Образ людоеда Гитлера в грузинской художественной литературе периода Великой Отечественной войны». Потом повернулась к классу и предупредила:

– Дети, сегодня вечером все придете в школу. Лектор из центра прочтет лекцию «Вопросы морали, этики и вежливости». Понятно?

– Прийти всем или только невежам? – спросил я.

– Всем!

Мы приступили к письму. За какие-то пятнадцать минут я заполнил две страницы тетради всеми ругательными цитатами из стихов и рассказов о Гитлере, какие только мне приходилось слышать или читать. Облаяв и охаяв фашистского главаря, я положил тетрадь перед тетей, взял за руку Хатию и вместе с ней вышел из класса.

Вечером в школьном дворе собралось все село. Со всех сторон доносились смех, шутки, споры. Вдруг толпа расступилась. В сопровождении нашего председателя Кишварди шел городской лектор, высокий, худой мужчина с желтым портфелем под мышкой. Поскольку количество желающих послушать лектора намного превысило вместимость самой большой классной комнаты, трибуну вынесли на балкон, а слушатели расположились во дворе на принесенных длинных скамейках. Мы, дети, расселись тут же на травке.

Лектор раскрыл портфель, долго копался в нем, наконец извлек мятую тетрадь, положил ее перед собой и начал:

– Товарищи! История развития человеческого общества насчитывает пять типов общественных формаций. Каковы эти формации?

Мы, разумеется, проявили вежливость и промолчали.

– Первый тип, – продолжал лектор, – первобытный родовой строй. Второй тип – строй рабовладельческий. Третий – феодальный строй. Четвертый – капиталистический. И наконец, пятый...

– Социалистический! – подсказали лектору. – Правильно! – обрадовался он. – В эпоху первобытного родového строя, в те незапамятные времена...

- Пропали мы! – шепнула мне Хатия. – Когда он доберется до наших дней?!
- Тише вы! – зашикали на нас
- ...человек, как вам известно, ходил голый...
- Совершенно голый? – усомнился кто-то. Лектор смущенно улыбнулся.
- Прикрывался фиговым листом, – ответил задавшему вопрос сосед.
- Представьте себе, совершенно... В чем, так сказать, мать родила! – продолжал лектор.
- Дети Галактиона по сей день ходят в чем мать их родила! – сказал дядя Герасим.
- Лектор выдержал небольшую паузу, затем вновь продолжал прерванную речь:
- Глубокие процессы интеллектуального совершенствования человека вкупе с географической средой обусловили появление одежды.
- Что-то не совсем понятно! – заявил Асало Гудавадзе.
- Что тут непонятного, темнота! Человеку стало холодно, и он надел одежду! – объяснил Беглар.
- А что, к примеру, появилось раньше – штаны или халат? – спросил Асало.
- По-моему, рубашка и подштанники!
- Почему, например?
- Потому что подштанники и рубашки надеваются под штанами и халатом! Не мог ведь человек поступить наоборот? Соображать надо!
- Это, конечно, так, но мало разве людей и сейчас ходит без подштанников?
- Нет у них чести, потому и ходят! – отрезал Беглар.
- Это еще вопрос, чего у них нет – чести или подштанников!
- Люди, дайте же человеку говорить! – прикрикнул Кирилл Джабуа на Беглара и Асало. – Неужто вы не понимаете: в военное время и при нехватке мчади такие лекции для нас крайне необходимы, иначе мы совсем отобьемся от рук!
- А вот, к примеру, я с утра до ночи крою матом Гитлера... Как это расценивается наукой: как невежливость или как? – не отставал Асало от лектора.
- Ругаться громко вообще неприличностей более в присутствии женщин! Прав я, женщины? – обратился Беглар к присутствующим женщинам.
- Чтоб тебе провалиться! – отмахнулась Машико.
- А можно ругаться про себя? – задал вопрос Макар.
- Да хватит вам, в конце концов! стыдно!
- Непонятно: что стыдно, что невежливо?.. – развел руками Асало.
- Что вы не поняли, друзья? – забеспокоился лектор. – Произошла этическая и моральная революция... В рафинированном аспекте агностицизма...
- Дружок, можешь ли ты ясно сказать, что тебе от нас нужно? – прервал лектора Герасим.
- Лектор так и обмер. Он извлек из внутреннего кармана огромный платок и умоляюще взглянул на Кишварди. Председатель поставил перед лектором стакан с водой и обратился к аудитории:
- Так нельзя, товарищи! Что вы к нему прицепились? Он ведь тоже человек!
- Лектор отпил воды и, оправившись немного от смущения, начал:
- Товарищи, выражаясь простым языком... – И он детально рассказал нам, как появилось на свете понятие вежливости, как в каменной пещере отец согнал развалившегося на каменном стуле сына, дал ему подзатыльник и сам занял его место, как после этого дети приучились уступать место старшим и стали, таким образом, вежливыми, как в дальнейшем менялись общественные формации, понятия о вежливости... Наконец лектор коснулся элементарных норм этики. – Знание норм морали и этики необходимо человеку в его каждодневной жизни. Что такое этика? – поставил лектор вопрос.
- Простите, а что такое мораль? – раздался встречный вопрос.
- Существуют люди моральные и аморальные.
- Это как?.. Такими могут быть мужчины и женщины или только мужчины?

– Нет, почему же, встречаются и женщины...

– А скажите, эта мораль или как там ее... Человек рождается вместе с ней или приобретает ее потом?

– Сейчас я вам отвечу: мораль как таковая не является врожденным качеством человека.

– А вежливость?

– Также и вежливость. – А этика?

– Этика тоже!

– Получается, что несчастный человек рождается лишенным этики, морали, вежливости? – пожалел человека Макар.

– Приблизительно так, – улыбнулся лектор.

– А где же ему учиться этой самой морали и вежливости?

– Учиться у самой жизни... Жизненный опыт – лучший наш учитель!

– А как быть старикам? – спросил Асало.

– Для вас и проводится лекция, темнота! – ответил ему Беглар»,

– Я так и не понял, что такое мораль? – проворчал Макар.

– Мораль – это атрибут, входящий скорее в сферу честности, чести...

– А-а, значит, это о человеке бесчестном, о невеже? – Приблизительно так...

– А если, к примеру, у детей и мать и отец – оба невежи или же, наоборот, дети сами – звери и головорезы, чего путного ждать от такой семьи?

– Сейчас я вам отвечу: знание того правила, что нож должен лежать справа от тарелки, а вилка – слева, конечно, не сопутствует ребенку с момента его рождения, однако постепенно, в результате интенсивной воспитательной и педагогической работы, ребенок усваивает эту элементарную истину.

– Извините, можно задать вопрос? – поднял руку Макар.

– Пожалуйста!

– Вот вы говорите насчет ножа и вилки, то есть где они должны лежать – слева, справа и все такое. А я сегодня вообще ел руками. Как же теперь быть со мной?

– А руки ты помыл? – крикнул кто-то.

– Помыл!

– Мылом?

– Еще чего? Не на свадьбу ведь шел!

– Значит, ты невежа. Садись! Макар сел.

– А чихать громко можно? – поступил очередной вопрос.

– Если вы чихнете в обществе, следует извиниться! – ответил лектор.

– А почему чихнувшему говорят «будь здоров»?

– Ну, ему, кроме того, говорят еще «чтоб ты сдох»! – напомнили задавшему вопрос.

– Скажите, пожалуйста, икать громко – это вежливо или нет? – не унимался Макар.

Лектор, поняв, что над ним просто-напросто издеваются, взглядом попросил помощи у председателя.

– Товарищи! – сверкнул глазами Кишварди. – Где ваша вежливость? Человек читает лекцию о вежливости, дайте же ему говорить!

– Не надо лекции! Лучше мы будем задавать вопросы! – предложил Герасим.

Кишварди взглянул на лектора. Тот утвердительно кивнул головой.

– Хорошо, задавайте вопросы! – разрешил председатель.

– У меня вопрос! – опять поднял руку Асало Гудавадзе. – Скажем так: вежливо ли заставлять человека слушать рассказ о вещах, которые его не интересуют?

– Нет, конечно! – ответил лектор и осекся. Он понял все. И поняв, крикнул: – Товарищи, да что вы, в самом деле! Не сам же я к вам приехал! Мне поручено!.. А вы... Я... – Он смешался, замолчал и потянулся к графину с водой.

– Да ты не волнуйся, сынок! – сказал ему Герасим. – Учить нас вежливости – это дело десятое... Вчера ветром побило и повалило всю нашу кукурузу. У нас нет купороса, нечем опрыскать виноградники. Вот ты научи нас, как быть? Посоветуй, помоги нам! А чихать громко или не чихать, извиняться при этом или нет, это мы решим сами, без вашей помощи, твоей и твоего начальника...

Лектор стоял как пораженный громом.

– Ты, сынок, приехал из города. Так расскажи нам продела на фронте. Когда же кончится эта проклятая война? До каких пор мы будем преследовать Гитлера? – спросил теперь Теофанэ Цуладзе.

– Вот-вот! Скажи что-нибудь радостное для сердца!

– О новостях расскажи! – раздалась возгласы. Лектор растерялся окончательно.

– Что же я вам расскажу? Вам все известно лучше меня...

– Ты скажи свое, мы – свое... А читать седовласым старикам лекцию о ножах и вилках... неудобно даже, сынок!

– Так вы же не дали договорить! – постарался оправдаться лектор.

– До пустых ли нам сейчас разговоров, сынок? – улыбнулся Беглар. – Ты скажи нам доброе, утешительное, дельное слово, мы и послушаем тебя с удовольствием!

– Ну, дела на фронте, товарищи, идут хорошо! Не в этом году, так весной сорок пятого война кончится... Судьба Германии решена!

– Кто первым вступит в Берлин – наши или союзники?

– Наши! Теперь уже нас не остановить!

– Говорят, какую-то бомбу новую Гитлер выдумал...

– Вранье! Такого, как у нас, оружия сейчас нет ни у кого!

– Дай бог тебе здоровья!.. А как с Англией и Америкой? Не отступятся ли они от нас? Можно им верить?

– Сейчас не отступятся. А вообще-то, конечно, главные силы Германии сосредоточены на нашем фронте. Союзникам сдают они города без боя. Но все равно ничего теперь из этого не получится! Не на таких напали!

– Ясно, Германии выгоднее иметь дело с ними...

– А как будет дело с германским правительством?

– Будет суд. Уже готовятся материалы!

– А если они сбегут к американцам? Что ты попишешь?

– Мы потребуем, чтобы передали их нам.

– А они откажутся! Что тогда?

– Как это откажутся? Да вы не беспокойтесь, товарищи! Все будет так, как надо! Все, кто нам причинил столько зла и несчастий, все до одного ответят головой! Никто не уйдет от заслуженной кары! А как же! Мы еще встанем на ноги! Вернется радость в каждый наш дом! Вы не бойтесь, друзья! Столько вы вытерпели, столько совершили героических дел! Потерпите еще немного, еще самую малость, и воздастся вам за все ваши лишения и труды. Потерпите еще чуточку, прошу вас! – попросил лектор так, словно исход войны решали мы – сотня стариков, женщин, детей и инвалидов.

Я обвел взглядом собравшихся и убедился, что это было именно так, что именно от них – от этих суровых, грубых, добрых людей – зависела всецело судьба войны и моей страны.

Лектор замолчал и неловко улыбнулся.

– Лекция окончена! – объявил Кишварди.

Народ стал расходиться. Я взял Хатию под руку и подошел к балкону.

– Да ты, оказывается, отличный парень! – говорил Герасим лектору, похлопывая его по плечу. – Кишварди, сегодня вы мои гости! Ты, наш уважаемый гость, и ты, Макар, и ты, Асало, и ты...

– Что вы, что вы... Спасибо... – стал отнекиваться лектор.

– Никаких «что вы»! Пойдешь ко мне, только... есть придется руками! – И Герасим обнял лектора.

...Со двора дяди Герасима до утра доносились веселый шум, громкие возгласы и застольные песни.

ДАНКЕ ШЁН

И опять в нашем доме опустел ларь, опять остыл кеци. А до осени рукой подать. Еще неделя, и поспеет молодая кукуруза! И село ждало исхода этой недели, как мать в конце шестого месяца ждет прорезания первого зуба у своего первенца. Но пока кукуруза еще не поспела... А голод сосет, сосет под ложечкой...

– Сосойя, сбегай к Мине, возьми займы горшок муки! – попросила тетя.

– Никуда я не пойду, стыдно мне! Ступай сама!

– Я пока разогрею кеци, – нашла тетя причину.

– Кеци разогрею я.

– А кто наколет дрова?

– И дрова наколю я!

– Ольхи надо нарвать...

– Я нарву!

Тетя задумалась. Я понимал, что ей не хочется идти к Мине, неудобно просить муку у матери своего ученика. Но я боялся, что мне Мина может и отказать, а с тетей поделится последним куском мчади каждый, к кому бы она ни обратилась с просьбой.

– Сосойя... – начала тетя.

– Не проси, тетя, все равно не пойду, – прервал я ее. – Пойми, стыдно мне, стыдно, стыдно!

– А мне не стыдно?

– Мне еще больше стыдно!

Тетя взяла горшочек и вышла из кухни. Я выбежал во двор, выдернул из плетня несколько кольев, развел в очаге огонь, сунул туда кеци, поставил рядом медный кувшинчик с водой, набрал сухих ольховых листьев и стал дожидаться тети. Она скоро вернулась, поставила горшочек у очага и стала засучивать рукава.

– Что сказала Мина? – спросил я. Тетя высыпала муку в корыто.

– А, тетя?

– Налей воды! Я налил.

– Скажи, тетя!

Тетя стала месить тесто.

– Пусть, говорит, Сосойя снимет с огня кеци!

– А еще что?

– Пусть, говорит, Сосойя выстелет кеци листьями.

Я выполнил и это поручение. Тетя положила тесто на раскаленный кеци. Тесто зашипело. Я проглотил слюну.

– А еще что?

– Еще? Не смей, говорит, кормить этим мчади бессовестного Сосойю!

Тетя накрыла кеци куском жести и посыпала горячей золой.

– А ты что ей сказала?

– Сказала, что не посмею!

– А что она сказала?

– Если, говорит, Сосойя не заткнется, сунь ему в рот горячую головешку! – И тетя поднесла к моему носу головню.

Я заткнулся.

Трудно, очень трудно голодному мальчику сидеть у очага и ждать, пока выпечется мчади! Как медленно тянется время! А под ложечкой сосет, ох как сосет... Рот наполняется слюной, не успеваешь глотать ее!.. Я не в силах больше сдерживать себя. Я приподнимаю кусок жести. Из-под нее вырывается горячий, ароматный пар.

– Не лезь, Сосойя! Тесто еще сырое! – прикрикнула на меня тетя.

– Ну и что? Свиной и индюшек специально кормят сырым тестом! – оправдался я.

– Мчади не только для тебя! Уйди, говорю!

Я пересел. И опять потянулись невыносимые минуты. Чаша терпения переполнилась. Не устояв перед соблазном, тетя сама приподняла жезл.

– Рано еще, тетя! – сказал я.

– Слава богу, готово! – проговорила тетя и вынула из кеци полусырой мчади.

Я приволок низкий столик. Тетя сбросила на столик дымящийся мчади, достала из банки последнюю головку сыра. Я принес бутылку вина, солонку с солью, несколько головок лука-порей и сел. Тетя разломала мчади пополам, потом одну половинку еще на две части.

– Ну ешь, бездельник!

Я схватил свою порцию мчади и уже впился было в него зубами, как во дворе раздался чей-то робкий кашель.

Я и тетя обернулись к распахнутой двери.

Во дворе стоял и искательно улыбался худой, гладковыбритый, голубоглазый немец в зеленом вылинявшем форменном кителе и огромных чувяках.

– Немец, плен! – произнес он на ломаном русском языке.

Я вспомнил: ребята говорили, что в район на стройку пригнали двести немецких военнопленных. Люди со всех окрестных сел толпами валили поглядеть на диковинку – живых немцев. Для меня же это был первый «настоящий» немец, увиденный в жизни. Почему-то я встал. Встала и тетя.

– Гутен морген! – сказал немец и вежливо поклонился.

– Это военнопленный! – сказала тетя и невольно поправила волосы.

– Гутен морген! – повторил немец и еще раз поклонился.

– Гутен морген! – ответил я.

– Что ему нужно, Сосойя? – спросила растерявшаяся тетя.

– Не знаю. Пока что он только желает нам доброго утра... Чего тебе, фриц? – помахал я рукой.

– Гитлер капут! – выпалил немец, сложил правую ладонь наподобие револьвера и приставил к виску указательный палец.

– Это нам известно, газеты читаем. Ты скажи, что тебе нужно?

– Не понимай! – немец пожал плечами.

– Что нужно? – спросил теперь я по-русски.

– Иоганн... Их бин Иоганн! – Немец несколько раз ткнул рукой себя в грудь.

– Чего он привязался? – повернулся я к тете.

– А я почему знаю... – развела она руками.

– Хенде хох! – вспомнил я уроки военного дела. Немец испуганно взглянул на меня и поднял руки.

– Гитлер капут! – добавил я.

– Гитлер капут! – тотчас же подтвердил он, не опуская рук. Я не знал, как по-немецки звучит команда «отставить», поэтому подошел к немцу и почти насильно заставил его опустить руки вниз.

– Что ты хочешь, что? – повторил я вопрос.

– Хлеб... – произнес тихо немец.

– А-а, хлеб? Белый или черный?

– Не понимай...

– С маслом или с сыром?

– Хлеб... Бутер...

– Ага, бутерброд, значит?

– О, бутерброд! – обрадовался немец.

– Подвело животы, сволочи? Иди к своему Гитлеру, пусть он угостит тебя!

– Гитлер капут! – сказал немец безнадежно.

– Неужели?! Вот огорчил меня! – покачал я головой. Немец почувствовал иронию в моих словах и теперь обратился к тете:

– Хлеб, фрау, хлеб...

Губы у немца задрожали. Я проследовал за его взглядом и увидел, что он устремлен к нашему накрытому столику.

– С ума он сошел! Еще чего не хватало! Хлеба ему подавай! – сказал я тете. Она стояла побледневшая и молчала. Вдруг тетя повернулась, бросилась на кухню, схватила свой кусок мчади и подала его немцу.

– О, данке шён, фрау, данке зеер! – Немец дрожащими руками принял мчади и стал за обе щеки уплетать его.

С минуту тетя смотрела на жадно евшего немца, потом снова вернулась на кухню, вынесла весь оставшийся мчади и отдала ему.

– Тетя, ты с ума сошла?! – схватил я ее за руки.

– Отстань, Сосойя! – Тетя отстранила меня и опять побежала на кухню. Немец с недоумением смотрел на нас.

– На, немец, на! На тебе сыр, на тебе вино! Бери! – Тетя сунула в руку немцу весь наш обед и вдруг расхохоталась.

– Тетя! – испугался я.

– Молчи, Сосойя, молчи! Пусть берет все! Пусть! Что еще тебе, немец? Скажи, что еще дать тебе? – выговаривала тетя сквозь смех.

– Папирос, фрау... – расцвел немец.

– Дай ему табак, Сосойя!

– Нет у меня табака!

– Есть! Полный карман!

– Нету! – заупрямился я.

– Отдай сейчас же! – Тетя засунула руку в мой карман и протянула немцу полную пригоршню табака. – На, бери! Бери!

Руки у немца были заняты, поэтому тетя сама насыпала ему в карман мой табак, потом легонько подтолкнула его и сказала с улыбкой:

– Иди теперь, немец, иди!

– О, фрау, данке зеер, данке шён!

– Иди, иди, немец!

Я смотрел, вытаращив глаза, на смеявшуюся тетю и не мог понять, что с ней происходит.

– Данке, фрау! – еще раз поблагодарил немец и стал пятиться к калитке.

– Не за что!

Тетя обняла меня, крепко прижала к груди и вдруг разрыдалась. Перепуганный немец поспешно вышел со двора.

– Что с тобой, тетя? Почему ты плачешь? – спросил я еще более испуганно.

– Ничего, Сосойя, ничего! Посмотри на него! – И она показала на удалявшегося немца.

– Ну и что?

Тетя опять заплакала, потом засмеялась, снова заплакала.

– Видишь? Видишь, Сосойя? Видишь?!

Каждый, кто взглянул бы сейчас на тетю, принял бы ее за сумасшедшую. Но мне никогда еще не приходилось видеть на лице моей тети столько радости и счастья!

Ночь. Я лежу в своей постели и мечтаю о приятном сне. Я люблю сны; спящий человек, не видящий снов, все равно что покойник. Я считаю так: днем, когда мы ходим, разговариваем, спорим, – мы живем. Ночью, когда мы спим и не чувствуем ничего, – мы мертвы. Следовательно, тот, кто не видит снов, половину своей жизни проводит зря, в состоянии покойника. Я же все свои шестнадцать лет прожил сполна, потому что за редким

исключением каждую ночь вижу сны. Во сне, как и днем, я хожу, разговариваю, смеюсь, плачу. Во сне, как и днем, мне бывает холодно и жарко, весело и скучно, радостно и грустно. Вот потому и хочется мне увидеть приятный, хороший сон. Я каждый раз перед сном разговариваю с тетей для того, чтобы продолжить этот разговор во сне. Тетя никогда не делится со мной мыслями до конца, а во сне она всегда откровенна, во сне она ласкает, целует, наставляет меня, говорит, что нет у нее на свете никого дороже меня... Вот и сейчас мне хочется поговорить с тетей, но что-то сдерживает меня. После сегодняшнего события я растерян, смущен. Потому и лежу я молча и мечтаю о приятном сне...

– Сосойя!

– Да, тетя?

– Спишь?

– Нет, тетя, какой там сон!

– Видел того немца?

– Лучше бы мне не видеть проклятого! – проворчал я, и опять под ложечкой у меня засосало.

– Конец войне, Сосойя, конец! – Тетя присела в постели.

– Кто это сказал?!

– Конец войне, Сосойя!.. Раз мы дожили до того дня, когда немецкий солдат пришел к нам и попросил кусок хлеба, – значит, войне конец! Понимаешь?

Я не ответил.

– Ты не обижайся на меня, Сосойя... Я была готова отдать ему весь дом, не то что мчади...

– Я тоже, тетя...

– Прости меня, Сосойя...

– Что ты, тетя!

– Подумай, Сосойя, что это значит! Немецкий солдат попросил у нас хлеба!

– Да, тетя!

Тетя помолчала, потом очень ласково спросила:

– Сосойя, ты голоден?

– Нет, тетя, ничуть! Мне совсем не хочется есть!

– И мне тоже...

– Ну тогда заснем, тетя...

...Сон не шел... Пропели первые петухи... Я встал, подкрался к тетиной кровати. Она спала и улыбалась во сне. Тете снился приятный сон.

Зачастили петухи. Я вышел во двор. На склонах гор, крышах домов, плетнях таял легкий, прозрачный, фиолетовый туман. Над селом занималась заря...

ПАВОДОК

Весной, когда на Суревских горах начинает таять снег, наша Супса свирепеет. Она выходит из берегов, заливают всю пойму, бушует, ревет, с корнями вырывает столетние деревья, набрасывается на мосты, уносит их, словно щепки, куда-то вниз, и не только мосты – бывает, жертвой взбесившейся реки становятся и звери, и скот, и люди.

Потом Супса постепенно остывает, угомонивается, возвращается в свое ложе, оставляя на берегах уйму дров и живительного ила. Река словно возмещает людям причиненное им зло.

Мы любим свою Супсу. Мы не боимся Супсы. Во время паводка люди наскоро сооружают земляные валы и насыпи, засыпают реку нанесенными ею же камнями и делают это с такой старательностью, словно им незнаком свирепый нрав Супсы. Или же вообще не делают ничего – стоят на берегу и наблюдают, на что еще способна эта небольшая сумасбродная река.

Паводок – лучшее время для ловли рыбы кошами.

Я, Нодар Головастик, Отия Каландадзе и Яго Антидзе поставили свой кош выше всех других кош наших односельчан. И это не могло не вызвать общего возмущения!

– Разбойники! Это что же получается? Я должен жрать требуху вашей рыбы? Уберите отсюда кош, иначе перебью всех вас, чертей! – налетел на нас Венедикт Кутубидзе.

– А что, нам, что ли, есть требуху твоей рыбы? – спросил Венедикта довольно мирно Нодар.

– Слушай, говорю тебе, уберите отсюда кош!

– А где прикажешь ставить его? – вмешался Яго.

– Где хотите!

– Вот и прекрасно! Мы хотим именно здесь!

– Опять? Что я тебе сказал? – взвизгнул Кутубидзе.

– Чем ты недоволен, дядя Венедикт? – прикинулся я овечкой.

– Ты еще спрашиваешь? Христом-богом вас прошу – снимите ваш кош и перенесите его куда-нибудь вниз по течению! Вот и все!

– А что нам там достанется?

– Да какое мне дело? Что достанется, то и жрите!

– Э-э-э, почему так грубо, дядя Венедикт? – обиделся Нодар.

– Грубо? Ты посмотри на этого головастика!

– Не оскорбляй человека, дядя Венедикт! Хватит ему своего горя! – пожалел товарища Отя.

– А ты при чем?

– Как это при чем? Друг он мне или кто?

– Оно и видно! Все вы одним миром мазаны!.. Ну-ка соберите ваши манатки и убирайтесь отсюда!

– Товарищ Венедикт! – начал официальным тоном Яго Антидзе.

– Какой я тебе товарищ, сопляк! – взорвался Венедикт.

– Да что ты в самом деле, река эта твоя, что ли? – спросил Нодар.

– А чья же? Тебя не было и в помине, когда я здесь ставил коши.

– Ну, а теперь позволь нам! – попросил Нодар.

– Говорю вам: перенесите кош ниже или убирайтесь на тот берег!

– Послушай, дядя Венедикт, река не твоя и не наша, река принадлежит Советской власти и рыба в реке – тоже! – объяснил я.

– Ты кого учишь, болван, что мое, а что государственное?!

– В Конституции сказано, что все мы в равной мере пользуемся правом на отдых и на охоту! – уточнил Нодар.

– Не учи меня, что сказано в Конституции! Я на своем веку знал много конституций! – огрызнулся Венедикт.

– При чем тут я? Так сказано в Конституции!

– Что, что там сказано? Чтобы Нодар Головастик и Сосойя-бездельник отнимали кусок хлеба у Венедикта Кутубидзе?

– Нет, не совсем так... Чтобы ели все, вот что сказано!

– Так, да? – сощурил глаза Венедикт.

– Так! – кивнул головой Нодар.

– Значит, так? – обратился Венедикт ко мне.

– Точно! – подтвердил я.

– А разве о том там не сказано, что подобные вам сорванцы обязаны иметь честь и совесть и уважать старших?

– Видно, не читал ты Конституцию... Там нет такого указания.

– Нет?

– Нет.

– Значит, нет?

– Нет, дядя Венедикт, чего нет – того нет! – Значит, об этом не сказано, а о том, что вы должны жрать, а я глядеть вам в рот, об этом сказано? – Рыбы хватит на всех, дядя Венедикт! – Нет, ты ответь мне! – Не сказано, да? – не отставал Венедикт.

– Нет! – заупрямился я.

– И это называется Конституцией?! – Не дождавшись ответа, Венедикт выхватил из-за пояса топор и направился к нашему кошу.

– Что? Что он сказал о Конституции? – спросил вдруг Отия Каландадзе.

– А что? – обернулся Венедикт.

– Сосоя, как он сказал? «Что это за Конституция»? Не так ли? А ты чего уши развесил? – напустился Отия на Яго. – А еще член комсомольского бюро!

– Что я такого сказал? – побледнел Венедикт.

– Он еще спрашивает! «Я знал много конституций! Что это за Конституция!» Значит, наша Конституция тебе не нравится? – Голос Отии зазвучал угрожающе.

– Ты... Ты не болтай лишнего! Не говорил я этого! – струсил Венедикт.

– Как это не говорил? – повысил голос Отия. – Ого! Пришел сюда, разорался: река, мол, моя, я с вами, мол, разделяюсь, то да се!.. Да ты, оказывается, самый настоящий частный собственник и вредный пережиток капитализма к тому же!

– Ты это про меня? Да... как ты смеешь? – прошептал обескураженный вконец Венедикт.

– А что, не грозился разве? – подлил в огонь масла Яго. – Вместо того чтобы поддержать молодежь в трудное военное время, ты оскорбляешь нас, и не только нас, но и нашу Конституцию. Еще и запрещаешь ловить рыбу! Да если хочешь знать, немецкие фашисты ничего худшего и не делают!

– Вы что, с ума посходили, ребята? – застонал Венедикт.

– Не знаю, как вы, а я этого дела так не оставлю! – Нодар стал одеваться.

– Ты куда? – воскликнул Венедикт.

– Я знаю, куда...

– Что ты знаешь?

– Да, дядя Венедикт, мы все любим тебя, но... простить оскорбление Конституции и проявления пережитков капитализма, извини, не можем. Вот так! – категорически заявил Отия и тоже потянулся к одежде.

– Да постойте, сукины дети! Не сводите меня с ума! Ничего я такого не говорил!

– Это выяснится там! – произнес Нодар многозначительно.

– Где там?

– Увидишь...

– Вы что, сволочи, задумали? Бога у вас в душе нет! Клевещете на меня! – обезумел Венедикт.

– Здесь нас четыре свидетеля. Устроят тебе очную ставку, что ты тогда запоешь? – сказал Яго.

– И совесть вам позволит сделать это?

– Позволит, да еще как! – ухмыльнулся Нодар.

– Из-за паршивой рыбы губите человека? – прослезился Венедикт. – И кто? Выросшие на моих глазах мальчишки! Натэ! Подавитесь и рыбой, и кошом, и Супсой! Жрите, авось лопнут ваши утробы!..

– А ты отстанешь от нас?

– Я-то отстану, но бог вас накажет!

– С богом договоримся мы сами, а ты оставь нас в покое!

– Поднимитесь хоть чуть выше, безбожники!

– Чуть выше поднимемся, так и быть! – пообещали мы.

– А я ничего такого не говорил, сукины вы дети, и прикусите ваши поганые языки!

– Опять ты за свое?

Венедикт долго укоризненно смотрел на нас, потом вскинул на плечо топор, плюнул и пошел своей дорогой. Мы прыснули. Венедикт обернулся.

– И в кого только вы уродились, черти полосатые?

– Иди к нам, дядя Венедикт, угостим тебя хорошим табаком! – позвал я.

Венедикт почесал в затылке, подумал, потом решился, вернулся и уселся на камне. Закурили.

– Вот вы здесь дурака валяете, – начал Венедикт, – а простых вещей не понимаете... Потому дети вы, несмышлениши... У реки, как и у леса, свои законы. Это неважно, бьете вы слона или зяблика, ловите рыбу или кита... Охотник должен уважать охотника... Слышали про такое растение – женьшень? Так вот, когда искатель найдет и пометит его, никто другой не имеет права даже дотронуться до того женьшеня. Нарушил правило – смерть тебе! Это – закон! А как же! Река эта – общая, и все мы имеем на нее равное право! Я разве против того, чтобы вы здесь ловили рыбу? Да ни боже мой! Ловите себе на здоровье, рыбы в реке хоть отбавляй! Но ловите по правилу! Эвон сколько тут кошей выше моего! И ничего! Я ни слова! Почему? А потому, что поставлены они по правилу, люди держат расстояние! Я ведь поставил свои кош выше Ладикоиноного, а он что? Ни слова. Потому знаю я, где и как ставить кош... А вы? Взяли да устроились и двух шагах от меня... Разве это дело? То-то... – Венедикт поднялся. – Ну ладно, пойду я... А вы тут будьте осторожны с рекой... Супса – она сумасшедшая... Бывайте, ребята!

Венедикт ушел. Мы подобрали свои манатки, сняли наш кош и перенесли его далеко вверх по течению реки.

...На берегу у нас разбита небольшая палатка. Отия и Яго отдыхают в тени палатки, я и Нодар устроились на коше и ждем, когда на сетку выбросится рыба. Мутные волны Супсы несут наглотавшуюся ила, потерявшую ориентацию рыбу, подбрасывают ее на сетку коша, а сами, вероломные, стекают сквозь сетку. Обалдевшая рыба бьется, извивается, разевая рот, прося помощи. Но какая уж тут помощь? Я и Нодар хватаем рыбу за жабры и бросаем на берег.

– Смотри, Сосойя, твоя красавица пожаловала!

Я посмотрел на берег. У палатки стояла Хатия.

– Хатия! – крикнул я.

Она помахала рукой и что-то крикнула в ответ, в шуме реки я не расслышал.

– Чего тебе, Хатия? Зачем пришла?

Хатия сложила у рта руки рупором и прокричала что-то.

– Иди к ней, – сказал Нодар. Я вышел на берег.

– Ну что ты орешь?

– Здравствуй, Сосойя! – Хатия протянула руку.

– Будто не виделась сегодня... Знаю я, зачем ты пришла! – Я пожал руку Хатии.

– Сосойя, дайте мне половить рыбу...

– Нельзя! Слышишь, как бурлит река? Куда тебе на кош!

– Сосойя, миленький, прошу тебя! – заскулила Хатия.

– Ты что, с ума сошла? – Отия вышел из палатки.

– Бессовестные! – обиделась Хатия.

– На вот тебе рыбы, бери сколько угодно! – Яго поставил перед Хатией ведро с пойманной рыбой.

– Что ты съешь дохлую рыбу! Я хочу сама ее поймать!

– Катись домой!

– Не уйду!

– Зайди хоть в палатку, сгоришь здесь! – попросил я заупрямившуюся Хатию.

– Не зайду!

– Ну и сиди здесь, черт с тобой! Я вернулся на кош.

– Что ей понадобилось? – спросил Нодар.

– Просится на кош.

– Ну и тащи её сюда! – Да ты что!

– Я приведу ее.

– Не глупи!

– Не бойся, не утоплю! – рассмеялся Нодар и полез на берег.

Спустя несколько минут Нодар втащил Хатию на кош и усадил её рядом со мной.

Мы сидели втроем и ждали, а рыбы все не было. Нодар от нечего делать бросал в воду прилипшие к сетке хворост и щепки и тихо напевал:

Сельдь сказала усачу:

«Коль того я захочу,

Я тебя, усач ты глупый,

Прямо в сеть заполучу!»

– Где же ваша рыба? – спросила Хатия.

– А мы послали ее за одним делом, она скоро вернется! – ответил Нодар.

– В самом деле, куда она исчезла, проклятая? Позор...

Вдруг перед нами шлепнулся подброшенный волной здоровенный усач. Мы с Нодаром схватили рыбу, но она вырвалась из рук и нырнула в воду. Волна снова выбросила усача на кош, а он снова выкрутился. Мы бросились в воду и с трудом удержали взбесившуюся рыбу. Просунув четыре пальца в жабры усача, Нодар вытащил его и поднес к лицу Хатии.

– На вот, на твое счастье!

Усач рванулся, ударил Хатию хвостом в грудь. Хатия ухватила рыбу обеими руками, прильнула к ней щекой.

– У, какая она холодная!

– Только не вздумай дурить, как в тот раз! – предупредил я Хатию.

– Не бойся, ее я не выпущу!

Я отвернулся, и вдруг в глазах у меня зарябило, я похолодел от ужаса: прямо на нас река несла огромное ветвистое каштановое дерево.

– Нодар! Бери шест! – заорал я. Нодар вскочил как ужаленный.

– Хатия! – бросился я к Хатии.

Но было уже поздно. Мощный толчок опрокинул наш кош. Я не успел увидеть, как из палатки, крича и размахивая руками, выскочили Отия и Яго, и тут же провалился в темную, холодную яму. В мгновение ока рот, глаза, уши забило илом, и вода понесла меня вниз по течению. «Вправо... Вправо... Вправо... – бьется мысль в затуманившемся сознании – еще немного, Сосойя, продержись еще немного!» Я открываю глаза, но ничего, кроме мутной воды, не вижу... Я глотаю воду и чувствую, что начинаю задыхаться... Вдохнуть хоть раз... Хоть раз... А там будь что будет!.. Легкие больше не выдерживают. Я глубоко вдыхаю и...

Я открыл глаза на берегу... Жив? Жив!.. Но что это? Куда бегут ребята? Что такое? Ведь я жив и невредим?

– Э-э-эй! Ребята, сюда, я здесь! – крикнул я и сам не услышал своего голоса. Потом в ушах что-то лопнуло, зашуршало. До меня сперва донесся шум реки, потом я почувствовал биение собственного сердца и наконец услышал отчаянный крик ребят:

– Хатия-а-а!.. Хатия-а-а!..

– Хатия... – прошептал я и опустил на песок.

Я не помню, как очутился с ребятами. Помню лишь, как меня удерживали Нодар и Отия, как кричали сбежавшиеся люди, как Супса уносила Хатию и как никто не осмеливался вступить в единоборство с неминуемой гибелью.

Потом все увидели, как на противоположном берегу показался незнакомый мужчина, как он подбежал к реке и, не раздеваясь, бросился в воду. Он то скрывался в волнах, то вновь появлялся на поверхности. Рассекая воду сильными взмахами рук, он гнался за Хатией. Наконец он настиг ее, ухватил за волосы. Супса тащила их до самой нашей школы. Здесь незнакомец пересилил реку, выполз на берег, уложил Хатию на песок и припал ухом к ее груди. Потом он подхватил девочку, шатаясь вошел, во двор школы и осторожно опустил ее на траву. Спустя минуту все село окружило Хатию и ее спасителя. Припав на колени, он

массировал Хатию. Я опустился рядом с ним и... обмер. Я узнал бригадира Датико. Он не обмолвился ни словом, спокойно продолжал свое дело, потом стал растирать Хатии виски.

– Хатия! – позвал я. – Хатия! Хатия!

Ресницы Хатии чуть дрогнули. Потом она медленно открыла глаза и тихо, очень тихо прошептала:

– Сосойя...

– Жива? – спросил кто-то.

– Жива! – сказал Датико и встал.

В толпе пронесся ветерок шепота и тут же стих. Наступило гробовое молчание.

Датико выступил на середину круга – исхудавший, заросший, в изодранной одежде и обуви. Он обвел собравшихся мутным взглядом. И каждый, с кем скрещивались глаза Датико, опускал голову и отступал назад. Датико стоял и ждал, когда заговорит село. Но народ молчал, как могила, и я испугался этого молчания, испугался, как в тот страшный день, первый день войны. Долго ждал Датико, но никто не нарушил безмолвия. Тогда он сорвал с пояса кобуру с револьвером, бросил ее на землю и покорно опустил руки. Люди по-прежнему молчали.

– Скажите хоть слово! – крикнул Датико с мольбой и дрожью в голосе.

Никто ему не ответил.

– Володя, где ты? Арестуй меня, чего ты ждешь? Ведь ты работник безопасности! Я бросил оружие, сдался. Бери же меня!

Володя Джаши выступил из толпы и остановился перед Датико. Народ напрягся в предчувствии крика, драки, стрельбы. Но случилось нечто более страшное и необъяснимое. Володя повернулся и вышел со двора, ни разу не оглянувшись.

Датико побледнел.

– Бадрия Таварткиладзе, а ты что? Милиция! Почему ты не арестуешь меня? – крикнул он.

Но Бадрии уже не было во дворе, он ушел вслед за Володей Джаши.

– Люди! – вырвался вопль у Датико.

И люди сделали то же, что и Володя и Бадри. Один за другим они стали молча, не оглядываясь, покидать школьный двор.

Датико закрыл лицо руками, упал на колени и громко зарыдал. Я смотрел на Датико и завидовал Хатии, которая не могла видеть, как плачет и тает на лазах этот огромный сильный мужчина.

– Ты сможешь идти, Хатия? – спросил я.

– Смогу.

Я обнял Хатию за талию и осторожно повел ее со двора. Проходя мимо Датико, она остановилась.

Датико взглянул на нас полными слез глазами.

– Что мне теперь делать, Сосойя?

– Не знаю, Датико...

– И ты не знаешь? Я опустил голову.

Датико встал, посмотрел на дорогу. Она была пуста. Датико побрел, пошатываясь, к воротам. Прежде чем выйти со двора, он еще раз спросил меня:

– Куда мне теперь идти, Сосойя?

Я не ответил ему, ибо не знал, куда ему следует идти. Тогда Датико махнул рукой, повернулся и ушел...

Долго шагал он, не поднимая головы. Дойдя до перекрестка, остановился, постоял с минуту и вновь зашагал, но не в сторону леса, а прямо по шоссе. Куда? Вряд ли он сам мог ответить на этот вопрос...

С ревом несла Супса свои мутные воды. По проселочной дороге, бляя и мыча, позванивая колокольчиками, возвращалось домой стадо. Там, где скрылся Датико, медленно опускалось солнце.

Я ВИЖУ ВАС, ЛЮДИ!

– Здравствуй, Бежана! Да, это я, Сосойя... Давно я не был у тебя, мой Бежана! Извини меня!.. Сейчас я все здесь приведу в порядок: расчищу траву, поправлю крест, скамейку перекрашу... Смотри, роза уже отцвела... Да, порядочно прошло времени... А сколько у меня для тебя новостей, Бежана! Не знаю, с чего и начать! Погоди немного, вот вырву этот сорняк и расскажу все по порядку...

Ну так вот, дорогой мой Бежана: война кончилась! Не узнать теперь нашего села! Ребята вернулись с фронта, Бежана! Вернулся сын Герасима, сын Нины вернулся, Минин Евгений вернулся, и отец Нодара Головастика вернулся, и отец Отии. Правда, он без одной ноги, но какое это имеет значение? Подумаешь, нога!.. А вот наш Кукури, Лукайин Кукури, не вернулся. Сын Машико Малхаз тоже не вернулся... Многие не вернулись, Бежана, и все же на селе у нас праздник! Появились соль, кукуруза... После тебя сыграли десять свадеб, и на каждой я был среди почетных гостей и пил здорово! Помнишь Георгия Церцвадзе? Да, да, отца одиннадцати детей! Так вот, Георгий тоже вернулся, и жена его Талико родила двенадцатого мальчика, Шукрию. Вот была потеха, Бежана! Талико была на дереве, собирала сливы, когда у нее начались роды! Слышишь, Бежана? Чуть было не разрешилась на дереве! Успела все же спуститься вниз! Ребенка назвали Шукрией, но я зову его Сливовичем. Здорово, правда, Бежана? Сливович! Чем хуже Георгиевича? Всего у нас после тебя родилось тринадцать детей... Да еще одна новость, Бежана, – знаю, она обрадует тебя. Хатию отец отвез в Батуми. Ей сделают операцию, и она будет видеть! Потом? Потом... Ты ведь знаешь, Бежана, как я люблю Хатию? Вот и женюсь на ней! Конечно! Справлю свадьбу, большую свадьбу! И у нас будут дети!.. Что? А вдруг она не прозреет? Да, тетя тоже спрашивает меня об этом... Все равно женюсь, Бежана! Нельзя ей жить без меня... И я смогу жить без Хатии... Любил ведь ты какую-то Минадору? Вот и я люблю мою Хатию... И тетя любит... его... Конечно, любит, иначе не стала бы она каждый день спрашивать у почтальона, нет ли для нее письма... Ждет она его! Ты знаешь кого... Но ты знаешь и то, что он не вернется к ней... А я жду мою Хатию. Для меня безразлично, какой она вернется – зрячей, незрячей. А что, если я не понравлюсь ей? Как ты думаешь, Бежана? Правда, тетя говорит, что я возмужал, похорошел, что меня трудно даже узнать, но... чем черт не шутит!.. Впрочем, нет, не может быть того, чтобы я не понравился Хатии! Она ведь знает, каков я, она видит меня, сама не раз говорила об этом... Я окончил десять классов, Бежана! Думаю поступить в институт. Стану врачом, и если Хатии сейчас не помогут в Батуми, я сам вылечу ее. Так, Бежана?

– Рехнулся совсем наш Сосойя? Ты с кем это болтаешь?

– А-а, здравствуй, дядя Герасим!

– Здравствуй! Что ты здесь делаешь?

– Так, пришел взглянуть на могилу Бежаны...

– Сходи к конторе... Виссарион и Хатия вернулись... – Герасим слегка потрепал меня по щеке.

У меня сперло дыхание.

– Ну и как?!

– Беги, беги, сынок, встречай... – Я не дал Герасиму договорить, сорвался, с места и помчался вниз по склону.

Быстрой, Сосойя, быстрее!.. Так – далеко, сократи дорогу по этой балке! Прыгай!.. Быстрой, Сосойя!.. Я бегу, как не бежал никогда в жизни!.. В ушах звенит, сердце готово выпрыгнуть из груди, колени подкашиваются... Не вздумай останавливаться, Сосойя!.. Беги! Если перепрыгнешь через эту канаву – значит, с Хатией все в порядке... Перепрыгнул!.. Если добежишь до того дерева не дыша – значит, с Хатией все в порядке... Так... Еще немного... Еще два шага... Добежал!.. Если досчитаешь до пятидесяти не переводя дыхания – значит, с Хатией все в порядке... Раз, два, три... десять, одиннадцать, двенадцать... Сорок пять, сорок шесть... О, как трудно...

– Хатия-а-а!..

Задышавшись, я подбежал к ним и остановился. Больше я не смог вымолвить ни слова.

– Сосо! – сказала Хатия тихо.

Я взглянул на нее. Лицо Хатии было белым как мел. Она смотрела своими огромными, красивыми глазами куда-то вдаль, мимо меня и улыбалась.

– Дядя Виссарион!

Виссарион стоял с опущенной головой и молчал.

– Ну что, дядя Виссарион? Виссарион не ответил.

– Хатия!

– Врачи сказали, что делать операцию пока нельзя. Велели обязательно приехать будущей весной... – спокойно сказала Хатия.

Боже мой, почему я не досчитал до пятидесяти?! В горле у меня зашепотало. Я закрыл лицо руками.

– Как ты, Сосойя? Что у тебя нового?

Я обнял Хатию и поцеловал ее в щеку. Дядя Виссарион достал платок, вытер сухие глаза, кашлянул и ушел.

– Как ты, Сосойя? – повторила Хатия.

– Хорошо... А ты не бойся, Хатия... Весной ведь сделают операцию? – Я погладил Хатию по лицу.

Она сощурилась и стала такой красивой, такой, что ей позавидовала бы сама богоматерь...

– Весной, Сосойя...

– Ты только не бойся, Хатия!

– А я и не боюсь, Сосойя!

– А если они не смогут помочь тебе, это сделаю я, Хатия, клянусь тебе!

– Знаю, Сосойя!

– Если даже не... Ну и что? Меня ты видишь?

– Вижу, Сосойя!

– Что еще тебе надо?

– Больше ничего, Сосойя!

Куда ты идешь, дорога, и куда ты ведешь мое село? Помнишь? В один из июньских дней ты отняла все, что было у меня дорогого на свете. Я просил тебя, дорога, и ты возвратила мне все, что могла возвратить. Я благодарю тебя, дорога! Теперь настал и наш черед. Ты возьмешь нас, меня и Хатию, и поведешь туда, где должен быть твой конец. Но мы не хотим, чтобы у тебя был конец. Рука об руку мы будем шагать вместе с тобой до бесконечности. Тебе никогда больше не придется доставлять в наше село вести о нас в треугольных письмах и конвертах с напечатанными адресами. Мы вернемся сами, дорога! Мы станем лицом к востоку, увидим восход золотого солнца, и тогда Хатия скажет всему миру:

– Люди, это я, Хатия! Я вижу вас, люди!

1965